№ 3. Май 1909 г.

АНАРХИСТЪ

ОРГАНЪ
РУССКИХЪ АНАРХИСТОВЪ-КОММУНИСТОВЪ

Высшее право есть право возстанія!

СОДЕРЖАНІЕ: Къ оцѣнкѣ момента. — Личность, какъ движущая сила прогресса. *Б. С-па.* — Принципы трудового анархическаго союза. *Оскаръ Буритъ.* — Капиталистическая дѣйствительность и формы рабочаго движенія. *Вадимовъ.* — Аграрный вопросъ и соціалистическія программы. *Б. Линцовъ.* — По поводу двухъ конференцій. W. — Ферминъ Сальвочеа. *Р. Рокеръ.* — Революціонное движеніе на Западѣ. — Изъ Россіи. — Денежный отчетъ. — Почтовый ящикъ.

Къ оцѣнкѣ момента.

Послѣдній годъ тяжелой, жестокой реакціи не оставилъ и слѣда отъ прежней интенсивной общественной жизни. Все замерло, уничтожено, — нѣтъ даже блѣдныхъ тѣней прошлаго... Чувствуется усталость, растерянность, полное отсутствіе энергіи и жестоко-холодное отношеніе къ тому, что страстно хотѣли и ждали такъ недавно... То, что когда-то, казалось, теряло свою привлекательность, не манило уже къ себѣ, — теперь снова пріобрѣтаетъ всю прелесть разнообразія и силы. — Общество зажило старой жизнью, съ той лишь разницей, что оно отдается ей съ жадностью, съ упоеніемъ, какъ послѣ пережитой болѣзни. Равнодушно, порою злобно, оно относится къ тому, чѣмъ жило, — къ своему неглубокому былому возвышенію во время революціи. Старое, казавшееся ушедшимъ въ далекое прошлое, властно и упорно заявляетъ о себѣ во всѣхъ областяхъ жизни, во всѣхъ слояхъ общества — со стороны правительства и буржуазіи, интеллигенціи и рабочаго класса.

Программой господствующаго класса является возстановленіе старыхъ цѣлей и прежнихъ способовъ воздѣйствія.

Правительство послѣ успокоенія занялось упроченіемъ своего положенія по образцу старыхъ временъ, съ той лишь разницей, что его дѣйствія теперь строго разсчитаны; — безъ страха и колебаній, упорно и настойчиво идетъ оно къ своей цѣли. Революція показала ему, что либерализмъ несовмѣстимъ съ полнымъ господствомъ, что колебанія и неувѣренность язвы для режима деспотіи.

Русская буржуазія отъ стихійнаго либерализма перешла къ расширенію и укрѣпленію эксплуатаціи. Въ этомъ направленіи она успѣла себя проявить, какъ солидарными выступленіями наступательнаго характера противъ рабочихъ, такъ и сильнымъ теченіемъ въ сторону организаціи своихъ силъ. Создалась цѣлая сѣть всевозможныхъ союзовъ и федерацій на почвѣ практическихъ интересовъ. „Совѣты съѣздовъ“ торговой и промышленной буржуазіи являются какъ бы органами національнаго объединенія. — Сплоченіемъ буржуазія стремится съ одной стороны согласовать свои дѣйствія для непосредственнаго давленія на угнетенный классъ, съ другой — захватить власть въ политической дѣятельности, чтобы выступить въ ней самостоятельно за свои классовые интересы.

Цѣлый рядъ газетъ, издаваемыхъ организаціями буржуазіи, сгруппировали вокругъ себя огромный слой чисто буржуазной интеллигенціи, изъ инженеровъ, директоровъ и пр. Они и представляютъ ту группу, которая въ ближайшемъ будущемъ займетъ опредѣленное мѣсто въ политической дѣятельности, выступивъ выразителями стремленій буржуазіи.

Такимъ образомъ, за годы реакціи буржуазія выросла, осознала себя, свои интересы.

Такимъ же стремленіемъ возврата къ старому проникнута русская интеллигенція. Основной чертой ея переживаній является отказъ отъ своихъ идеаловъ и преклоненіе передъ старыми кумирами.

Наступившая сейчасъ же вслѣдъ за революціей усталость и растерянность смѣнилась погоней за наслажденіями въ личной жизни. Интеллигенція, закружившаяся было въ вихрѣ бурной жизни и высокихъ стремленій, не удержалась на своей высотѣ и сорвалась... И вновь передъ интеллигенціей стояла задача: настойчивѣе, упорнѣе пойти къ цѣлямъ революціи, или отступиться отъ нихъ. Первое рѣшеніе требовало энергіи, самоотверженности и было сопряжено съ лишеніями и отказомъ отъ наслажденій; второе — сулило покой и прелесть разнообразія въ личной жизни. И чаша вѣсовъ, плавно, безъ нерѣшительныхъ зигзаговъ склонилась въ сторону второго. Матеріальныя выгоды оказались тяжелѣе идейнаго пакета. Интеллигенція, en masse, отхлынула отъ всего революціоннаго. Кто съ проклятіемъ, кто равнодушно, кто съ разбитой душой — но всѣ покидали свои ряды...

Старые кумиры возстановлены. Гнилое болото будничной жизни получило вдругъ одурманивающій, опьяняющій ароматъ. Все революціонное отброшено почти съ ненавистью, съ злобой. Поносятъ не только революціонеровъ, но что важнѣе, — идеи; тѣ самые идеи, которыя не такъ давно ихъ подняли на небывалую высоту, на моментъ создали имъ красивую жизнь. Русская интеллигенція

„сожгла то, чему поклонялась,
но не поклонилась тому, что сожгла"...

На крестьянство и пролетаріатъ реакція не могла оказать столь сильнаго разлагающаго вліянія. Однако, приходится констатировать тотъ фактъ, что отъ революціонной дѣятельности отвернулся и угнетенный классъ и съ этой стороны реакція оказала вліяніе одинаковое на него и на интеллигенцію. Послѣ пораженія трудовой классъ пришелъ къ тому выводу, что силу правительства не сломить, что лучше измѣнять свое положеніе потихоньку, мирными мѣрами, не преступая законности.

Наряду съ упадкомъ энергіи наступило сомнѣніе въ силы, и цѣлесообразность революціоныхъ дѣйствій. Только этимъ и можно объяснить увлеченіе кооперативизмомъ и профессіонализмомъ. Съ русскимъ рабочимъ случилось то же самое, что и съ французскимъ послѣ пораженія Парижской Коммуны 1871 года. Французскій рабочій „окопался въ синдикатахъ", отвернувшись отъ „политики". Это значило, что онъ не хотѣлъ больше принимать участія въ революціонной дѣятельности, (а не только въ парламентской, какъ это думаютъ нѣкоторые) это значило, что отнынѣ его задачей становится борьба за медленное улучшеніе условій труда, за мелкіе профессіональные интересы.

Русскій рабочій переживаетъ то же самое. Борьбу со всѣмъ строемъ онъ перенесъ на плоскость реформистской профессіональной борьбы, отбросивъ и методъ революціонныхъ дѣйствій.

* * *

Наблюденіе надъ русской дѣйствительностью заставляетъ насъ сказать, что въ русcкомъ обществѣ (также въ угнетенномъ классѣ) произошелъ крупный переломъ за время реакціи, настолько сильный, что говорить о революціи, еще будто бы не законченной, совершенно не возможно.

Однако, но настоящее время намъ приходится такъ часто слышать и читать, что русская революція не окончилась, на время лишь пріостановилась, загнана въ тупикъ, что настроеніе въ массахъ старое, что она лишь устала. Такіе взгляды диктуютъ не факты, а собственное желаніе. Говорятъ не то, что есть, а то, что хочется видѣть. — Самымъ сильнымъ доводомъ въ пользу такого мнѣнія является ссылка на то, что экономическія и соціальныя условія не измѣнились. Крестьянство и рабочій классъ живетъ такъ, какъ жилъ раньше. Если угнетенный классъ выступилъ за измѣненіе условій своей жизни, значитъ, онъ не могъ дольше оставаться при старомъ положеніи, — и потому не можетъ остановить своего наступленія до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ желаемаго измѣненія.

Говоря это, забываютъ, что для того, чтобы вызвать революцію недостаточно имѣть на лицо одни матеріальныя условія; должна быть еще психологическая подготовка массъ. До революціи совершался длительный революціонный процессъ. Среди массы постепенно росло недовольство, непримиримость, пока не дошло до высшаго напряженія и не разразилось въ революцію. Многіе думаютъ, что процессъ психологической подготовки массъ послѣ революціи лишь окрѣпъ. Такой взглядъ исходитъ изъ переоцѣниванія революціи вообще.

Привыкли считать, что послѣ всякой революціи, переворотъ, произшедшій въ умахъ, въ психикѣ массъ въ періодъ революціи закрѣпляется, остается, какъ пріобрѣтенное достояніе. Однако, если этотъ взглядъ отнести ко всѣмъ революціямъ, то онъ окажется глубоко ошибочнымъ. Психика человѣка не есть нѣчто застывшее, неподвижное. Воздѣйствіе на психику общества не прекращается и послѣ революціи. Окончательно ее опредѣляетъ дальнѣйшій ходъ событій. Если народившіяся идеи, новыя переживанія, настроенія, новое пониманіе вещей не укрѣплялось дѣйствіями и реальными фактами послѣ революціоннаго періода, тогда всѣ переживанія становятся случайными, временными и не переходятъ въ прочное достояніе; тогда передъ нами выступаетъ общество, вернувшееся къ своимъ старымъ понятіямъ, къ своимъ прежнимъ кумирамъ и идеаламъ. И только въ незначительной его части чувствуется нѣкоторый душевный надломъ, болѣзненный наростъ.

Русская дѣйствительность, какъ мы видимъ, представляетъ теперь именно такую картину.

Въ настоящій моментъ въ психикѣ массъ происходитъ глубокій переломъ. — Въ правящихъ классахъ — буржуазіи и земельной аристократіи — въ періодъ реакціи мы наблюдаемъ возвратъ къ старому и процессъ классоваго самоопредѣленія.—Среди угнетеннаго класса замѣчается обратный процессъ—ослабленіе классового сознанія, сказавшееся въ методахъ борьбы и задачахъ, выставленныхъ въ послѣднее время.—Угнетенный классъ ведетъ тактику не обостренія, а вынужденъ положеніемъ вещей приспособляться къ старымъ формамъ жизни, стремится не къ разрушенію, а къ примиренію. Съ одной стороны передъ нами сильная реакція, стиснувшая всю общественную жизнь, съ другой — вынужденное приспособленіе со стороны угнетеннаго класса.

Эти два момента, — въ дѣйствіяхъ властвующихъ и въ переживаніяхъ угнетенныхъ — говорятъ намъ за то, что революціи нѣтъ, что она убита. Длительный-же революціонный процессъ, приведшій къ революціи быстро замираетъ. Это можно замѣтить на эволюціи русскаго профессіональнаго движенія, которое вначалѣ придерживалось боевого настроенія, но скоро оставило его и приспособилось къ существующимъ правовымъ нормамъ. То же самое можно сказать и про кооперативизмъ. Въ начальномъ фазисѣ онъ былъ сильно пропитанъ демократизмомъ, но съ теченіемъ времени въ немъ стали замѣчаться и реакціонныя проявленія, которыя теперь обнаруживаются все сильнѣе и сильнѣе, благодаря принявшему участіе въ кооперативномъ движеніи „черносотенныхъ союзовъ". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, Кіевской и Подольской губерніяхъ, всѣ сельскія и городскія потребительныя общества

почти всецѣло находится въ рукахъ черносотенцевъ. Наконецъ, самый фактъ развитія кооперативнаго движенія за счетъ профессіональнаго ясно доказываетъ постепенное замираніе революціоннаго процесса.

Такое же положеніе вещей, какъ послѣ русской революціи, было въ 1848 году въ Германіи. Не смотря на то, что германская революція не обновила экономическихъ и соціальныхъ условій угнетеннаго класса — она закончилась не возобновилась. Массы приспособились къ старымъ условіямъ, замолкли, отказались отъ революціи, примирились и вступили на путь мирнаго движенія.

Россія переживаетъ то, что пережила Германія. Только этимъ объясняется то, что послѣ того, какъ революція фактически была уже закончена, всѣ попытки поддержать ее, возобновить окончились неудачей. Кронштадское и Свеаборское восстанія, вспышки въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ не могли поднять массу, въ который произошелъ сильный психическій переворотъ. — Она осталась глуха и безучастна.

Въ настоящій моментъ передъ нами стоитъ задача готовиться не къ революціи, а къ революціонному процессу.

Въ Германіи онъ не былъ начатъ, все было предоставлено ходу вещей, поэтому тамъ больше, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ пустило корни приспособленіе.

Чтобы избѣжать такой участи необходимо оживить революціонный процессъ.

Наша задача, пользуясь опытомъ революціи, внести въ массу освѣжающую струю, поднять и углубить ея классовое самосознаніе, чтобы она сдвинулась съ приспособленческаго пути на путь революціонной дѣятельности. Эта задача облегчается тѣмъ, что экономическія условія угнетеннаго класса остались неизмѣнными. Реакція, распространившаяся по всѣмъ направленіямъ, ждетъ отвѣта изъ глубины массъ. Отдѣльные, хотя и рѣдкіе, акты экономическаго террора являются искрами тлѣющаго революціоннаго процесса, еще способнаго разгорѣться въ сильный пожаръ. Этотъ фактъ на фонѣ мрачной русской дѣйствительности вселяетъ въ насъ сильныя надежды; онъ говоритъ намъ о необходимости болѣе упорной, настойчивой дѣятельности, онъ требуетъ отъ насъ сплоченія и организованности для того, чтобы, принявъ участіе въ революціонномъ процессѣ, мы смогли бы углубить его и расширить, — и, противопоставивъ объединенной реакціи объединенныя революціонныя силы, отвѣтить на удары врага мощными, грозными дѣйствіями.

Личность, как движущая сила прогресса.

Извѣстный представитель марксистской теоріи для Россіи, — русскій Каутскій — какъ то разъ съ торжественностью, подобающей сему случаю, заявилъ предъ лицомъ „всего міра", что съ Маркса только и начинается наука объ обществѣ. Главная заслуга Маркса заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что Марксъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ исканій другихъ изслѣдователей, разъ на всегда установилъ, что центръ тяжести развитія лежитъ не въ человѣкѣ, а въ окружающей средѣ. Съ этимъ открытіемъ Маркса можетъ сравниться по своему значенію только открытіе Коперника, который центръ тяжести нашей планетной системы перенесъ съ земли на солнце. Не солнце вращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца, — не среда вращается вокругъ человѣка, а человѣкъ вокругъ среды. Человѣкъ низверженъ со своего трона — вотъ оно это событіе міровой важности. И ученикъ не можетъ достаточно нарадоваться подвигу учителя. Шутка ли сказать, поймалъ воръ, обкрадывавшій всемірную исторію, а этимъ воромъ оказывается никто иной, какъ пасынокъ исторіи — человѣкъ.

Дальнѣйшее вытекаетъ само собой изъ этого главнаго положенія. Все живое берется подъ подозрѣніе; все живое прогоняется за дверь науки; все живое должно быть объяснено мертвыми причинами. Послѣднее стало для марксистовъ на столько очевидной „истиной", что она считается какъ бы заранѣе данной, положеніемъ a priori. И имъ вовсе не приходитъ въ голову, что, поступая такимъ образомъ, они упускаютъ изъ виду одно: они не объясняютъ главнаго, не объясняютъ того, что собственно они призваны объяснить: жизни.

И не будьте на нихъ въ претензіи: они переусердствовали въ своемъ стремленіи быть „научными" во что бы то ни стало. Человѣкъ слишкомъ ненадежный, слишкомъ подвижный элементъ, чтобы онъ охотно укладывался въ простыя „научныя" системы. Развитіе же внѣшней среды легче вправляется въ рамки законовъ, извлеченныхъ изъ наблюденія надъ механическими движеніями; оно позволяетъ съ наименьшей затратой мыслительной энергіи создать научную теорію. Что же другое, если не это, означаетъ ихъ аргументъ: такъ какъ человѣческая природа измѣнчива, то она не можетъ послужить принципомъ объясненія человѣческой исторіи. Историку не совладать съ такой капризной матеріей, какъ человѣческая природа. Итакъ, удобство для историка это критеріумъ научности. Человѣкъ, оказывается, согрѣшилъ тѣмъ, что онъ не даетъ себя истолковать въ положеніяхъ соціаль-демократическаго ученія.

И это, вѣроятно, потому, что живой агентъ исторіи — человѣкъ, подвергаясь обстоятельному допросу историка, долженъ давать на всѣ вопросы разумныя объясненія. А почему ты такъ думаешь, и такъ чувствуешь, и такъ поступаешь, — такъ и не иначе? Отвѣтъ открываетъ возможность для новаго вопроса и вторичнаго отвѣта, и такъ далѣе до безконечности. Нѣтъ той мертвой точки, которую нельзя было бы переступить, и послѣ всѣхъ объясненій можно въ тысячный разъ придти съ тѣмъ же вопросомъ: почему? И имѣетъ видъ, что настоящая причина лежитъ внѣ человѣка. Не то съ мертвой средой. Она не даетъ съ собой говорить. Подвергнуть ее допросу какъ будто невозможно, на всѣ вопросы она отвѣчаетъ молчаніемъ, и поневолѣ вопрошатель долженъ прекратить свои „почему?" и довольствоваться тѣмъ, что ему удалось узнать, т. е. ничѣмъ. И такимъ образомъ остается, что среда все объясняетъ, а сама она не даетъ себя объяснить. Для насъ же ясно, что какъ человѣкъ, такъ и среда нуждаются въ объясненіи, — въ объясненіи, вполнѣ исчерпывающемъ специфическія особенности объясняемаго предмета. Отдавать же средѣ какое-то предпочтеніе, установивъ для нея особую привилегію, что ею, молъ, все объясняется, она же можетъ обойтись безъ всякаго объясненія, въ высшей степени неосновательно.

Они предъявляютъ обвиненіе къ энциклопедистамъ 18-го столѣтія: тѣ путались между человѣкомъ и средой. То у нихъ выходило, что это среда, которая творитъ человѣка, то у нихъ прокрадывалась мысль, что сама среда, въ свою очередь, творится человѣкомъ. Ибо подъ средой понимали они общественное мнѣніе — чисто идеалистическое представленіе: Допустимъ, что общественное мнѣніе творитъ мнѣнія каждой отдѣльной личности, мы сейчасъ же при-

ходимъ къ противорѣчію. А изъ кого же составляется общество, если не изъ отдѣльныхъ личностей? Въ концѣ концовъ въ личности и надо искать причину измѣненій, которыя происходятъ съ общественнымъ мнѣніемъ, въ свою очередь вліяющимъ на мнѣніе каждой отдѣльной личности.

Соціалъ-демократы обошли это противорѣчіе тѣмъ, что они среду поняли матеріалистически. Среда это не мнѣнія, а факты, отношенія, матерія общественной жизни, ея экономическое и техническое содержаніе. Раньше среда была сомнительнымъ и двойственнымъ принципомъ, теперь же она монистическій принципъ. Однимъ и тѣмъ же принципомъ все объясняется, и только имъ, с.-д., молъ, удалось поставить монизмъ на ноги.

Экономическая дѣятельность человѣка это та среда, которая опредѣляетъ его судьбу, такъ мы должны заключать вмѣстѣ съ с.-д.-ми, — отсюда вовсе не слѣдовало придти къ переоцѣнкѣ чисто техническихъ элементовъ прогресса. Дѣятельность человѣка предполагаетъ вѣдь человѣка, который дѣятеленъ. Но дѣло то въ томъ, что они незаконно оторвали человѣка отъ его экономической дѣятельности, незаконно противопоставили ихъ другъ другу и навязали имъ вѣчную междоусобную войну. Они побиваютъ человѣка его собственной дѣятельностью, разрываютъ то, что неразрывно по существу. Личность обособилась отъ среды, которую она творитъ, которая образуетъ съ ней одно цѣлое. Личность и среда образуются одновременно въ процессѣ борьбы личности за ея самоутвержденіе. Производство — только часть той борьбы, которую человѣкъ ведетъ за свою мощь, за свою власть надъ природой. Это — не мертвый стихійный процессъ, а тотъ же живой процессъ развитія плоти и крови человѣка. Развитіе производства входитъ въ круговоротъ роста человѣка, его все расширяющейся автономіи.

И здѣсь собственно кроется ихъ основная ошибка. Они совершаютъ, какъ мы уже сказали, неестественную операцію надъ человѣкомъ, операцію раздѣленія между человѣкомъ и борьбой, которую онъ ведетъ за свое существованіе. Они заставляютъ воевать человѣка съ производствомъ, чтобы съ особенной силой напирать на ничтожную роль человѣка.

Производительныя силы начинаютъ жить надчеловѣческой жизнью, приводятъ массы въ зависимость отъ себя, заставляя ихъ послушно слѣдовать за собой, угрожая имъ въ противномъ случаѣ гибелью и вырожденіемъ.

Исторія представляетъ собою зрѣлище все растущей жизненной мощи человѣка, его власти надъ природой. Повышеніе человѣческой мощи надъ природой въ концѣ концовъ должно выразиться матеріально въ развитіи производства, и если мы возьмемъ достаточно широкій историческій періодъ, производство можетъ служить почти вѣрнымъ масштабомъ въ вопросѣ о размѣрѣ человѣческой власти надъ природой. Но въ каждый отдѣльный моментъ оба понятія не покрываютъ другъ друга. Понятіе человѣческой власти шире. Она обнимаетъ всю область борьбы съ природой, а природа есть все то, что должно быть преодолѣно человѣческой волею. Ростъ человѣческой психики, очевидно, играетъ здѣсь не послѣднюю роль. Психическія силы составляютъ такіе же факторы человѣческой мощи, какъ и матеріальныя, ибо психическія препятствія такъ же наличны, такъ же матеріальны, не менѣе матеріальны, нежели препятствія, представляемыя внѣшней природой.

Анархизмъ въ своемъ ученіи объ общественномъ развитіи беретъ своей исходной точкой живую человѣческую личность въ ея развитіи ко все большей власти надъ природой, ко все большей мощи. Въ ней именно онъ видитъ движущую силу общественнаго развитія. Болѣе того: онъ видитъ въ ней цѣль общественнаго развитія, только черезъ нее развитіе получаетъ свой смыслъ и направленіе. Развитіе до тѣхъ поръ не можетъ считаться таковымъ, пока оно не даетъ о себѣ знать возросшей мощью личности.

Вотъ противъ этой то злосчастной личности и направляютъ свои критическія стрѣлы соц.-дем. И они такъ долго цѣлились въ нее, пока понятіе о личности не расплылось въ ихъ представленіи, потеряло всякую мѣру и границы и личность не превратилась въ абсолютное существо. Отсюда берутся ихъ утвержденія, что анархизмъ основывается на метафизическомъ понятіи абсолютно свободной, абсолютно солидарной личности. Такимъ способомъ анархизмъ легко „похоронить". Съ преозрьезной миной начинаютъ намъ доказывать, что на нашей жалкой землѣ не водится больше абсолютныя существа, что ихъ давно уже вмѣстѣ со всей небесной свитой отправили ко всѣмъ чертямъ, и что на землѣ остались только существа, ограниченныя во времени и пространствѣ, съ опредѣленно отпущенной имъ мѣрой силы и воли. Такая блестящая побѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ такая дешевая! Ибо всѣ эти утвержденія, что анархизмъ зиждется на абсолютахъ, только сказки. Если есть въ мірѣ что-нибудь абсолютное, то именно абсолютная неправда всѣхъ этихъ утвержденій. А правда въ томъ, что анархизмъ не приписываетъ человѣку абсолютныхъ качествъ, но онъ констатируетъ у человѣка стремленіе ко все большей свободѣ, ко все большей мощи, ко все большей солидарности. Анархизмъ призываетъ къ осуществленію не абсолютной свободы, а къ осуществленію такихъ условій жизни, которыя не стояли бы въ противорѣчіи съ отличающимъ человѣка вѣчнымъ стремленіемъ къ свободѣ. А вотъ это стремленіе къ свободѣ историческій фактъ, не подлежащій оспариванію; это то же, что стремленіе къ власти, къ мощи, къ развитію, къ совершенствованію. Въ этомъ направленіи идетъ его ростъ, оно путь развивающагося организма, который, вооружившись разумомъ и поднявшись такимъ образомъ на ступень личности, борется за достиженіе высшаго существованія.

Въ исторіи мы наблюдаемъ одинъ центральный процессъ: постепенное образованіе личности; онъ, этотъ процессъ, и есть то веретено, вокругъ котораго наматывается общественное развитіе. Ибо тамъ, гдѣ есть развитіе, должно быть единство, обладающее силой самосохраненія, не дающее себя разрушить, долженъ быть организмъ, который борется и защищается. Всякое развитіе предполагаетъ, что есть нѣчто, которое измѣняется, оставаясь все тѣмъ же, оставаясь все связаннымъ въ одну цѣлостную систему, внутри себя замкнутую, и что это нѣчто имѣетъ свою цѣль въ самомъ себѣ, имѣетъ свое собственное равновѣсіе, оказывающее сопротивленіе всѣмъ силамъ, стремящимся его нарушить, — а такими качествами обладаетъ только организмъ.

Въ организмѣ выдѣляется особое отъ міра самостоятельное хозяйство и разыгрываются интересы, совершенно чуждые окружающему міру, гдѣ перекрещиваются въ хаотическомъ безпорядкѣ милліарды силъ, входящихъ въ систему безконечнаго хозяйства всей вселенной. Характерное для организма это то, что въ немъ создалась своя внутренняя среда, внутри себя объединенная и внутри себя родственная. Исторія организма это процессъ возникновенія, образованія и никогда не заключающагося завершенія особаго, автономнаго мірка. Въ ходѣ своего развитія организмъ стремится ко все большей независимости. Непосредственное вліяніе внѣшняго міра все болѣе ослабѣваетъ, способность къ сопротивленію враждебнымъ силамъ извнѣ все болѣе усиливается. Борьба за независимость никогда не прекращается, организмъ не смѣетъ останавливаться, онъ постоянно долженъ воевать, чтобы овладѣвать міромъ, иначе онъ споткнется и самъ сдѣлается жертвой необузданныхъ силъ природы; и поэтому-то расширеніе его свободы и мощи всегда стоитъ у него на очереди дня, — оно условіе его существованія. Организмъ не можетъ удовольствоваться какой-либо одной достигнутой степенью свободы и мощи, ибо міръ, который предстоитъ ему завоевать, безконеченъ и неисчерпаемъ въ средствахъ своего воздѣйствія на него.

Организмы — растенія и животныя — все поднимаются по лѣстницѣ совершенства. Животное, выростая до человѣка, человѣкъ, выростая до личности, продолжали только предыдущее развитіе одного біологическаго вида, слѣдуя тенденціи всякаго организма, обогащаясь все болѣе новыми, болѣе сложными, болѣе совершенными средствами борьбы.

Итакъ, основой всякаго развитія является тотъ предварительный фактъ, что извѣстныя явленія природы вошли въ ту зависимость, которая составляетъ единство организма и какъ организмы они встрѣчаютъ вліянія извнѣ, преломляя ихъ черезъ тѣ отношенія, которыя они образовали между собой, проводя ихъ черезъ свою внутреннюю среду, пользуясь этими вліяніями для своихъ собственныхъ цѣлей, присущихъ имъ, какъ организмамъ, подчиняя ихъ своей основной цѣли — поддерживать свое особое отъ міра существованіе.

Явленія, которыя объединились какъ растенія, продѣлываютъ періодически свой собственный кругъ измѣненій, оставаясь все тѣми же растеніями. Растенія дышатъ, питаются, живутъ и размножаются. Но наиболѣе характернымъ и важнымъ измѣненіемъ является то, что растеніе, какъ членъ своего вида, *размножается*. Его строеніе все усложняется, его приспособленность все увеличивается, его сопротивляемость все болѣе укрѣпляется, его внутренняя автономія все болѣе расширяется. Природа черезъ свои препятствія ставитъ его каждый разъ передъ дилеммой: или погибнуть, или запастись новыми и болѣе дѣйствительными средствами защиты. — Въ животномъ организмѣ степень самостоятельности еще болѣе повысилась, его отдѣльныя части такъ уже зависимы отъ цѣлаго, что онѣ не входятъ въ сношенія съ окружающимъ міромъ на свой собственный счетъ, какъ это часто случается у растеній. Развитіе принимаетъ новое направленіе, измѣняетъ свой характеръ, — болѣе всего обостряется чувствительность. Организмъ энергично отзывается на впечатлѣнія извнѣ, защищается съ большей стремительностью. Онъ не относится пассивно къ средѣ, въ которой онъ находится, онъ мѣняетъ самое среду, будучи независимъ отъ условій одной и той же среды. Инстинктъ самосохраненія вызываетъ въ животномъ организмѣ больше активнос.и, — онъ *движется*, отыскивая въ природѣ все, въ чемъ онъ нуждается, чтобы поддерживать свое особое существованіе. — Самостоятельность человѣческаго организма достигла уже такой степени, что онъ сознательно направляетъ свою активность къ увеличенію своей самостоятельности. Онъ не только мѣняетъ среду, въ которой онъ находится, что всегда связано съ извѣстными ограниченіями, но онъ измѣняетъ и самое среду, приспособляя ее къ потребностямъ своего самосохраненія. Онъ заставляетъ окружающую природу служить интересамъ своего развитія, онъ вырываетъ все болѣе тайнъ у природы, отвоевывая у нея все новыя силы, благопріятныя для его автономіи. Прогрессъ человѣка это постоянное преодолѣваніе разрушительныхъ силъ природы, это беспрестанное увеличеніе его мощи.

Въ развитіи человѣка все большая доля процесса борьбы за автономію разыгрывается во все расширяющемся внутреннемъ, психическомъ его мірѣ. Наростаніе мощи движется двойнымъ путемъ: накопленіемъ матеріальныхъ силъ внѣ его и накопленіемъ сознанія, чувства и воли внутри его. Какъ только человѣкъ сталкивается съ враждебной силой, которая способна вывести его изъ равновѣсія, онъ начинаетъ ощущать *желаніе*, отъ котораго онъ не можетъ освободиться: возстановить потерянное равновѣсіе! Но новое духовное равновѣсіе не должно установиться на прежней высотѣ, оно поднимается на нѣсколько градусовъ, повышается въ своемъ качествѣ. Новое равновѣсіе должно быть застраховано отъ тѣхъ колебаній, которыя подвергали опасности прежнее; старыя преграды должны стать для него недѣйствительными. Человѣческій организмъ становится все крѣпче, устойчивѣе, болѣе вооруженнымъ и защищеннымъ противъ внѣшней природы и, слѣдовательно, совершеннѣе и независимѣе. Такимъ то образомъ разыгрывается борьба личности за ея существованіе и за ея дальнѣйшее развитіе.

Итакъ, въ основныхъ свойствахъ организма-личности лежитъ причина ея собственнаго развитія, и, развиваясь сама, она является пружиной, приводящей въ движеніе весь общественный механизмъ, толкающей все общественное развитіе. Не общество, какъ слитная масса, какъ олицетворенное существо, живущее особой отъ личностей, его составляющихъ, жизнью; не производительныя силы, которыя отвлекаются отъ личности и ея дѣятельности и разсматриваются какъ какія то стихійныя существа, которыя влекутся куда то по невѣдомымъ путямъ къ невѣдомымъ цѣлямъ, а живая личность съ ея живымъ стремленіемъ къ самосохраненію, къ мощи, къ свободѣ — вотъ дѣйствующая сила въ историческомъ процессѣ, вотъ субъектъ исторіи. Ни общество, ни производительныя силы не могутъ ни развиваться, ни устремляться куда-то, если ихъ развитіе и стремленіе не составляютъ отраженнаго вліянія развитія и стремленій организма — личности. Развивается только то, что есть нѣчто самоцѣльное, самосохраняющееся, сопротивляющееся и завоевывающее для себя свободу и мощь, т. е., только организмы, а таковыми не являются ни общество, ни производительныя силы. Всякія измѣненія, которыя происходятъ съ обществомъ и производительными силами, получаютъ только тогда смыслъ, цѣль и направленіе, если сопоставить ихъ съ потребностями и стремленіями живой дѣйствующей личности. Личность есть начало и конецъ всѣхъ этихъ измѣненій. Общество и производительныя силы должны разсматриваться не только не обособленно, а совмѣстно съ личностью, но и такъ, чтобы никогда не упускалось изъ виду, что личности принадлежитъ, какъ первое, такъ и послѣднее слово въ вопросѣ о значеніи и характерѣ всѣхъ измѣненій общества и производительныхъ силъ.

Если основной процессъ исторіи есть именно борьба личности за болѣе широкую власть и большую мощь, то эта борьба не можетъ ограничиваться борьбой только съ одной внѣшней природой. Каждая преграда, гдѣ бы она ни стояла, каждое препятствіе, откуда бы оно не исходило, есть поводъ къ борьбѣ. Борьба личности включаетъ въ себя и борьбу съ властью природы и борьбу со всякой внѣшней властью надъ человѣкомъ. Съ точки зрѣнія личности, находящейся въ процессѣ роста, всѣ препятствія, которыя ей преграждаютъ путь къ ея цѣли — суть одинаковой важности. Всѣ вмѣстѣ они должны быть побѣждены наростающей мощью ея. Болѣе того, необработанная, необузданная природа внутри самой личности, которая мѣшаетъ ей стать цѣльной, крѣпкой, ею также приравнивается къ внѣшней природѣ подъ названіемъ неморальнаго, гадкаго и вреднаго, къ той природѣ, съ которой надо до тѣхъ поръ бороться, пока она не подчинится волѣ личности.

Какъ только личность ощущаетъ, что въ ней что-то есть, что не допускаетъ ее до большей силы, она разсматриваетъ это что-то, какъ свой внутренній порокъ, какъ свой моральный недостатокъ и чувствуетъ себя вынужденной бороться съ этимъ „что-то", чтобы вырвать, выбросить его изъ нутри себя. Эта борьба кажется ей долгомъ, она беретъ на себя отвѣтственность за это „что-то", хотя можетъ быть, что она сама въ немъ нисколько не виновата.

Безличность, необузданность, неразсчетливость, близорукость, отсутствіе самостоятельнос.и, склонность къ послушанію и подчиненію — все это такіе недостатки, которые отличаютъ первобытнаго человѣка, все это слѣдствіе хаотическаго состоянія стихійныхъ природныхъ силъ внутри самой личности, которыя еще не преодолѣны и не вовлечены въ кругъ ея автономіи. Они дѣйствуютъ другъ противъ друга, разрываютъ цѣльность организма, разрушаютъ его единство. Ростъ организма идетъ въ направленіи къ объединенію всѣхъ этихъ силъ, въ направленіи постояннаго

втягиванія ихъ въ его автономію. Силы, которыя работали въ противоположныхъ направленіяхъ, которыя разрушали другъ друга, приводятся въ солидарную систему и какъ таковыя онѣ встрѣчаютъ всю ту массу силъ, которыя еще относятся враждебно къ автономіи организма. Прогрессъ человѣка отъ дикаря до личности состоялъ въ томъ, что онъ побѣдилъ тотъ хаосъ, который господствовалъ въ немъ и что имъ теперь разсматривается какъ слабость характера, какъ внутренній порокъ. Онъ этому хаосу долженъ противопоставить крѣпость характера, твердость воли, новыя привычки, новыя качества, съ помощью которыхъ онъ прочищалъ бы себѣ путь къ прогрессу. Такимъ образомъ мы можемъ причислить къ той природѣ, съ которой боролась личность, ея собственную природу. Она въ себѣ самой несетъ того врага, съ которымъ она борется.

Вотъ какъ вопросъ о личности стоитъ у анархистовъ. Вотъ объ эту то личность и спотыкулись наши критики. „Личность", говорите вы, анархисты? А что такое личность, видемъ только мы, соц.-дем.-ты". И критики наполняютъ эту личность заимствованнымъ у марксизма содержаніемъ, т. е. дѣлаютъ ее совершенно пустой, и сю они начинаютъ громить анархизмъ. У марксистовъ личность отождествляется съ сознаніемъ личности; личности нѣтъ, она какъ бы отсутствуетъ, а присутствуетъ только ея сознаніе, которое, извѣстное дѣло, является только отраженіемъ бытія, бытія внѣшняго, бытія производительныхъ силъ. Въ личности происходитъ только игра, не стоящая свѣчъ: это тотъ зайчикъ изъ тѣней которымъ забавляются художественно настроенныя дѣти. Что же можетъ сказать это безсильное сознаніе этому всесильному бытію, — развѣ можетъ тѣнь что-нибудь приказать тѣмъ пальцамъ, отъ которыхъ она отражается? Все богатство психической жизни личности, ея умъ, чувство, воля, ея характеръ, навыки, ея крѣпость, стойкость, самообладаніе, вся та природа, которая завоевала себя у внѣшней природы, выдѣлилась какъ организмъ и живетъ особой отъ природы жизнью, — сплющивается до тоненькаго прослойка мысли. Личность опустошена, она превратилась въ хилую мысль, въ блѣдное отраженіе чего-то. Эта паутинка не выдержитъ, когда на нее навалится нагруженный тяжеловѣсной „ученостью" марксистъ и обыкновенно онъ проходитъ черезъ нее такъ безпрепятственно, что даже не замѣчаетъ ея существованія.

„Развитіе личности составляетъ движущій стимулъ прогресса", — говорятъ анархисты. „Развитіе мысли", — поправляютъ марксистскіе толкователи. „Мысль есть мнѣніе. Внесеніе мысли, разъясненіе, созданіе мнѣнія, — вотъ что обезпечиваетъ торжество анархизма", — „логически" развиваютъ теорію анархизма критики. Итакъ, анархисты — раціоналисты стараго покроя, радуются они своему открытію, и съ пафосомъ и увлеченіемъ они снаряжаются въ походъ противъ раціонализма.

Исторія личности есть, по мнѣнію марксистовъ, ничто иное, какъ исторія мысли. Но достаточно кинуть бѣглый взглядъ на разстояніе, пройденное человѣкомъ отъ первобытнаго времени до нынѣ, чтобы убѣдиться въ противоположномъ. Развитіе человѣка отъ дикаря до современной личности не есть развитіе мысли, а совершенствованіе организаціи, приспособляющейся къ борьбѣ и накопленію силъ. Развитіе организма отличается одной яркой тенденціей: объединеніемъ многихъ силъ въ одну цѣлостную систему, подведеніе ихъ подъ единый центръ. Силы, дѣйствовавшія въ противорѣчіи другъ съ другомъ, приводятся между собою въ гармонію для согласнаго выступленія на всю ту массу силъ, которыя не вошли въ автономію организма.

Психика дикаря — это разрозненный, хаотическій міръ. Сознаніе его составляется изъ отдѣльныхъ, оторванныхъ другъ отъ друга, то вспыхивающихъ, то потухающихъ искорокъ. Горизонтъ его не захватываетъ дальше ближайшаго момента. Онъ не загадываетъ далеко въ будущее. „Сегодня" не связано ни со „вчера", ни съ „завтра". Ему чуждо, какъ его прошлое, такъ и его будущее. Онъ дѣйствуетъ въ ограниченной полоскѣ времени.

Человѣкъ же нашего времени широко раздвинулъ свой горизонтъ во всѣ стороны, онъ захватилъ и прошлое, и будущее свое и подчинилъ ихъ своему „зениту", своему „я".

Дикарь поддается непосредственному возбужденію, мигъ поглощаетъ его, онъ забывается въ немъ, — самообладаніе же современнаго человѣка достигаетъ того, что онъ способенъ всю свою жизнь положить на алтарь своей воли.

Приспособленность къ себѣ подобнымъ, солидарность — предварительное условіе возможности веденія борьбы съ внѣшней природой — ограничивалось только тѣснымъ маленькимъ кругомъ лицъ, связанныхъ кровными узами, племеннымъ родствомъ, и хватало ея только на то, чтобы соединить людей для простѣйшихъ механическихъ дѣйствій — охоты, войны съ врагами, а при усложнившихся обстоятельствахъ они бывали вынуждены подчиниться власти какого-нибудь патріарха, — солидарность же современнаго человѣка распространяется на весь міръ и настолько усложнилась, что самыя сложныя предпріятія, требующія усиленнаго проявленія каждымъ изъ участвующихъ возможно большаго своеобразія, скоро смогутъ быть проведены безъ вмѣшательства какого бы то ни было насильственно-регулирующаго начала.

Ясно, что развивалась и крѣпла не только мысль, отражающая внѣшній ходъ вещей, расширялась не только плоскость отраженія личностью внѣшней природы, а развивалась и крѣпла воля человѣка, расширялся размахъ его дѣйствій. Росла личность, накоплялись силы, закалялся характеръ, увеличивалось ея умѣнье соединяться для солидарныхъ дѣйствій.

Мысль только отражала чувства и настроенія личности, — направляла же ее воля; она входила составной частью въ тотъ психическій комплексъ, который называется характеромъ.

Но борьба личности за свое „я" не разыгрывается въ замкнутомъ кругѣ, личность не изолирована, она живетъ и дѣйствуетъ не въ пустомъ пространствѣ, а въ извѣстной общественной средѣ, т. е. она живетъ и дѣйствуетъ наряду съ сотнями и тысячами другихъ личностей.

Такимъ образомъ личность не только имѣетъ дѣло со средой природныхъ условій, но и общественныхъ условій, и къ своей прежней задачѣ получаетъ еще одну: преодолѣть общественную среду. Задача совладать съ этой средой, побѣдить тѣ препятствія, которыя она ставитъ передъ ней, обезвредить направленныя противъ нея враждебныя вліянія, исходящія изъ общественной среды — постоянно выступаетъ въ острой формѣ передъ ней.

Если мы природу личности самой отнесли, поскольку она не преодолѣна ею и не подчинена ей — къ внѣшней природѣ, то тѣмъ паче мы не будемъ щадить природу общественной среды, и съ полнымъ правомъ мы ее отнесемъ къ внѣшней природѣ. Ибо все, что мѣшаетъ, препятствуетъ личности, есть то, съ чѣмъ надо бороться, есть матеріалъ для преодолѣванія. И если мы говоримъ, что низшая въ природѣ человѣка это — тотъ самый дикій звѣрь, котораго надо обуздать и приручить, то неприспособленность человѣка къ человѣку есть еще большая опасность, нежели дикій звѣрь. И какъ внѣшняя природа приступаетъ къ личности со своими требованіями, заставляетъ ее вести съ собой войну, такъ и человѣческая среда. Тамъ, гдѣ противоположные интересы сталкиваются въ безпрерывныхъ противорѣчіяхъ, когда одно противорѣчіе рождается за другимъ, образуется наиболѣе могучая помѣха для развитія личности. Эта помѣха должна быть прежде всего устранена съ пути. Прежде всего личности должны научиться солидарно дѣйствовать между собой, предпринимать общія выступленія съ наименьшимъ количествомъ треній между собой. Солидарность — это предварительное условіе для успѣшнаго веденія войны съ природой. Солидарность — одно

изъ естественнѣйшихъ оружій въ борьбѣ за существованіе, орудіе самосохраненія, средство накопленія силъ.

Марксисты опять подступаютъ къ намъ съ претензіями. Они насъ не понимаютъ, или лучше сказать, понимаютъ насъ въ сумрачномъ свѣтѣ своихъ предразсудковъ объ анархизмѣ. Они начинаютъ утверждать, что мы предписываемъ людямъ солидарность, навязываемъ ее какъ долгъ, что мы занимаемся морализированіемъ вмѣсто констатированія фактовъ. Солидарность, видите ли, это заповѣдь, данная Кропоткинымъ человѣчеству! Кропоткинъ строитъ будущее человѣчества на долженствованіи, на добродѣтельныхъ пожеланіяхъ!

А правда въ томъ, что Кропоткинъ описываетъ только факты, которые имѣли мѣсто въ исторіи, — это каждому очевидно. Для марксистовъ наоборотъ; для нихъ солидарность есть только мнѣніе. Они опять закружили себѣ голову своимъ никуда не годнымъ толкованіемъ анархизма. Исходя изъ своего взгляда на личность, какъ на тѣнь бытія, какъ на сознаніе, мысль, мнѣніе, они и въ наблюдаемомъ развитіи солидарности видятъ не что иное, какъ развитіе мнѣній. Они обвиняютъ анархистовъ въ томъ, что тѣ приписываютъ людямъ такое неосновательное мнѣніе, какъ солидарность. Другіе идутъ еще дальше и утверждаютъ, что анархисты якобы вѣрятъ, будто солидарность есть прирожденное абсолютное свойство человѣческой души. И это не болѣе какъ ложное утвержденіе! Анархисты убѣждены — и это убѣжденіе они вынесли изъ наблюденія надъ ходомъ человѣческой исторіи, — что солидарность накоплялась и нарастала постепенно, параллельно росту личности, что реализація, осуществленіе ея въ жизни въ различныя времена давала различные результаты. Мы не утверждаемъ, что солидарность это вѣчное что ли свойство человѣка, что сущность человѣка это солидарность — всякія такія спекуляціи мы предоставляемъ метафизикамъ — но мы утверждаемъ, что она развивалась самымъ естественнымъ образомъ. Исторія представляетъ собою фактическій прогрессъ солидарности; съ каждымъ шагомъ впередъ приспособленность людей другъ къ другу, чувство общности все увеличивалось. Въ первобытныя времена ея хватало лишь на столько, чтобы создать механическую сплоченность примитивной коммуны. Она ограничивалась лишь узкимъ кругомъ людей, связанныхъ кровнымъ родствомъ, общностью происхожденія. Она только годилась на то, чтобы соединить основоположителей человѣческой культуры для простыхъ механическихъ дѣйствій; охоты, войны и т. д. Какъ только обстоятельства усложнились, они подчинились игу патріарха; по паденіи патріархата она нашла свое выраженіе въ болѣе широкой по своимъ задачамъ деревенской коммунѣ; въ средніе вѣка она осуществлялась въ изобиловавшей роскошными произведеніями человѣческаго духа и общежитіи городской коммунѣ; въ наше время носителями ея являются вольныя общества и, прежде всего, вольныя революціонныя организаціи, проникнутыя благороднѣйшимъ чувствомъ самопожертвованія и предъявляющія по временамъ къ каждому изъ участниковъ требованіе: проявить наивысочайшее довѣріе къ своему товарищу. Въ будущемъ солидарность достигнетъ своего апогея въ анархической коммунѣ.

Солидарность есть не эманація, таинственное вліяніе человѣческаго духа и не безконечное море небесной благодати, и не восторженный крикъ добродѣтельнаго сердца, а какъ мы уже указывали и повторяемъ, естественнѣйшее орудіе борьбы за существованіе, которое вырабатывалось вѣками, совершенствовалось и способно къ дальнѣйшему совершенствованію.

До сихъ поръ проявленія солидарности тормозились тѣми насильственными отношеніями, въ которыя законъ и государство ставили людей. Солидарность или заглушалась или выступала въ видѣ гадкихъ прыщей на больномъ общественномъ организмѣ, или принимала характеръ невинныхъ игръ съ благотворительными цѣлями.

Мы предвидимъ, что, по устраненіи этихъ тормазовъ, это сейчасъ полузабытое средство борьбы за существованіе будетъ играть первую роль. Люди будутъ поставлены въ такія условія, что они вынуждены будутъ усиленно развивать солидарность по всѣмъ направленіямъ. Этому чувству предстоитъ развернуться во всей увеличивающейся полнотѣ. Людямъ будетъ предоставлено на выборъ: или погибнуть въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ, или прибѣгнуть къ солидарности. И мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали животные виды и люди, чтобы сомнѣваться на счетъ исхода этого выбора.

Вотъ какъ ларчикъ просто открывается, вотъ что значитъ „солидарность“, которая задала такую головоломную загадку марксистскимъ критикамъ. Вотъ такъ попадаютъ въ просакъ каждый разъ, когда подсовываютъ противнику не то, что онъ думаетъ. Вольно же было вамъ подставлять вмѣсто дѣйствительной личности вашу воображаемую, которая только то и дѣлаетъ, что отражаетъ все то, что вы, марксисты, предначертали для нея, скрываясь за производительными силами.

Мы не нуждаемся ни въ какихъ абсолютахъ и призывахъ, по крайней мѣрѣ, куда менѣе, нежели вы с.-д-ы!

Вамъ не обойтись безъ ежеминутныхъ окриковъ: блюдите производительныя силы! и не обойтись вамъ безъ абсолютнаго догмата, который гласитъ: человѣкъ есть нѣчто отражающее, и отражающее все на свѣтѣ, только не человѣческое, только не самого себя!

Изъ всего сказаннаго ясно, что солидарность не должна быть понята только, какъ симпатія въ узкомъ смыслѣ слова, она не ограничивается явно выраженнымъ чувствомъ любви другъ къ другу, но она охватываетъ всю область взаимнаго приспособленія людей, всѣ тѣ моральныя настроенія, которыя рождаются въ общественной атмосферѣ. Солидарность въ широкомъ смыслѣ слова всегда отличала человѣческія общежитія и ея недохватокъ всегда ощущался какъ высшая степень неморальности. И какъ мы уже раньше видѣли, такой изъянъ составляетъ еще большую помѣху развитію, нежели неисправность въ борьбѣ съ внѣшней природой.

Мораль находится подъ знакомъ сомнѣнія у революціонеровъ. Она модъ идеологическое недоразумѣніе, орудіе реакціи, плодъ традиціи и привычекъ, находится въ услуженіи у консервативныхъ силъ общества, препятствующихъ всему новому. Не отрицая существованія такой морали, мы настаиваемъ на томъ, что есть мораль и совсѣмъ другого сорта, что есть мораль, указывающая на нарождающіяся новыя тенденціи въ развитіи личности. Тогда она выражаетъ чувство самосохраненія въ борьбѣ съ только что осознанными препятствіями, тогда она заново выкованное оружіе въ борьбѣ, тогда она опережаетъ развитіе.

Личности воздѣйствуютъ другъ на друга съ силой, превосходящей во много разъ вліяніе внѣшней природы, и поэтому то куда скорѣе устанавливается приспособленіе ихъ другъ къ другу, нежели къ ней. Мы обладаемъ способностью взаимозараженія, способностью сочувствія въ широкомъ смыслѣ слова. Ибо въ каждомъ изъ окружающихъ насъ борется природа, сходная съ нашей, съ условіями извнѣ, которыя сходны съ тѣми, въ которыя мы поставлены. И хотя каждый моментъ для каждой отдѣльной личности представляетъ особую обстановку борьбы и ея чувство самосохраненія могло бы блуждать по разнымъ направленіямъ, прежде чѣмъ установится общее всѣмъ личностямъ направленіе, по посредствомъ взаимозараженія процессъ приспособленія ускоряется въ высшей степени и только вступая въ борьбу, мы уже несемъ въ себѣ намѣтившуюся общую тенденцію. То, что всѣмъ другимъ препятствуетъ жить и развиваться — общественное зло; то, что благопріятствуетъ у всѣхъ другихъ накопленію жизненной силы — общественное добро — становятся нашимъ зломъ и нашимъ добромъ. Невыгоды любого положенія, ненормальности, отъ которыхъ страдаетъ вся группа, въ

которой мы принадлежимъ, въ чьихъ рядахъ мы боремся, — объединяются въ нашемъ сознаніи. Вырабатывается у насъ представленіе о такихъ условіяхъ, которые наилучшимъ образомъ были бы приспособлены къ развитію всѣхъ тѣхъ личностей, которыя борются съ нами въ одинаковой обстановкѣ, — вырабатывается идеалъ общежитія.

Но для того, чтобы личность могла пропитаться солидарностью, необходимо, чтобы она въ извѣстные моменты умѣла стирать различіе между собой и своими интересами и группой и ея интересами, она должна умѣть сливаться съ общественной средой. Тогда общество какъ бы гигантская личность, чье сознаніе стремится выразиться въ сознаніи каждой отдѣльной личности, которая борется съ природой черезъ все общество, пользуется обществомъ, какъ своимъ орудіемъ.

Въ классовомъ же обществѣ невозможно это сліяніе личности и совокупности, — общества, общество какъ цѣлая борющаяся совокупность перестала существовать въ тотъ моментъ, какъ начала существовать монополія собственности и государства, какъ только возникли классы. Съ тѣхъ поръ отождествленіе только возможно не со всѣмъ обществомъ, а съ классомъ, — съ той группой личностей, съ которыми наша личность стоитъ на одинаковой платформѣ борьбы. Тогда результатомъ взаимоприспособленія и взаимозараженія будетъ не всеобщественный идеалъ, а классовый идеалъ.

Но и эта возможность ограничивается однимъ условіемъ. Необходимо, чтобы весь классъ пришелъ въ движеніе, проявилъ бы активное стремленіе къ улучшенію своего положенія, чтобы классъ выступалъ какъ классъ. Солидарность не устанавливается въ кредитъ, солидарность не есть только великодушіе, какъ многіе воображаютъ. Любовь и уваженіе требуютъ доказательства силы со стороны тѣхъ, на которыхъ и направляются эта любовь и это уваженіе.

Такимъ образомъ, та природа, которую личности приходилось побѣждать въ ходѣ ея развитія, не есть только внѣшняя природа, но и природа самой личности и природа общественной среды. Личность должна одержать побѣду надъ всѣмъ тѣмъ, что мѣшаетъ ей стать мощной и независимой. Борьба ея включаетъ въ себя и борьбу ея съ самой собой и борьбу за болѣе активную и болѣе интенсивную солидарность общественную, за высшую общественную ступень.

И ни борьба ея съ самой собой, и ни борьба цѣлаго класса за высшій общественный уровень не стоитъ въ противорѣчіи съ основной тенденціей личности: одолѣвать природу и поддерживать свое существованіе какъ все растущей автономіи. Наоборотъ, какъ та, такъ и другая доставляютъ преобильный матеріалъ, чтобы пропитать личность свободой и мощью. Моменты великихъ одолѣній человѣческой природы и моменты обостренной классовой борьбы суть вмѣстѣ съ тѣмъ моменты особаго подъема личности.

Въ исторіи мы наблюдаемъ одинъ центральный процессъ: ростъ личности. И если мы отыскиваемъ въ исторіи порядокъ и закономѣрность, тогда мы ихъ найдемъ въ постепенномъ расширеніи мощи и солидарности личности. Личность — ось, вокругъ которой вращается колесо исторіи. Поэтому, желая изложить ее по причинамъ и слѣдствіямъ, въ извѣстной послѣдовательности, мы должны обратиться къ личности и прослѣдить процессъ ея роста. Она — исходная точка, путь и конечная цѣль исторіи.

Б. С-на.

Принципы трудового анархическаго союза.

Вопросъ о томъ, какой должна быть массовая организація тѣсно связанъ съ опредѣленнымъ практическимъ и теоретическимъ рѣшеніемъ самой соціальной проблемы. Для тѣхъ, которые находятъ ея рѣшеніе въ государственномъ соціализмѣ и выдвигаютъ, какъ методъ практическаго осуществленія парламентскую дѣятельность, организація, по необходимости, должна носить характеръ внѣкла/совой партіи, построенной на принципѣ централизма. Государственность, какъ цѣль будущаго, требуетъ централизмъ въ настоящемъ, а парламентаризмъ, какъ средство ея осуществленія, — опредѣляютъ внѣклассовой характеръ партіи. Синдикализмъ представляя иной типъ массового движенія выдвигаетъ и иную форму организаціи.

Мы показали въ предыдущихъ статьяхъ,*) почему массовая организація при практическомъ и теоретическомъ рѣшеніи соціальнаго вопроса съ точки зрѣнія анархическаго коммунизма необходимо должна отличаться какъ отъ соціалистической, такъ и отъ синдикалистской. Анархическая организація должна быть безвластной по своей основѣ, классовой по составу и профессіональной по формѣ; она должна преслѣдовать единственную цѣль — осуществленіе анархическаго — коммунизма революціонно — насильственнымъ методомъ, черезъ разрушеніе государства и частной собственности.

Въ связи съ идеей объ анархическомъ трудовомъ союзѣ можетъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ: какъ приступить къ созданію анархическихъ союзовъ, какова будетъ форма ихъ взаимной зависимости, въ какое отношеніе они поставятъ себя къ экономической борьбѣ рабочихъ, въ частности къ профессіональному движенію, и наконецъ, въ какое отношеніе станетъ къ нимъ анархическая интеллигенція?

* * *

Первичной организаціей является анархическій союзъ, состоящій изъ сгруппированныхъ по профессіи рабочихъ — анархистовъ. Такъ получается союзъ ткачей, токарей и пр.

Такого рода союзы, появившіеся въ какомъ либо городѣ или уѣздѣ входятъ между собою въ опредѣленную связь. Союзы, входящіе другъ съ другомъ въ постоянныя опредѣленныя отношенія образуютъ изъ себя мѣстный союзъ или федерацію. Наконецъ, мѣстныя, федераціи объединяясь между собой образуютъ всеобщій союзъ анархическихъ союзовъ или конфедерацію. Вопросъ о томъ, какъ установится связь между союзами, или какъ будутъ происходить собранія мѣстной федераціи при посредствѣ-ли делегатовъ, или общихъ собраній, состоящихъ изъ членовъ всѣхъ союзовъ, разрѣшится на практикѣ. При малочисленности союзовъ возможенъ второй случай. Если — же численность союзовъ будетъ на столько велика, что осуществленіе общихъ собраній, по многимъ причинамъ, станетъ невозможнымъ, тогда взаимныя отношенія союзовъ будутъ выполняться черезъ делегатовъ. Существенной разницы отъ этого не произойдетъ, такъ какъ делегаты не являются уполномоченными вынести окончательное рѣшеніе по тому или иному вопросу: ихъ роль сводится къ изложенію всего того, что возложено на нихъ союзомъ. По вопросамъ-же, поднятымъ на собраніи федерацій которыхъ союзы въ цѣломъ еще не разсматривали — делегаты высказываются лишь только за себя лично. Окончательное рѣшеніе выносится послѣ обсужденія этихъ вопросовъ всѣми союзами.

Сношеніе федерацій, или установленіе конфедерацій достигается троякимъ путемъ: 1) черезъ переписку, 2) объѣздами, совершаемыми членами федерацій и 3) черезъ конгрессы.

Каждой формѣ организаціи, соотвѣтствуютъ опредѣленныя задачи. Задачей отдѣльнаго анархическаго союза является: пропаганда и агитація среди своего района, организація новыхъ союзовъ, вмѣшательство въ конфликты, возникающіе между рабочими и предпринимателями тѣхъ

---

*) Анархистъ № 1 и 2.

фабрикъ и заводовъ, которыхъ данный союзъ представляетъ, собственный почин экономической борьбы, при равнодушномъ отношенiи къ ней рабочихъ, террористическая дѣятельность, направляемая какъ на капиталистовъ и ихъ вѣрныхъ слугъ такъ и на достойныхъ „блюстителей порядка" и т. п.

На собранiяхъ союза союзовъ, или федерацiи обсуждаются вопросы: о 1) совмѣстномъ удовлетворенiи потребностей отдѣльныхъ союзовъ, какъ-то: распространенiя литературы, оружiя, перемѣщенiя пропагандистовъ и т. д.

Наряду съ вопросами о взаимномъ обслуживанiи союзовъ федерацiи приходится обсуждать и рѣшать вопросы: о 2) непосредственномъ участiи всѣхъ союзовъ въ классовой борьбѣ рабочихъ, развивающейся въ данномъ городѣ или уѣздѣ. 3) о выступленiяхъ имѣющихъ общее значенiе и которые отдѣльнымъ союзамъ не подсилу. Такъ напримѣръ проведенiе всеобщей стачки, борьба съ центральными властями и пр. Федерацiя распространяетъ свою дѣятельность на всѣ дѣла, выполненiе которыхъ требуетъ общихъ усилiй. Сношенiя съ мѣстными федерацiями, или установленiе Конфедерацiи преслѣдуетъ задачи: 1) удовлетворенiя нуждъ отдѣльныхъ федерацiй при помощи правильнаго распредѣленiя силъ и техническихъ средствъ, 2) согласованiя дѣйствiй при общихъ единовременныхъ выступленiяхъ 3) и осуществленiе такихъ предпрiятiй, которыя требуютъ общихъ усилiй, поддержки всѣхъ федерацiй, какъ участiе во всеобщей стачкѣ, распространяющейся на всю страну и пр.

Такова схема анархической организацiи. Намѣчая въ общемъ видѣ раздѣленiя дѣятельности въ отдѣльныхъ союзахъ, федерацiи и конфедерацiи, мы особенно важнымъ считаемъ обособленiе боевой дѣятельности.

Организацiя террористическихъ выступленiй должна быть изъята изъ веденiя всего союза и передана той группѣ лицъ изъ союза, которые принимаютъ въ нихъ непосредственное участiе.

Общее собранiе союза или федерацiи обсуждаетъ вопросы террористической дѣятельности, не касаясь практической стороны дѣла. Группа, завѣдующая боевыми выступленiями должна остаться строго конспиративной отъ союза. Боевая группа выбираетъ одного товарища изъ союза для сношенiй по необходимымъ дѣламъ съ союзомъ или съ другими боевыми группами. Выбранный товарищъ не можетъ быть членомъ боевой группы и не долженъ присутствовать на ея собранiяхъ. Всѣ дѣла группы и составъ ея, для него остается тайной. Онъ сносится лишь съ однимъ товарищемъ изъ группы. Примѣненiе указанныхъ предосторожностей сильно уменшитъ и ограничитъ провокацiю, а также будетъ способствовать скорѣйшему ея обнаруженiю. Раздѣленiе дѣятельности не должно ограничиваться только въ боевой области; — оно должно быть распространено на техническую, пропагандистскую и другiя области. Такое разграниченiе является очень важнымъ и необходимымъ условiемъ при широкомъ движенiи; оно ведетъ къ уменьшенiю вреда отъ всякаго рода случайностей пагубно отражающихся на движенiе, оно является средствомъ достиженiя наивысшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ энергiи. Понятно, что выполненiе такого строгаго разграниченiя въ дѣятельности станетъ возможнымъ лишь при широкомъ движенiи, когда наличность силъ будетъ на столько велика, что не прiйдется наваливать всякаго рода работу на одно лицо или на одинъ союзъ. Но если въ настоящiй моментъ и не возможно придать нашей организацiонной работѣ такой характеръ, то все-же очень важно отмѣтить направленiе организацiонной дѣятельности, чтобы работающiе на мѣстахъ имѣли ее въ виду и стремились осуществить при первой возможности.

Точно также предстоитъ на мѣстахъ разработать другiя стороны и детали въ построенiи, выдвигаемой нами въ общемъ видѣ анархической организацiи.

Можетъ возникнуть вопросъ, почему мы выдвигая идейно профессiональный способъ группировки, не высказываемся за двойную форму организацiи, какая примѣняется въ профессiональномъ движенiи.

Профессiональные союзы образуютъ съ одной стороны мѣстныя биржи труда, представляющiя отъ себя союзъ всѣхъ профессiональныхъ союзовъ даннаго мѣста, съ другой — они образуютъ нацiональную федерацiю союзовъ изъ одного опредѣленнаго ремесла. Такимъ образомъ одинъ и тотъ-же профессiональный союзъ примыкаетъ къ мѣстной биржѣ труда и къ федерацiи своего ремесла. Такъ напримѣръ профессiональные союзы ткачей, токарей, каменщиковъ и др. ремеслъ даннаго мѣста составляютъ Биржу труда; профессiональные союзы ткачей всѣхъ городовъ образуютъ нацiональную федерацiю ткачей. Нацiональныя федерацiи ткачей, токарей и пр. объединяясь между собою создаютъ конфедерацiю. Изъ объединенiя федерацiй биржъ труда и конфедерацiй рождается новая организацiя: Всеобщая Конфедерацiя Труда. Такого типа организацiи придерживается французское профессiональное движенiе.

Выдвинутый нами типъ анархической организацiи по способу группировки соотвѣтствуетъ, по внѣшнему своему строенiю, мѣстнымъ биржамъ труда и федерацiямъ биржъ труда. Что-же касается нацiональныхъ федерацiй или группировки всѣхъ профессiональныхъ союзовъ по ремеслу въ одинъ общiй союзъ опредѣленнаго ремесла, то мы находимъ, что такая группировка является необходимой лишь въ интересахъ профессiональнаго движенiя, которое при существованiи однихъ биржъ труда, было-бы обречено на гибель.

Биржи труда являются организацiями просвѣщенiя и воспитанiя, но не организацiями борьбы. Отдѣльный союзъ, объявившiй стачку можетъ разсчитывать только на матерiальную и моральную поддержку со стороны Биржи Труда, но не на активную. Если объявляетъ стачку союзъ ткачей, то активная поддержка Биржи Труда должна была бы выразиться въ объявленiи и ей самой стачки, — это значило бы, что всѣ союзы, входящiе въ Биржу Труда, — союзы токарей, плотниковъ, каменьщиковъ, печатнаго дѣла и пр. примыкаютъ къ стачкѣ, объявленной союзомъ ткачей. Понятно, что такого рода выступленiя, какъ стачка изъ солидарности, могутъ имѣть мѣсто только въ исключительныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, но не постоянно.

Организацiя Биржъ Труда есть организацiя узкопрофессiональная, и выступленiе по поводу каждаго конфликта, возникающаго между рабочими и предпринимателями то одного, то другого союза, требуетъ отъ Биржи Труда постоянное проявленiе высокой солидарности, такъ какъ въ объявленной стачкѣ, напримѣръ, пекарей, — плотники и каменьщики непосредственно не заинтересованы. Затѣмъ если бы сознательность рабочихъ мѣстной Биржи Труда достигла такого высшаго момента въ своемъ развитiи, что классовый интересъ преодолѣлъ бы узколичный то и тогда выступленiя Биржи Труда не являлись-бы достаточной силой для того, чтобы своимъ вмѣшательствомъ оказать давленiе на предпринимателей, которымъ союзъ опредѣленнаго ремесла объявилъ стачку. Профессiональные союзы имѣютъ только тогда силу, когда ихъ выступленiя вызываютъ остановку производства не въ отдѣльныхъ предпрiятiяхъ небольшой части предпринимателей, а во всей отрасли промышленности; только создавая такое положенiе вещей, которое вноситъ разстройство во все производство, во всю промышленность, профессiональные союзы становятся опасными для кармановъ капиталистовъ и только тогда заставляютъ ихъ съ ними считаться. Чтобы достигнуть такого положенiя за стачкой Биржъ труда, должна была бы послѣдовать стачка федерацiй Биржъ Труда. Такимъ образомъ, изъ за маленькой стачки, объявленной однимъ профессiональнымъ

союзомъ приходится пускать въ ходъ всѣ организаціи, для чего требуется проявленіе высшей солидарности не только отъ Биржъ Труда, но и отъ федераціи. И наконецъ, самый типъ организаціи Биржъ Труда, говоритъ за то, что она создается для другихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, Биржи Труда не могутъ быть организаціями борьбы потому, что въ основѣ ихъ положенъ принципъ солидарности не высшей классовой, а узкой, ограничивающейся сферой непосредственныхъ интересовъ. Передъ Биржей Труда должна быть поставлена лишь такая задача, выполненіе которой не требуетъ отъ союзовъ проявленія высшей классовой солидарности. Воспитаніе и просвѣщеніе и является такой задачей, — ради ея выполненія союзамъ не приходится жертвовать своими интересами.

Профессіональное движеніе, имѣя въ своемъ основаніи принципъ узкой солидарности (защиту мелкихъ интересовъ каждаго союза) должно было выдвинуть для задачъ борьбы такой способъ группировки рабочихъ такую организацію, которая достигала бы своихъ задачъ, не нарушая самого принципа, не требуя для этой цѣли проявленія, со стороны своихъ членовъ, классовой солидарности. Такой организаціей является національная федерація; она по существу представляетъ изъ себя организацію борьбы, она обходитъ всѣ трудности при соблюденіи основного принципа. Извѣстно, что условія труда рабочихъ опредѣленнаго ремесла имѣютъ сильное вліяніе на условія труда всего ремесла; измѣненіе ихъ въ одномъ мѣстѣ влечетъ за собою измѣненіе въ другомъ. Поэтому въ объявленной стачкѣ однимъ союзомъ опредѣленнаго ремесла, другой союзъ того-же самаго ремесла непосредственно въ ней заинтересованъ. Вотъ почему, напримѣръ, стачка рабочихъ печатнаго дѣла Москвы, естественно находитъ откликъ у рабочихъ Петербурга. Въ данномъ случаѣ, присоединеніе другихъ союзовъ къ стачкѣ требуетъ отъ рабочихъ не проявленія классовой солидарности, а лишь сознанія узкихъ интересовъ ремесла. Такъ обходитъ федерація первое затрудненіе. Національная федерація представляетъ также изъ себя силу при борьбѣ за профессіональные интересы. Объявленная какимъ-либо союзомъ стачка, влекущая за собою присоединеніе къ ней всей національной федераціи сразу нарушаетъ правильный ходъ во всей отрасли промышленности, а благодаря тѣсной зависимости, существующей между отраслями промышленности, она нарушаетъ въ извѣстной степени всю промышленную жизнь страны. Федерація, обладая извѣстной силой, естественно, является такой организаціей борьбы, которая заставляетъ капиталистовъ считаться съ выдвигаемыми ею требованіями. Особенно, если онѣ касаются незначительныхъ измѣненій условій труда въ какомъ-либо отдѣльномъ районѣ, тогда на предпринимателей этого района оказываютъ давленіе сами предприниматели другихъ мѣстъ, такъ какъ долгая пріостановка производства наноситъ сильный ущербъ также и имъ.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что національная федерація можетъ всегда разсчитывать на успѣшный исходъ начатой стачки. Если мотивами стачки являются требованія слишкомъ большія, имѣющія общее значеніе для предпринимателей, и ихъ выполненіе влечетъ сильный уронъ для капиталистовъ, — то тогда промышленная буржуазія пускаетъ въ ходъ всѣ имѣющіяся у нея средства. Она не щадитъ своихъ капиталовъ и убиваютъ стачку длительностью. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда этотъ пріемъ почему-либо не выгоденъ, буржуазія заставляетъ активно выступить на защиту своихъ интересовъ государство, которое для этой цѣли пускаетъ въ ходъ разстрѣлы, аресты вожаковъ движенія и т. п.

Но эта сторона вопроса сейчасъ намъ не интересна. Намъ было важно отмѣтить только то, что національная федерація обладаетъ извѣстной силой, — которой нѣтъ у Биржъ Труда, — исключительно благодаря способу группировки ея членовъ и что эта отличительная черта на ряду съ первой чертой, отмѣченной уже нами, создаетъ изъ нея преимущественно организацію борьбы. Наконецъ Національная федерація и по своему строенію, представляется организаціей подвижной, приспособленной къ частымъ выступленіямъ, въ противоположность Биржамъ Труда. Итакъ, мотивами созданія Національной федераціи была защита не основныхъ классовыхъ интересовъ, а частныхъ и второстепенныхъ. Задача Анархическаго Союза иная: борьба не за профессіональные интересы и второстепенные, а за основные интересы класса — за уничтоженіе государства и частной собственности, за Анархическій Коммунизмъ. Вслѣдствіе того, что въ основу анархической организаціи положенъ принципъ классовой солидарности (сознаніе общихъ интересовъ движенія), та форма организаціи, на которую мы указали выше, вполнѣ удовлетворяетъ стоящимъ передъ нею задачамъ. Въ силу идейно-профессіональнаго принципа группировки, она является вполнѣ приспособленной къ задачамъ воспитательнаго и боевого характера. Передъ такой организаціей не можетъ быть тѣхъ препятствій, которыя могли бы появиться передъ Биржами Труда, если бы она поставила передъ собою задачи борьбы. Классовая солидарность, являющаяся необходимымъ условіемъ для того, чтобы союзы выступали совмѣстно въ тѣхъ случаяхъ, когда выступленіе имѣетъ непосредственное значеніе только для одного союза, положенъ въ основу Анархическаго Союза. Для анархическихъ трудовыхъ союзовъ, всякое вмѣшательство въ конфликты между трудомъ и капиталомъ, имѣетъ общее значеніе, чего не могло быть для Биржи Труда.

Профессіональное движеніе обладаетъ извѣстной силой вслѣдствіе того, что вноситъ дезорганизацію въ промышленность. Оно достигаетъ этого, исключительно благодаря способу группировки членовъ въ своихъ организаціяхъ — благодаря Національной федераціи. Анархическій же трудовой союзъ обладаетъ силой, благодаря революціонно-насильственному методу борьбы. Его примѣненіе и нарушаетъ правильный ходъ промышленной жизни и дезорганизуетъ господствующій классъ. Задачи соціальной борьбы, стоящія передъ Анархическимъ Союзомъ, создаютъ изъ него подвижную, приспособленную къ постояннымъ революціоннымъ выступленіямъ организацію. Такъ разрѣшаетъ Анархическій трудовой союзъ всѣ препятствія. Необходимости въ дополняющей организаціи нѣтъ. Она только усложнила бы организаціонныя построенія, придала бы имъ большую неподвижность и тяжеловѣсность

* * *

Перейдемъ къ другому вопросу, — объ отношеніи анархическихъ союзовъ къ экономической борьбѣ рабочихъ и, въ частности, къ профессіональному движенію.

Въ экономической борьбѣ рабочихъ обнаруживаются два процесса: процессъ экономическаго реформизма и процессъ соціальной революціи. Проявленіе перваго выливаютъ экономическую борьбу въ мирное профессіональное движеніе. Проявленія второго — составляютъ сущность анархическаго движенія. Задача Анархическаго союза внести въ стихійныя проявленія экономической борьбы, носящей характеръ соціально-революціонный, сознательность, углубить ее настолько, чтобы угнетенный классъ совершенно покинулъ экономическій реформизмъ и замѣнилъ стихійное, случайное примѣненіе соціально-революціоннаго метода — сознательнымъ и постояннымъ.

Улучшенія, достигнутыя въ условіяхъ труда, въ результатѣ такой борьбы, не уменьшаютъ революціонное настроеніе, а усиливаютъ его. Каждое новое завоеваніе постепенно вырабатываетъ путемъ опыта истинное орудіе освобожденія — революціонно-насильственную тактику, — увеличиваетъ пропасть между классами, обнажаетъ систему государства и частной собственности.

Поэтому Анархическій союзъ не только поддержитъ проявленія революціонно-насильственной экономической борьбы,

но явится и ея первымъ застрѣльщикомъ. Представляя изъ себя союзъ рабочихъ, онъ прежде всего самъ испытываетъ всѣ тяжести подневольнаго труда. Онъ первый внесетъ искру недовольства и возмущенія туда, гдѣ будетъ царить тупая покорность; онъ первый вскроетъ передъ широкими массами завѣсу, скрывающую язвы современнаго строя.

Говоря объ экономической борьбѣ рабочихъ, мы указали на то, что Анархическій союзъ принимаетъ участіе въ стихійно-развивающемся процессѣ соціальной революціи. Проявленія этого процесса обнаруживаются какъ въ неорганизованномъ движеніи, такъ и въ организованномъ, профессіональномъ, хотя въ послѣднемъ они бываютъ явленіемъ случайнымъ, не нарушающимъ всего процесса экономическаго реформизма. Вслѣдствіе этого, Анархическій союзъ преслѣдуетъ по отношенію къ профессіональному движенію двѣ цѣли: создать такое положеніе вещей, которое бы приводило рабочихъ профессіональныхъ союзовъ къ революціоннымъ проявленіямъ и усиливать свои анархическіе союзы на счетъ профессіональныхъ.

Поставленныя цѣли онъ стремится достигнуть путемъ воздѣйствія на профессіональные союзы извнѣ. (Это не значитъ воздѣйствовать на рабочее движеніе со стороны.) Способъ воздѣйствія на профессіональное движеніе изнутри, т. е. вхожденіемъ въ союзы, мы отрицаемъ на томъ основаніи, что профессіональное движеніе въ цѣломъ переродить не возможно, такъ какъ оно особое движеніе по методу и задачамъ. Вхожденіемъ въ союзы невозможно осуществить даже тотъ минимумъ, который предъявляется профессіонализму, благодаря тому, что вліяніе изнутри ведетъ къ отрицанію самостоятельной экономической и соціальной борьбы рабочихъ, выливающейся въ форму анархическаго движенія. Всѣ чаянія и надежды сторонниковъ этого способа воздѣйствія, постепенно сосредоточиваются на профессіональномъ движеніи, въ немъ начинаютъ видѣть методъ разрѣшенія соціальной проблемы.*) Способъ воздѣйствія извнѣ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства, которыми располагаетъ способъ воздѣйствія изнутри и, кромѣ того, по существу, является наиболѣе цѣлесообразнымъ, превышающимъ первый по силѣ и значенію. Анархическій союзъ, прибѣгая къ такому способу воздѣйствія на профессіональные союзы, этимъ самымъ вовсе не лишаетъ себя возможности вести пропаганду своихъ идей среди членовъ профессіональныхъ союзовъ.

Анархическій союзъ дѣйствуетъ и развивается въ глубинахъ массы, рабочая среда — его среда. Проводя часы трудовой жизни за станкомъ, товарищъ изъ Анархическаго союза ведетъ пропаганду своихъ идей среди работающихъ возлѣ него рабочихъ. Тамъ идутъ бесѣды, тамъ происходитъ живой обмѣнъ мыслей, тамъ скорѣе и легче поймуть другъ друга, чѣмъ въ собраніяхъ союза, гдѣ рѣчь идетъ объ узкихъ интересахъ, гдѣ нужно говорить по поводу нихъ, а не о вопросахъ, о коренномъ измѣненіи существующаго строя. Такіе вопросы тамъ будутъ не на тему. Но и внѣ фабрики, связь рабочихъ другъ съ другомъ не прекращается. Отъ случайныхъ встрѣчъ до анархическихъ собраній идетъ пропаганда.**) Поле пропаганды и агитаціи широко и безконечно для тѣхъ, кто живетъ среди угнетеннаго класса. Когда передъ массой будетъ развиваться анархическое движеніе, тогда пропаганда, подкрѣпляемая дѣйствіями, глубже проникнетъ въ сознаніе массъ.

Анархическіе союзы, въ моменты проявленія экономической борьбы, могутъ входить въ соглашеніе съ профессіональнымъ союзомъ. Представители профессіональныхъ союзовъ могутъ совѣщаться съ представителями анархическихъ союзовъ, вырабатывать общіе планы выступленія и пр. Согласно достигнутымъ условіямъ, каждый союзъ и будетъ дѣйствовать. Въ такихъ случаяхъ, анархическій союзъ опять-таки выступаетъ самостоятельно, не растворяясь въ профессіональныхъ союзахъ, какъ это бываетъ съ анархистами членами профессіональныхъ союзовъ, которымъ приходится изъ боязни изгнанія или изъ-за безсилія итти по пути профессіонализма.

И если анархизмъ вѣрно разрѣшаетъ теоретически и практически соціальный вопросъ, если методы его истинны, тогда анархическіе союзы могутъ надѣяться на то, что они словомъ и дѣломъ пробудятъ сознаніе рабочихъ, воспитаютъ въ нихъ волю, расширятъ свое вліяніе и свои организаціи и окажутъ давленіе своей планомѣрной борьбой, своей тактикой, какъ на отдѣльныхъ рабочихъ, находящихся внѣ союзовъ, такъ и на рабочихъ членовъ профессіональныхъ союзовъ. И если надѣяться на то, что въ моментъ обостренной экономической борьбы, можно направить на революціонныя выступленія рабочихъ изъ профессіональныхъ союзовъ, то это случится въ результатѣ не словеснаго вліянія, а работы анархическихъ союзовъ, дѣйствующихъ по опредѣленной системѣ. Таково наше отношеніе къ способу воздѣйствія на профессіональные союзы.

* * *

Въ какое же отношеніе станетъ Анархическій союзъ къ анархической интеллигенціи? Въ выдвинутой нами организаціи ей нѣтъ мѣста. Интеллигенція, по своему положенію, представляетъ такую соціальную группу, которая не можетъ сама въ себѣ найти силы для того, чтобы создать самостоятельное движеніе. Въ этомъ отношеніи она безсильна. Задача тѣхъ изъ ея рядовъ, которые выдвигаютъ какой-либо соціальный идеалъ, привить этотъ идеалъ угнетенному классу, искать поддержку у него, опереться на немъ. Изъ того положенія, что практически интеллигенція является безсильной разрѣшить соціальный вопросъ, и что ей приходится обращаться къ угнетенному классу — намѣчается и ея роль въ томъ случаѣ, когда выдвинутый ею идеалъ совпадаетъ съ идеаломъ, выдвинутымъ угнетеннымъ классомъ. Задача такой интеллигенціи не создавать свое движеніе, а *обслуживать* то движеніе, идеалъ котораго тождественъ съ ея идеаломъ.

Слѣдовательно, вопросъ объ анархической интеллигенціи сводится къ вопросу о томъ, какъ будетъ *обслуживать* анархическая интеллигенція анархическое движеніе, какъ сможетъ она отдавать ему свои силы?

Для этого анархической интеллигенціи придется имѣть свои группы съ цѣлью обслуживанія Анархическаго союза. Такія группы, входя въ опредѣленное сношеніе съ Анархическимъ союзомъ черезъ одного или двухъ членовъ, получатъ возможность удовлетворять потребности союза.

Подробное изложеніе того, въ какую форму выльется взаимоотношеніе между интеллигенціей и Анархическимъ союзомъ, намъ кажется излишнимъ. Для насъ важно установить принципъ — *обслуживаніе интеллигенціей анархическихъ союзовъ извнѣ.* Анархистъ-интеллигентъ входитъ въ сношеніе съ Анархическимъ союзомъ въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно желаетъ дать что-нибудь этому союзу, посвятить ему свои силы и знанія. Сношеніе устанавливается на почвѣ *дѣла*, а не на почвѣ только сходства идей, какъ практикуется у насъ теперь. Тотъ интеллигентъ, который ничѣмъ не обнаружитъ на дѣлѣ свое желаніе вести совмѣстную работу съ Анархическимъ Союзомъ, быстро лишится съ нимъ связи.

Выдвигая идею трудового анархическаго союза, мы надѣемся, что она вольетъ свѣжую струю въ наше русское анархическое движеніе. Все имѣетъ свою исторію, все подвержено закону эволюціи. Анархизмъ пережилъ свою первую фазу — періодъ исключительно идейной группировки — на смѣну ей идетъ новая фаза съ болѣе жизнен-

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. N 2 «Анархиста», «Синдикализмъ, профессіонализмъ и анархизмъ».

**) Тѣ, которые указываютъ намъ на союзы, какъ на единственное мѣсто пропаганды, вѣроятно представляютъ себѣ всю жизнь рабочаго замкнутую въ стѣнахъ нынѣшнихъ союзовъ.

нымъ организаціоннымъ принципомъ — группировка по идеи и по профессіи. Русское анархическое движеніе, вступивъ на этотъ путь, избѣжитъ ошибокъ западно-европейскаго анархизма.

Оскаръ Буритъ.

Капиталистическая дѣйствительность и формы рабочаго движенія.*)

Было бы странно утверждать, что капиталистическое общество держится только насиліемъ. Самое существованіе этого насилія обусловливается наличностью порабощенія массъ. Порабощенія не внѣшняго и механическаго, а внутренняго, органическаго. Рабочій - рабъ потому, что не научился желать свободы, онъ — рабъ потому, что его представленія о свободѣ еще не вышли за предѣлы часового сокращенія рабочаго дня, пятачковаго увеличенія заработной платы. Онъ ведетъ свой споръ съ хозяиномъ не за уничтоженіе капиталистической кабалы, а лишь за смягченіе ея рѣзкихъ формъ, не за капиталъ, а лишь за проценты на него. Вотъ неоспоримый фактъ, съ которымъ хочешь, не хочешь, а приходится считаться всякому, кто подходитъ къ разрѣшенію вопросовъ Соціальной Революціи. И никакими рѣчами, никакими актами революціонера-одиночки не преодолѣть этой внутренней закрѣпощенности рабочей массы. Какъ бы громко и правдиво ни было слово, оно какъ тихій шопотъ въ бурю будетъ заглушено тысячами и сотнями тысячъ обманывающихъ рабочій классъ писателей и проповѣдниковъ изъ буржуазіи; какъ бы ярко ни было революціонное выступленіе одиночки, впечатлѣніе отъ него, какъ зажженная у костра спичка, потухнетъ рядомъ съ „житейской практикой", изо дня въ день упорно затуманивающей рабочую голову. Раскрѣпощеніе души можетъ произойти только такъ же органически, какъ органичечки складывалось ея закрѣпощеніе. Только новая повседневная практика *самого* рабочаго класса, въ новомъ идущемъ въ разрѣзъ со старой практикой, направленіи, можетъ создать свободнаго человѣка, которому станетъ тѣсно въ холопскомъ обществѣ купли и продажи души и мускуловъ живого человѣка.

Понятно, рабочій классъ не представляетъ собою чего либо вродѣ цѣлостнаго организма, у котораго хотя и двѣ руки, но единый мозгъ, управляющій дѣйствіями этихъ рукъ. Раньше чѣмъ классъ въ цѣломъ займетъ какую-нибудь позицію или приметъ какой-нибудь методъ борьбы, это неизбѣжно будетъ сдѣлано отдѣльными его представителями. И, конечно, только дѣйствія этихъ отдѣльныхъ пролетаріевъ могутъ ускорить эволюцію всего рабочаго класса въ желательномъ направленіи. Но случится это не благодаря тому, что рабочая масса будетъ *созерцать* прокламаціи и акты революціонеровъ, а исключительно въ томъ случаѣ, когда эти революціонные акты будутъ эпизодами въ спорѣ всей массы порабощенныхъ съ ея угнетателями. Главное содержаніе жизни рабочаго это мастерская и ея эксплуатація. На нихъ онъ обращаетъ все свое вниманіе и только въ заводѣ, въ „борьбѣ за пятачекъ можетъ родиться рабочая революція*)"

Въ классовой борьбѣ, а не въ головѣ геніальнаго теоретика родился анархизмъ, и наше анархистовъ мѣсто въ рядахъ борющейся бѣдноты. Пусть жалки и для самихъ рабочихъ ничтожны „пятачекъ и четверть часа", но чѣмъ больше страстности мы внесемъ въ борьбу изъ-за нихъ, тѣмъ скорѣе изъ этой борьбы выростутъ и переоцѣнка всѣхъ моральныхъ нормъ и сознаніе нелѣпости нынѣшняго общественнаго строя. А *вырости* они могутъ *только изъ этой борьбы*. Въ зависимости отъ этого мы должны самымъ тщательнымъ образомъ изучить и условія хозяйской эксплуатаціи, и тенденціи рабочей борьбы. Мѣсто революціонной фразы и досужихъ разсужденій „отъ законовъ чистой логики" должно занять самое тщательное изслѣдованіе и капиталистической дѣйствительности, и формъ рабочей организаціи, и содержанія ея дѣятельности. Конечно, я не собираюсь въ коротенькой газетной статьѣ исчерпать эти въ высшей степени сложные вопросы. Въ мою задачу входило только затронуть ихъ, указать въ какомъ направленіи должно пойти ихъ изученіе и разработка.

Еслибы путемъ какихъ-нибудь ловкихъ комбинацій капиталисты могли всегда уступать рабочимъ, хотя бы и такъ, чтобы каждый разъ незамѣтно отнять завоеванное, новой практикѣ, о которой мы говорили выше, не было бы мѣста, и капитализмъ существовалъ бы вѣчно. Голодный человѣкъ еще не революціонеръ, онъ дѣлается имъ только въ *борьбѣ* за свое насыщеніе, только въ этой борьбѣ голодный выходитъ изъ рамокъ установившихся понятій такъ, что эти понятія отмираютъ, уступая мѣсто новымъ. И до тѣхъ поръ, пока „споръ изъ-за процентовъ" не приметъ *боевого* характера, понятія и представленія объ общественныхъ отношеніяхъ, изъ которыхъ складывается личность, останутся неизмѣнными.

Послѣднія десятилѣтія показали, что капиталисты непрерывно уступать не могутъ, даже и въ становящіеся все короче моменты промышленнаго подъема. Площадь приложенія капиталистической эксплуатаціи быстро исчерпывается. Государство со своими милліардными затратами на флотъ и на армію, желѣзнодорожныя кампаніи, нагрѣвающія руки на транспортѣ продуктовъ земледѣльческой промышленности, крупные землевладѣльцы, питающіеся высокой арендной платой, армія скупщиковъ и перекупщиковъ, отчасти городская фальсификація деревенскихъ продуктовъ, конкурренція со стороны крупнаго капитала въ корнѣ подрѣзывали благосостояніе крестьянства и мелкаго собственника, всюду составляющихъ большинство населенія. Разъ вступивъ на почву колоніальной политики и вывоза за границу, буржуазія должна была пойти въ этомъ направленіи все дальше и все быстрѣе. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока вчера еще обширнѣйшіе рынки сбыта, сегодня сдѣлались серьезнѣйшими конкуррентами на международномъ рынкѣ. Для грабительскихъ манипуляцій колоніальной политики остаются только страны съ рѣдкимъ или дикимъ населеніемъ, покупательная сила котораго слишкомъ ничтожна для того, чтобы ихъ стоило принимать въ соображеніе.

Промышленный капиталъ долженъ снова вернуться къ внутреннему рынку, но рынокъ этотъ больше, чѣмъ когда нибудь до сихъ поръ, исчерпанъ и разоренъ.

Введеніе новыхъ все болѣе усовершенствованныхъ машинъ становится все болѣе невыгоднымъ, такъ какъ оно все менѣе окупается расширеніемъ производства. До сихъ поръ капиталистъ, расширяя производство, понижалъ процентъ своей прибыли, но съ выгодой для себя, такъ какъ

---

*) Помѣщая эту статью, мы должны оговориться, что не раздѣляемъ нѣкоторыхъ взглядовъ автора на профессіональное движеніе. Къ сожалѣнію, сейчасъ за недостаткомъ мѣста мы не можемъ на нихъ остановиться. Ред.

*) Разумѣется, я нисколько не умаляю значенія борьбы рабочаго, какъ потребителя: эта сторона рабочей жизни чрезвычайно важна, такъ какъ она органически связываетъ промышленный пролетаріатъ и съ обездоленными слоями крестьянства и съ люмпенпролетаріатомъ. Подробнѣе остановиться на этомъ я надѣюсь въ другой разъ. В.

повышалось общее количество этой прибыли. По мѣрѣ того, какъ отсутствіе новыхъ рынковъ сбыта задерживаетъ увеличеніе числа производимыхъ продуктовъ, прибыль капиталиста грозитъ уменьшиться не только относительно, но и абсолютно. Въ зависимости отъ этого капитализмъ принимаетъ болѣе, чѣмъ когда нибудь до сихъ поръ, хищническій характеръ. И если въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ тресты выросли изъ естественной концентраціи производства, — изъ *борьбы* предпринимателей между собой, то въ Германіи и у насъ въ Россіи они представляютъ собой какъ разъ наоборотъ—продуктъ соглашенія предпринимателей противъ потребителя. Вотъ цифры, опубликованныя россійскимъ министерствомъ торговли и промышленности. Въ сравненіи съ десятилѣтіемъ 90—99 гг. цѣны на нижеслѣдующіе товары повысились слѣдующимъ *образомъ*.

Наименованіе продуктовъ.	*1906 г.*	*1907г.*
Хлѣбные продукты	19,8%	42,3%
Ископаемые „	37,0%	41,8%
Животные „	37,3%	48,0%
Прядильные матеріалы	39,1%	47,1%
Бакалейные товары	21,2%	30,8%

Врядъ ли для поясненія этой таблицы нужно добавить, что кромѣ временныхъ и постоянныхъ соглашеній между скупщиками зерна, крупными торговцами мяса и т. д. у насъ въ Россіи въ 1907 г. существовало уже больше 120 постоянныхъ и прочихъ крупнопредпринимательскихъ организацій. А между тѣмъ русскіе предприниматели только молодые и неопытные ученики своихъ западныхъ собратьевъ. Германскіе, напримѣръ, предприниматели уже нѣсколько лѣтъ ведутъ самую ожесточенную борьбу съ потребительными обществами, при чемъ дѣло доходитъ до того, что этимъ послѣднимъ отказываютъ въ продажѣ самыхъ существенныхъ продуктовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ борьба съ хищничествомъ трестовъ (вѣрнѣе разговоры объ этой борьбѣ) вотъ ужъ цѣлыхъ 10 лѣтъ составляетъ главное содержаніе общественной жизни.

Расширеніе производства стало невозможнымъ и капиталистъ все чаще строитъ свои разсчеты на его искусственномъ суженіи, въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣзко измѣняется его отношеніе къ рабочимъ и ихъ требованіямъ. До сихъ поръ стачка была только поводомъ для введенія болѣе усовершенствованныхъ орудій труда, причина этого введенія заключалась въ стремленіи произвести какъ можно больше товаровъ. По мѣрѣ того, какъ это стремленіе сходитъ со сцены, стачка изъ повода дѣлается едва ли не единственной причиной техническихъ усовершенствованій. Сокративъ рабочій день, хозяинъ теряетъ теперь не только фиктивно, какъ это было раньше, но и въ дѣйствительности, такъ какъ онъ все рѣже бываетъ въ состояніи ввести новыя машины, которыя, расширяя производство, интенсифицировали бы трудъ рабочаго. Уступки стачечникамъ стали слишкомъ сильно бить по хозяйскому карману. Именно по этой причинѣ послѣдніе пятнадцать лѣтъ борьбы труда съ капиталомъ характеризуются переходомъ капитала въ наступленіе. За десятилѣтіе 1890—1900 гг. около половины стачекъ носили въ Германіи оборонительный характеръ, но въ этихъ стачкахъ принимала участіе только четверть общаго числа забастовщиковъ. Уже въ слѣдующее шестилѣтіе 1900—1906 г. число участниковъ оборонительныхъ стачекъ достигло тамъ трети общаго числа стачечниковъ. Не менѣе красноречиво въ этомъ отношеніи разсказываетъ слѣдующая табличка германскихъ локаутовъ.

Годы	*Число локаутовъ*	*Число уволен. раб.*
1901	33	8.460
1902	56	6.791
1903	82	45.763
1904	112	31.402
1905	401	144·917

И пусть не говорятъ, что эти цифры характерны только для странъ съ высоко капиталистическимъ хозяйствомъ: въ смыслѣ развитія капитализма Россія представляетъ собой одну изъ самыхъ отсталыхъ странъ, а между тѣмъ она по интенсивности наступленія капитала въ послѣдніе годы едва ли не превзошла и Соединенные Штаты и Германію. Тамъ же, гдѣ локауты невозможны по причинѣ отсутствія прочныхъ предпринимательскихъ организацій, какъ напримѣръ во Франціи, тихое душительство голодовкой замѣняется кровавымъ побоищемъ. Наступленіе капитала нельзя также приписать вліянію промышленнаго кризиса: 905 г. протекалъ въ Германіи (сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ) при чрезвычайно благопріятной промышленной коньюнктурѣ, а между тѣмъ никогда еще локаутное движеніе не достигало здѣсь такой высоты, какъ въ этомъ году. При чемъ надо помнить, что только въ 33 случаяхъ изъ 401-го локауты 905 года были отвѣтомъ на наступательныя стачки. Вообще же на каждыхъ 2-хъ наступающихъ стачечниковъ Германіи въ 905 г. приходился одинъ бастующій, защищавшійся отъ капиталистовъ.

Наряду съ этимъ наступленіемъ хозяева становятся все упорнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится защищаться. И съ каждымъ годомъ понижается число участниковъ удачныхъ наступательныхъ стачекъ.*)

Такова капиталистическая дѣйствительность. Она оставляетъ рабочему классу самый ограниченный выборъ: или медленное вымираніе или рѣзко революціонная, насильственная борьба. Мирному стачизму больше мѣста нѣтъ. Не сегодня-завтра онъ сойдетъ, онъ неминуемо долженъ сойти со сцены.

Это еще, однако, далеко не значитъ, что старыя организаціи рабочаго класса неминуемо примутъ революціонный характеръ, сдѣлаются носителями и организаторами насильственной борьбы рабочаго класса. Разъ создавшись и окрѣпнувъ, онѣ продолжаютъ сохранять свою старую физіономію. Раньше послушные исполнители велѣній жизни, онѣ теперь вступаютъ съ ней въ споръ. Въ этомъ спорѣ онѣ должны или приспособиться къ измѣнившейся дѣйствительности, или разложиться, принять консервативный характеръ, прибавить новое оружіе къ буржуазному арсеналу для порабощенія рабочихъ массъ. Жизнь показываетъ, что онѣ идутъ именно во второмъ направленіи.

Рабочій привыкъ къ существующему положенію вещей. Наличность хозяина кажется ему вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, и до тѣхъ поръ, пока длительные періоды промышленнаго подъема давали хозяину возможность „дать передышку“, онъ, желая улучшить свое положеніе, направлялъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на крайности хозяйской эксплуатаціи. Казалось, что бѣда въ хозяинѣ, который *обижаетъ* своего рабочаго. Понятно, что въ моменты промышленныхъ кризисовъ, когда „дѣла шли плохо“, эксплуатація находила себѣ моральное оправданіе даже въ головахъ большинства самихъ рабочихъ. Въ зависимости отъ этого борьба принимала своеобразный харак-

*) Наступательныя стачки удаются, главнымъ образомъ, рабочимъ, занятымъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, поэтому и количество удачныхъ стачекъ растетъ, тогда какъ количество выигравшихъ стачечниковъ неуклонно падаетъ. В.

торъ разсчетовъ на тему: „а можетъ ли хозяинъ уступить?“ На почвѣ реализаціи этого разсчета возникла и окрѣпла широкая профессіональная организація рабочаго класса. Для буржуазіи въ цѣломъ борьба шла не за существованіе, а за формы этого существованія, для рабочихъ дѣло тоже шло не о существованіи буржуа, а о формахъ его эксплуатаціи. Личность хозяина оставалась неприкосновенной. Вотъ почему рабочіе могли ограничиваться существованіемъ легальной организаціи, вотъ почему хозяева въ общемъ и цѣломъ терпѣли существованіе такой организаціи. Теперь все вертится именно вокругъ личности капиталиста; чтобы заставить его уступать нуженъ, фигурально выражаясь, саботажъ не только хозяйскихъ товаровъ, но и хозяйской персоны, нужно самое широкое примѣненіе террора и вполнѣ понятно, что этотъ терроръ не можетъ занять мѣста въ жизни широкихъ, а потому безусловно и легальныхъ профессіональныхъ организацій. Эти послѣднія сдѣлались исторически ненужными, онѣ разлагаются, заражая запахомъ своего трупа окрестную дѣйствительность, порой парализуя самодѣятельность революціонизирующагося рабочаго класса. Мирныя стачки перестаютъ удаваться, боевыя для союзовъ непріемлемы, и мало по малу вся ихъ дѣятельность направляется въ сторону соглашательства.

Въ отвѣтъ на страшный походъ германскихъ предпринимателей теоретики нѣмецкаго профессіональнаго движенія, не выдвинули ничего, кромѣ назиданій о полезности глубоко вредныхъ для рабочаго класса примирительныхъ камеръ и длительныхъ тарифныхъ договоровъ. Раньше хозяина заставляли уступать стачками, когда это начало становиться невозможнымъ, его хотятъ перехитрить. Насколько эта агитація въ пользу змѣиной мудрости пользуется въ сферахъ практическаго профессіональнаго движенія успѣхомъ видно изъ того, что уже въ 1906 г. **54 %** всѣхъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ кончились въ Германіи безъ стачекъ. Въ другихъ странахъ дѣло обстоитъ еще хуже. И если третій конгрессъ союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ Италіи призналъ необходимость всеобщей стачки и саботажа, то уже черезъ годъ послѣ этого послѣдній конгрессъ итальянской конфедераціи труда (въ которую входятъ также и эти союзы) принялъ цѣлый рядъ мѣръ для сокращенія числа стачекъ.—Какая-нибудь мѣстная организація,— говорилось по этому поводу на конгрессѣ, — начинаетъ безсмысленную стачку, и кромѣ того, что на нее приходится тратить деньги всѣхъ остальныхъ организацій, она еще вызываетъ ненужныя репрессіи — Характерно, что на послѣднемъ конгрессѣ итальянской соціалистической партіи представители профессіональныхъ союзовъ не протестовали, когда конгрессъ заявилъ, что правительство справедливо лишило желѣзнодорожныхъ рабочихъ свободы стачекъ, при чемъ „соціалистическій“ конгрессъ въ защиту этого запрещенія приводилъ Витте Треповскій доводъ — „стачки желѣзнодорожниковъ подрываютъ національное благостояніе“.

Чѣмъ сильнѣе успѣла въ странѣ укрѣпиться монополизаторская (по отношенію къ потребителю) тенденція капитализма, тѣмъ труднѣе хозяевамъ вознаградить себя за уступки рабочимъ интенсификаціей труда послѣднихъ, тѣмъ больше мирная стачка лишается всякой почвы и тѣмъ сильнѣе успѣло разложиться профессіональное движеніе. И если въ Швейцаріи организованные рабочіе, заявляя каждому новичку: — ты не можешь здѣсь работать, пока не покажешь членской карточки нашего союза, дѣлаютъ это съ цѣлью усилить свою организацію противъ хозяина, то во многихъ союзахъ Соединенныхъ Штатовъ, чтобы получить такую карточку, нужно дать крупную взятку секретарю союза.

О характерѣ американскаго профессіональнаго движенія въ его цѣломъ можно судить хотя бы уже по одному тому, что во время прошлогодняго движенія безработныхъ, профессіональные союзы отказали имъ въ какой бы то ни было поддержкѣ. Кстати, вождь американскаго трэдъюніонизма Гомперсъ заявилъ, что безработица неизбѣжное слѣдствіе священныхъ устоевъ капитализма и что поэтому только мошенники, проходимцы и шарлатаны могутъ звать безработныхъ на улицу. Противъ этой выходки не выступила ни одна изъ многочисленныхъ трэдъюніонистскихъ газетъ.

Несовмѣстимость революціонной классовой борьбы съ легальнымъ организаціоннымъ строительствомъ достаточно проявляется также и въ слабости такъ называемаго революціоннаго профессіональнаго движенія. На больше, чѣмъ $1^{1}/_{2}$ милліона организованныхъ въ соціальдемократическіе (соглашательскіе тожъ) профессіональные союзы, въ Германіи приходится 13 тысячъ участниковъ союзовъ революціонныхъ. На 300.000 членовъ итальянской конфедераціи труда приходится около 20.000 членовъ революціонныхъ синдикатовъ, говорить же о революціонныхъ союзахъ въ такихъ странахъ, какъ Англія, Австрія, Соединенные Штаты пока что еще по меньшей мѣрѣ преждевременно. Почему то принято думать, что отъ другихъ странъ въ этомъ отношеніи выгодно отличается Франція. Но при первой же попыткѣ провѣрить рѣчи о твердыняхъ французскаго революціоннаго синдикализма отъ этихъ твердынь не остается кромѣ названія. Противъ 550.000 входящихъ въ соглашательскіе союзы Всеобщая Конфедерація насчитываетъ только 294 тысячи. Но и внутри Всеобщей Конфедераціи революціонные элементы безусловно составляютъ лишь незначительное меньшинство. Этому утвержденію нисколько не противорѣчатъ революціонныя резолюціи, выносимыя конфедераціей и ея конгрессами. Изъ 64 членовъ конфедераціи 12 делегируются 195 тысячъ рабочихъ, въ то время, какъ остальные 52 делегируются всего 98 тысячъ рабочихъ. Одинъ делегатъ представляетъ 30 человѣкъ земленашцевъ восточнаго Парижа, а другой тоже 30... тридцать тысячъ горнорабочихъ. Конечно, такъ составленная конфедерація не можетъ считаться отраженіемъ настроенія синдикальной организаціи.*) Не менѣе пропорціонально составляются и конгрессы конфедераціи. На Амьенскомъ конгрессѣ (1906 г.) представители 45.000 раб. пользовались большинствомъ противъ представителей 155.000 раб. На послѣднемъ Марсельскомъ конгрессѣ (1908 г.) федерація строительныхъ рабочихъ (40 000 членовъ) пользовалась 219 мандатами (по 1 на 189 раб.) и обезпечила большинство всѣмъ революціоннымъ резолюціямъ. Дѣйствительная революціонность этихъ играющихся въ большинство революціонеровъ стоитъ еще однако подъ большимъ вопросительнымъ знакомъ. Та же „революціонная“ федерація строительныхъ рабочихъ, не хуже германскихъ профессіональныхъ союзовъ, занимается заключеніемъ долгосрочныхъ тарифныхъ соглашеній, а парижскіе син-

*) Для мелкаго хозяина уступить рабочимъ и раньше [illegible] часто значило разориться.
В.

*) Къ сожалѣнію, тема моей статьи не позволяетъ мнѣ на этотъ разъ подробнѣе остановиться на организаціонномъ принципѣ французскаго синдикализма.

дикаты, выслушавъ доклады своихъ делегатовъ о революціоннѣйшихъ революціяхъ, занялись... избраніемъ членовъ въ третейскіе суды (тѣ же примирительныя камеры).

Вообще же въ дѣятельности революціонныхъ профессіональныхъ организацій поражаетъ необыкновенное обиліе революціонной „словесности“ наряду съ необычайно рѣдкимъ, слабымъ и блѣднымъ революціоннымъ дѣломъ. Парижскіе, напримѣръ, землекопы глубоко увѣрены, что изо всѣхъ силъ работать при надсмотрщикѣ и разговаривать между собой въ его отсутствіи есть высшая ступень революціонной классовой борьбы. Да это и неудивительно. Нельзя въ старые мѣха организаціи съ благословенія околоточнаго влить новое вино революціонной классовой борьбы. И врядъ ли синдикалисты послѣ каждой тысячи своихъ заявленій о революціонныхъ рѣшеніяхъ синдикатовъ сумѣютъ указать хотя бы одно хоть сколько-нибудь заслуживающее вниманія революціонное выступленіе.

Нѣкоторые товарищи, задумавшись надъ этой несовмѣстимостью революціонности съ легальностью, думаютъ найти разрѣшеніе вопроса въ строительствѣ широкихъ нелегальныхъ организацій. Нерѣдко ссылаются на то, что такія нелегальныя организаціи уже существуютъ въ Русской Польшѣ и существовали во всѣхъ странахъ на зарѣ профессіональнаго движенія. Такое разрѣшеніе вопроса было бы однако слишкомъ механическимъ и въ лучшемъ случаѣ привело бы лишь къ возвращенію нынѣшнихъ легальныхъ формъ организаціи*). Вѣдь не изъ-за легальности профессіональныхъ организацій нѣтъ революціонныхъ выступленій пролетаріата, а наоборотъ, благодаря отсутствію революціонныхъ выступленій мыслимо существованіе легальной организаціи. Перенесеніе мирностачечнаго торга и переторжки въ подполье еще не способствуетъ перерожденію личности рабочаго, еще не ставитъ ее на ту моральную высоту, которая толкаетъ людей на самопожертвованіе. Тѣ же польскіе профессіональные союзы, пребывая въ подпольѣ то и дѣло взываютъ по преслѣтамъ легальнаго профессіональнаго движенія.

Не механическимъ изгнаніемъ околоточнаго надзирателя творятся бойцы, ихъ творитъ только битва. Дѣло передового авангарда рабочаго класса не заниматься организаціоннымъ строительствомъ, а начать эту битву. Терроръ противъ купца-эксплуататора потребителей, работодателя, эксплуататора рабочихъ, для своего выполненія не нуждается ни въ легальной, ни въ нелегальной широкой организаціи. Чѣмъ меньше будетъ этотъ терроръ связанъ заранѣе предопредѣленными схемами соціальной революціи, тѣмъ большую роль сыграетъ личная иниціатива, тѣмъ сильнѣе будетъ онъ связанъ съ повседневной практикой самого рабочаго класса, тѣмъ лучше и вѣрнѣе будетъ онъ учить рабочую массу революціоннымъ методамъ борьбы. Масса же, борющаяся революціонно не нуждается въ формальной организаціи. Революціонное выступленіе въ одномъ мѣстѣ, создаетъ революціонное настроеніе въ другомъ. Въ процессѣ борьбы куется другая дѣйствительно необходимая организація—организація воли и стремленій рабочаго класса. Эта организація не нуждается въ статутахъ и конгрессахъ. Свое выраженіе она находитъ не въ постановленіяхъ о томъ или иномъ выступленіи, а въ его стихійномъ существованіи. Именно такимъ путемъ развивалось великое стачечное движеніе россійской революціи. Русскіе рабочіе никогда не дискуссировали о всеобщей стачкѣ, но они вели самую ожесточенную борьбу съ предпринимателями, и ихъ стачки, стихійно разростаясь, охватили всю страну. Въ Россіи и въ поминѣ не было широкой профессіональной организаціи, когда октябрьская стачка 905 г. поразила своей стройностью весь міръ.

— Да, — скажутъ намъ, — но вѣдь это были времена революціи, а теперь мы переживаемъ эпоху застоя! На это мы отвѣтимъ слѣдующимъ:

Внѣ революціоннаго дѣла народъ можетъ мобилизовать лишь армію, заранѣе лишенную всякаго боевого значенія. Революція — не сраженіе, а продолжительнѣйшая война, въ которой народъ мобилизуетъ свою армію уже въ процессѣ военныхъ дѣйствій. Мобилизація эта начинается тамъ, гдѣ объективная дѣйствительность успѣла выдвинуть хотя бы и незначительный количественно революціонный авангардъ.

Боевому авангарду пролетаріата предстоитъ не только начать битву, но еще и вѣчать ее такъ, чтобы рабочая масса возможно быстрѣе втянулась въ эту битву, и въ ней завоевала свое единственное побѣдоносное оружіе — революціонное классовое самосознаніе. Не одна тысяча жертвъ падетъ, пока это случится, но иного пути къ освобожденію тѣла и души рабочаго класса нѣтъ и быть не можетъ.

Вадимовъ.

---

*) Подчеркиваю: я говорю здѣсь только о широкой и массовой нелегальной организаціи; болѣе узкія союзы рабочихъ революціонеровъ, составленные для того, чтобы координировать ихъ дѣйствія, будутъ конечно всегда полезны и цѣлесообразны. В.

Аграрный вопросъ и соціалистическія программы.

(Продолженіе).

Аграрная программа с.-д.-овъ есть только привѣсокъ къ ихъ общей „пролетарской“ программѣ. Они подтасовывали крестьянскія требованія, влагая въ нихъ свое собственное, милое имъ демократическое содержаніе. Крестьянская революція должна послужить политическому перевороту.

С-ры были прямодушнѣе, они хотѣли извлечь изъ крестьянской революціи все то, что она можетъ дать, они шли на встрѣчу крестьянскимъ требованіямъ. „Земля — ничья, земля — божья!“, — этотъ крестьянскій лозунгъ они понимали въ прямомъ смыслѣ, принимали его въ полномъ значеніи. Въ деревнѣ сейчасъ же можно начать осуществленіе соціализма, борьба съ помѣщиками открываетъ широкую возможность къ этому. И с-рамъ пришлось много труда положить, чтобы разрушить догму с.-д.-овъ, и ихъ вѣру въ сверхъ-естественное значеніе капитализма. Капитализмъ самъ собою не приходитъ къ своему отрицанію, чтобы можно было положиться на то, что онъ вынесетъ. Они доказывали, что вовсе не неизбѣжно, чтобы капитализмъ развивался до высшихъ своихъ формъ. Они оспаривали, что капитализмъ есть единственно возможный путь къ соціализму — къ соціализму можетъ привести и борьба, разгорающаяся на почвѣ столкновеній съ крупной земельной собственностью. Лишне дожидаться, чтобы крестьянинъ превратился въ шлифованнаго пролетарія, потому что различеніе между крестьяниномъ, — мелкимъ трудовымъ хозяйчикомъ и крестьяниномъ — батракомъ искусственно: онъ является сегодня тѣмъ, а завтра другимъ, онъ одновременно бываетъ и тѣмъ и другимъ. Важнѣе всего то, чтобы онъ толкался къ борьбѣ. Онъ не можетъ не сплотиться съ помѣщиками, его положеніе обязываетъ. Если это такъ, то русло, которое воспріимало бы револю-

ціонный потокъ, уже готово. Для начала этого достаточно, схватка съ помѣщикомъ разгорится въ пламя соціальной революціи. Такова была позиція с-р-овъ.

Аграрная программа с-р-овъ это по ихъ мнѣнію введеніе въ соціализмъ; сущность ея въ томъ, чтобы сдѣлать землю ничьей. Нѣтъ надъ ней хозяина, крестьянинъ только пользуется ею, и пользуется уравнительно, т. е. каждый разъ будетъ и перераспредѣленіе земли, если окажется, что пользуются ею неравномѣрно. Земля безъ хозяина, потребность въ землѣ опредѣляетъ размѣръ пользованія; постоянное перераспредѣленіе сообразно потребностямъ; равновѣсіе, которое вѣчно снова возстанавливается, — все это какъ будто принципы Анархическаго коммунизма, если мы на минуточку позабудемъ, что эти анархическіе принципы охраняются бдительнымъ окомъ неразрушимаго государства.

Анархизмъ подъ государственной охраной — недурно придуманная смѣсь! Двѣ души борются въ с-р-ѣ, — государственника и анархиста, а какая побѣдитъ, мы еще увидимъ. А пока что мы сдѣлаемъ хорошо, если мы эту смѣсь вслѣдъ за ея изобрѣтателями, с-р-ами, назовемъ соціализаціей!

Замѣтьте: не соціализмъ, а соціализація, не обобществленіе производства, а обобществленіе земли, уничтоженіе частной собственности на землю. Соціализація это только преддверіе въ рай, но еще не самъ рай. Обобществленіе производства еще придетъ со временемъ, но конечно уже не опозоренному с-р-ами капитализму выпадетъ на долю обобществленіе земледѣлія, — куда-жъ ему! — Ему стыдно будетъ показаться на глаза с-р-амъ въ деревнѣ. Обобществленіе предоставлено будетъ духу любви и великодушія — общинному крестьянскому началу и просвѣщенному содѣйствію благорастворенннаго насилія — буржуазному правительству, пропитанному с-р-ской идеологіей.

Трудовыя воззрѣнія русскихъ крестьянъ и общинныя привычки сдѣлаютъ то, что крестьяне будутъ объединяться въ артели, чтобы совмѣстно обрабатывать землю. Сельско-хозяйственныя общества, покровительствуемыя государствомъ, будутъ снабжать эти артели земледѣльческими орудіями, усовершенствованнымъ удобреніемъ и самыми лучшими сортами сѣмянъ. Все это на выплату въ формѣ долгосрочнаго займа. Передъ нами соціализмъ въ процессѣ его созрѣванія, мирное развитіе безъ перерывовъ и катастрофъ. Соціальная революція въ деревнѣ становится излишней, деревня врастаетъ въ соціализмъ. Въ деревнѣ будетъ процвѣтать особое крестьянское трудовое царство. Какъ счастливо, весело и уютно будетъ теперь въ деревнѣ, особенно если сравнить съ несчастнымъ городомъ, гдѣ господство буржуазіи еще долго будетъ терзать населеніе.

А отъ городовъ надо будетъ отмежеваться, обвести себя волшебнымъ кругомъ, за который капитализму не переступить. Надъ деревней капитализмъ не имѣетъ власти, тамъ онъ раскритикованъ, тамъ доказана его несостоятельность. И особенно очевидна его несостоятельность, если противопоставить его трудовымъ воззрѣніямъ русскаго мужика. Капитализмъ въ пухъ и прахъ разлетится, если коснется трудового міровоззрѣнія русскаго крестьянина.

С-ры не грубые матеріалисты, они выдвигаютъ впередъ идеи, воззрѣнія, мысли, привычки, словомъ идеологію. Они признаютъ ея значеніе въ творческомъ процессѣ исторіи. Личность крестьянина разсматривается какъ вмѣстилище трудовыхъ идей, и слѣдовательно капитализму въ деревнѣ не будетъ ходу. Экономическій законъ, власть денегъ спасуетъ передъ силой крестьянской мысли.

И мы не поклонники с-д-ской догмы, мы не падаемъ ницъ передъ капитализмомъ и его ролью, какъ единственнаго проводника въ царство соціализма, мы не исповѣдуемъ той вѣры, которая говоритъ, что только и свѣту, что въ окошечкѣ капитализма, что только пролетаріатъ и онъ единственно можетъ быть носителемъ соціалистическаго идеала. И столкновеніе крестьянъ съ помѣщиками изъ за земли можетъ и должно положить начало осуществленію соціализма, но при одномъ условіи, при условіи одновременной аттаки на государство, ибо капитализмъ и вскормленъ и взрощенъ государствомъ и при существованіи его онъ будетъ все крѣпнуть и расти. Онъ живъ и здоровехонекъ выйдетъ изъ тяжелаго испытанія, которому онъ подвергнется, благодаря аграрной революціи; онъ мигомъ оправится, опомнится, придетъ въ себя и начнетъ себѣ царствовать какъ встарь и простретъ свою тяжелую лапу и надъ деревней — счастливой Аркадіей. Капитализмъ убьетъ соціализацію. Разъ деньги будутъ имѣть силу, разъ капиталъ будетъ имѣть значеніе въ хозяйствѣ, разъ деревня будетъ связана съ городскимъ рынкомъ, то вся сказка о томъ, что соціализмъ станетъ осаждаться самъ собою, — будетъ звучать только насмѣшкой. Будучи связаны съ колебаніями рынка, одни хозяйства будутъ процвѣтать, другія отставать и разоряться и попадутъ въ зависимость отъ ростовщическаго капитала.

И дальше, какое же это государство призывается въ насадители соціалистическихъ началъ въ деревнѣ? Вѣдь государство, въ которомъ царствуетъ буржуазія? Оно именно будетъ оберегать соціализацію земли, безхозяйность земли? Оно будетъ отстаивать силой своего оружія, что земля ничья? Не превращается ли оно этимъ самымъ во владѣльца всей соціализированной земли? Не захочетъ ли оно тогда по праву завѣдовать всей землей и установить общій порядокъ пользованія ею и перераспредѣленія ея? Не окажется ли оно столь попечительнымъ, чтобы вмѣшиваться на каждомъ шагу во всѣ мелочи быта „соціализированныхъ" крестьянъ? Вѣдь надо же охранить чистоту соціализаціи!

Пока существуетъ государство, соціализація пустой звукъ, фактически оно будетъ распоряжаться всѣмъ. Въ лучшемъ случаѣ это будетъ надѣленіемъ мелкими участками земли за счетъ государства, которое попроситъ вознаградить себя за это. Съ другой же стороны право пользованія этими участками, когда кругомъ будутъ свирѣпствовать буржуазные распорядки, обратится для крестьянъ въ право взимать нѣкоторый побочный доходъ съ кулака, на котораго онъ работаетъ, какъ батракъ. Но кулакъ уже такъ его окрутитъ, что этотъ побочный доходъ превратится въ побочный расходъ, — стоитъ только кулаку выдать мужику немного денегъ впередъ въ плохое время.

Соціализаторы какъ будто забываютъ, что какъ государство такъ и буржуазія остаются. Одно изъ двухъ: или буржуазія и государство существуютъ, тогда никакой соціализаціи не будетъ, или соціализація осуществится, тогда государству и буржуазіи положенъ конецъ.

Но такъ какъ первое утверждается съ несомнѣнностью, такъ какъ государство охраняется какъ зеница ока, а буржуазія до поры до времени остается, то такимъ образомъ и с-р-кій лозунгъ „соціализація" не болѣе и не менѣе, какъ лозунгъ лицемѣрный, какъ приманка для привлеченія крестьянъ къ участію въ общедемократической борьбѣ.

* * *

Свободной какъ будто отъ этого кореннаго грѣха — использованія крестьянъ въ цѣляхъ политическихъ реформъ — можно считать программу максималистовъ, выдѣлившейся фракціи с-ровъ. То, что сводило аграрныя реформы всѣхъ соціалистическихъ партій къ нулю — неприкосновенность буржуазнаго господства, благополучно переживающаго политическую революцію, — какъ разъ отсутствуетъ у максималистовъ. Они наряду съ соціализаціей земли, выставляютъ и соціализацію фабрикъ и заводовъ. Значитъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ люди озабочены тѣмъ, чтобы владычеству буржуазіи былъ положенъ конецъ. Не только земли, но и фабрики и заводы объявляются ничьими. Вотъ наконецъ то достигнуто полное единство обѣихъ программъ, какъ для города, такъ и

для деревни. Наконецъ то, крестьянство не будетъ одурачено, къ нему потихоньку не подводятъ катка, по которому оно покатится въ лоно буржуазіи. Но не смотря на эти отрадныя предзнаменованія, программа все таки не освободилась отъ всякаго обмана, она все таки не даетъ того, что обѣщаетъ. Опять передъ нами непримиримое противорѣчіе въ лицѣ соціализаціи земли и фабрикъ съ одной стороны и сохраненія государства съ другой. Государство именно въ лицѣ революціоннаго правительства призывается провести благодѣтельную реформу соціализаціи. На долю государства выпадаетъ отвѣтственная роль: оно незамѣнимый органъ революціи. Правительству предстоитъ развернуть громадную дѣятельность, и, слѣдовательно, первое дѣло максималистовъ будетъ оградить государство отъ посягательствъ. И если аттака крестьянъ на помѣщиковъ и рабочихъ на фабрикантовъ уничтожитъ государство, то стараніями максималистовъ оно опять будетъ возстановлено. Тактика оберегания государства окажетъ свое гибельное дѣйствіе уже на самый ходъ революціи. Заботы о сохраненіи власти обрѣжутъ крылья революціи: уже не съ такой поспѣшностью будутъ нападать, уже не съ такой порывистостью будутъ захватывать. Максималистамъ прійдется сдерживать свой максимализмъ. Нарушая законъ о собственности, законы нынѣшняго государства, прійдется тщательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы законъ вообще не палъ. Надо будетъ вылущить законъ вообще изъ закона буржуазіи и закона самодержавія и окружить его ореоломъ святости. Законъ вообще долженъ оставаться въ силѣ. Какъ бы ни были максималисты революціонно настроены сейчасъ, когда они исключительно нападающая сторона, какъ бы они ни стояли сейчасъ за непосредственное террористическое воздѣйствіе крестьянъ и рабочихъ на своихъ враговъ, они, всетаки, если предвидится возможность къ захвату власти, забьютъ отбой. Будутъ довольствоваться тѣмъ, что помѣщики и буржуазія получили порядочную встряску, и предоставятъ додѣлывать революцію революціонному правительству. Чтобы поднять престижъ революціоннаго правительства, чтобы его укрѣпить и усилить, надо будетъ ему поручить самое главное дѣло революціи: соціализацію какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. И если крестьяне и рабочіе начнутъ революцію, то заключительное слово скажетъ революціонное правительство.

Съ тѣхъ поръ, какъ революціонное правительство заявитъ о себѣ, революція претерпитъ сильный переломъ. Всякое правительство и тѣмъ болѣе революціонное прежде всего заботится о томъ, чтобы сохраниться, оно должно отстаивать себя до конца, власть никогда не можетъ быть невинной, въ ней заговоритъ корыстный интересъ. Считая себя призваннымъ осуществить революцію, оно перенесетъ всю свою любовь и попеченіе на себя же, и оно уже будетъ дѣйствовать не столько въ интересахъ революціи, сколько въ интересахъ своего собственнаго самосохраненія. Революціонное правительство будетъ коверкать и самое революцію, и прежде всего исковеркаетъ оно основной пунктъ своей программы: соціализацію. На мѣстѣ словъ: земли и фабрики ничьи и уравнительное перераспредѣленіе сообразно потребностямъ — будетъ громадными буквами начертано: — правительства и правительственное распоряженіе.

Ибо что такое революція въ пониманіи максималистовъ? Революцію они представляютъ себѣ въ видѣ продолженной Ленинской диктатуры крестьянства и пролетаріата. Но между тѣмъ какъ у Ленина пролетаріатъ и крестьянство, сдѣлавъ свое дѣло, уступаютъ свое мѣсто буржуазіи, максималисты никому уступать не хотятъ. Диктатура трудового народа должна подготовить переходъ къ трудовой республикѣ. Трудовая республика это спеціальное изобрѣтеніе максималистовъ. Это еще не коллективизмъ, но это переходная ступень къ коллективизму. На этой переходной ступени надо вести себя немного иначе, чѣмъ въ самомъ коллективизмѣ, — надо будетъ усиленно гнать хозяйство, чтобы оно созрѣло для воспріятія облика коллективизма а на плечи правительства взваливается въ трудовой республикѣ трудъ, превышающій по своимъ размѣрамъ труды всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ правительствъ. Коллективизмъ возможенъ только при полной концентраціи. Если подъ соціальной революціей понимать переходъ къ коллективизму, то с. д. правы, говоря что время для соціальной революціи еще не наступило. Если идеаломъ надо считать централизацію всего хозяйства, то надо терпѣливо дожидаться, чтобы хозяйство уже при капитализмѣ достигло извѣстной степени централизаціи. Правительство трудовой республики, преждевременно захвативъ власть, вынуждено будетъ усиленно насаждать крупную промышленность. Какъ только будетъ уничтоженъ наемный трудъ на частныхъ предпринимателей въ большей части крупныхъ и выше-среднихъ хозяйствъ, среднимъ и мелкимъ предпринимателямъ не устоять, никакой мелкій предприниматель не сможетъ ни на минуту продержаться, они немедленно ликвидируютъ свои дѣла, и занятые у нихъ рабочіе очутятся въ полнѣйшей зависимости отъ государства. Оно должно ихъ обезпечить и работой и кормленіемъ, оно должно озаботиться ихъ пристроеніемъ. Разсматривая всѣ хозяйства страны какъ одно хозяйство, оно будетъ централизовать хозяйство, распредѣлять отдѣльныя отрасли по отдѣльнымъ областямъ. Освободившихся рабочихъ оно будетъ переселять цѣлыми милліонами съ одной стороны въ другую и создавать для нихъ заново крупную промышленность. Сотвори изъ ничего для нихъ промышленность, въ много разъ превосходящую нынѣшнюю.!

Такой лихорадочной дѣятельности, такого неимовѣрнаго напряженія своихъ силъ никакое правительство не выдержитъ. Оно или должно лопнуть или развиться до чудовищной диктаторской власти древнихъ фараоновъ. Если же принять во вниманіе, что правительство будетъ имѣть дѣло съ народомъ, который только что совершилъ крупнѣйшую революцію, то по всей вѣроятности не народу прійдется уступить дорогу правительству, а наоборотъ. Правительство трудовой республики идетъ на встрѣчу страшнѣйшему банкротству, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерпятъ крахъ планы и проекты максималистовъ.

Программа соціализаціи земли и заводовъ, проведенная правительствомъ, оказывается несбыточной, неисполнимой. Подсовывая ее борющемуся пролетаріату и крестьянству, ихъ увлекаютъ по пути, заставленному громадными препятствіями, — по пути, ведущему въ глухой переулокъ. Осуществима лишь соціализація земли и фабрикъ при условіи постоянно готовой вспыхнуть борьбы со всякой вновь возникающей властью.

Такимъ образомъ мы подошли къ основамъ аграрной программы А.-К., которую мы и разберемъ въ слѣдующій разъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Лянцовъ.

По поводу двухъ конференцій

Недавно закончившіяся конференціи (общепартійная соц.-демократическая и партіи соціалистовъ-революціонеровъ) представляютъ нѣкоторый интересъ въ смыслѣ оцѣнки момента и выдвинутыхъ тактическихъ пріемовъ.

Несмотря на то, что резолюціи этихъ двухъ конференцій выражаютъ мнѣнія различныхъ партій, въ нихъ замѣчается нѣкоторое сходство въ постановкѣ и рѣшеніи главныхъ вопросовъ.

По поводу перваго вопроса объ оцѣнкѣ текущаго момента с.-р. была вынесена слѣдующая резолюція: „Этимъ обстоятельствомъ объясняется *временное пораженіе революціи*, временное потому что задачи выдвинутыя ею съ

одной стороны не могутъ быть разрѣшены безъ рѣзкой ломки существующаго уклада, а съ другой властно требуютъ своего разрѣшенія, такъ какъ это является необходимымъ условіемъ развитія страны"

Резолюція с.-д. по тому же самому вопросу гласитъ такъ:

„Основные факторы политической и экономической жизни вызвавшіе революцію 1905 г. продолжаютъ дѣйствовать и новый революціонный кризисъ назрѣваетъ при такомъ политическомъ и экономическомъ положеніи неизбѣжно."

Изъ приведенныхъ резолюцій обнаруживается общій взглядъ на переживаемый нами моментъ.

Какъ соц.-рев. — такъ и соц.-дем. того мнѣнія, что революція не закончилась, что долженъ послѣдовать новый взрывъ такъ какъ *это является необходимымъ условіемъ развитія страны*. (курсивъ мой).

Въ одномъ не сомнѣваемся и мы — и именно въ томъ, что продолжаютъ дѣйствовать факторы политической и экономической жизни, вызвавшіе революцію 1905 г., но что они одни опредѣляютъ собой революцію и на этомъ основаніи она не закончилась и неизбѣжно идетъ къ новому взрыву — это подлежитъ большому сомнѣнію.

Никакъ наши соціалисты не могутъ примириться съ тѣмъ, что реакція окончательно справилась съ революціей! С.-д., какъ всегда, хотятъ остаться вѣрными своимъ „объективнымъ законамъ" и съ ними они подходятъ къ оцѣнкѣ современнаго момента.

Ввиду несомнѣнности этого факта, что соціальныя условія страны не измѣнились — они логически строятъ законъ по которому революція не закончилась, и кризисъ назрѣваетъ.

Но они забываютъ, что правительство съумѣетъ смягчить путемъ незначительныхъ реформъ тяжелыя экономическія и политическія условія, чтобы такимъ образомъ парализовать возможность наступленія революціоннаго взрыва. Русское правительство получило достаточно опыта и строго пойдетъ къ своимъ цѣлямъ.

Неизбѣжность кризиса, такъ сильно и вѣско звучащая въ резолюціи, находится къ сожалѣнію въ его власти. Правительство, парализовавъ энергію народа, себя обезопасило и теперь несомнѣнно вступитъ на путь реформъ, которыя помогутъ ему уничтожить наиболѣе опаснаго врага — уничтожить волю массъ — законъ революціи. Не столько удивляетъ такой взглядъ у соц.-дем., какъ у соц.-рев. Казалось бы имъ отводящимъ такое большое мѣсто — личности, — ея роли странно, было-бъ аппелировать подобно соц.-дем. въ своихъ резолюціяхъ къ „условіямъ развитія страны", благодаря которымъ современное положеніе вещей разрѣшится коренной ломкой.

Несомнѣнно страна находится теперь въ критическомъ положеніи, и въ виду того, что революція поражена, есть помимо „коренной ломки" еще и другой выходъ. Правящіе не замедлятъ на немъ остановиться.

Если бы Россія находилась въ такомъ положеніи, что никакія реформы не могли бы ее вывести изъ настоящаго состоянія, если бы требованія угнетеннаго класса были настолько велики, что они не нашли бы удовлетворенія въ частичныхъ улучшеніяхъ, и если-бы, наконецъ, энергія массъ не была бы разряжена — тогда можно было-бы сказать: выходъ одинъ — взрывъ, революція. Но факты русской жизни говорятъ о другомъ. Русская дѣйствительность рисуетъ печальный отдыхъ въ общественной жизни. Энергія массъ временно парализована—требованія же почти всѣхъ возставшихъ однажды группъ общества значительно понижены.

Не надо долго останавливаться на томъ, чтобы доказать, что для правительства естественно и цѣлесообразно создать почву для второго выхода. Особенно важно отмѣтить то, что сами соціалисты (судя по резолюціямъ относящимся къ тактикѣ) способствуютъ мирному разрѣшенію предстоящаго кризиса. Остатки революціонной энергіи они разряжаютъ въ профессіонализмѣ, сознательно толкая рабочихъ на путь мирнаго рѣшенія вопроса. Какъ же объяснить это удивительное противорѣчіе между оцѣнкой момента и выдвинутой тактикой? Здѣсь, очевидно, сказывается нежеланіе нашихъ соціалистовъ отстать отъ массы, отхлынувшей отъ революціонныхъ дѣйствій, желаніе понизиться до ея уровня, приспособиться къ ея требованіямъ.

Экономическій реформизмъ, какъ программа борьбы выдвинутая въ настоящій моментъ соціалистическими партіями — проведена въ резолюціи с.-р. слѣдующимъ образомъ: „подготовленіе боевой оборонительной готовности рабочаго класса путемъ укрѣпленія партійной организаціи *содѣйствія росту и развитія рабочихъ организацій безпартійно-экономическихъ*. (курсивъ мой).

Такимъ образомъ боевую готовность создастъ профессіональное и кооперативное движеніе.

Пока-же эта подготовка даетъ результаты въ смыслѣ все большого пониженія революціонности и все большого примиренія съ дѣйствительностью.

Ходомъ развитія профессіональнаго и кооперативнаго движенія въ Россіи, можно подтвердить этотъ фактъ. Профессіональное движеніе уничтожило остатки боевого настроенія 1906 г.—кооперативизмъ все больше окрашивается въ реакціонный цвѣтъ.

Гармонію стройности и законченности въ тактикѣ с.-р. (по образцу с.-д.) нарушаетъ диссонансъ, выражающійся въ призывѣ къ политическому центральному террору. Но надо же чѣмъ нибудь поддержать престижъ партіи; — послѣ азефщины иначе и быть не можетъ!

Такимъ образомъ на почвѣ поддержанія и развитія экономическаго реформизма — наши соціалисты выразили удивительное единодушіе.

Еще одинъ вопросъ, занявшій обѣ конференціи, былъ вопросъ организаціонный.

Централизмъ доведенный до конца, послужившій причиной такой жестокой драмы у соц.-рев. заставилъ ихъ серьезно остановиться на немъ.

Но къ сожалѣнію всѣ разговоры центра с.-р. о принципахъ организаціи закончились жиденькими, не мѣняющими сути дѣла, резолюціями. Центръ высказался противъ измѣненія основныхъ принциповъ стараго партійнаго устава. Нѣсколько смѣлѣе звучитъ резолюція меньшинства, которая стоитъ за проведеніе „въ предѣлахъ существующаго организаціоннаго устава начала автономіи и федерализма", но все же и она носитъ характеръ половинчатости и недоговоренности.

W.

Ферминъ Сальвочеа.

Знай, мой сынъ, что надо быть вдохновленнымъ, чтобы создать великое.

Сенъ-Симонъ.

Кадиксъ! Одно имя вызываетъ массу историческихъ воспоминаній, ибо мало такихъ мѣстъ на свѣтѣ, которыя пережили бы такое романтическое и великое прошлое, какъ этотъ старый андалузскій портъ на берегу Атлантическаго океана. Основали его древніе финикіяне, потомъ по очереди владѣли имъ карфагеняне и римляне. Еще позже этотъ городъ былъ свидѣтелемъ кровавой борьбы между христіанами и магометанами, и онъ также былъ мѣстомъ, гдѣ европейская цивилизація объединилась съ культурой востока. Арабскіе ученые, еврейскіе схоласты, христіанскіе монахи—всѣ перебывали въ его стѣнахъ и всѣ они оставляли свои слѣды на духовной физіономіи его жителей.

И сколько сраженій, сколько возстаній и бунтовъ видѣлъ этотъ городъ! Сотни разъ подымались его жители, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою свободу, доказывая

*) «Жерминаль», ноября, 1907 г.

истинность испанской поговорки: „La tierra Andaluza es la tierra de la libertad“ (Земля Андалузіи это земля свободы). Кадиксъ и Барселона всегда были двумя полюсами испанской революціи, они и сейчасъ главные центры новѣйшей формы революціоннаго движенія — анархизма.

Чудесный городъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ на свѣтѣ. Могучіе утесы обмываютъ свои основанія въ глубинѣ морской, на вершинахъ своихъ несутъ они бѣлоснѣжные дома съ маленькими башенками — и все это — и утесы и дома отражаются въ зеркалѣ синихъ волнъ.

Вотъ въ одномъ изъ такихъ домиковъ, совсѣмъ наверху, въ мансардѣ жилъ еще недавно старикъ. Убранство было бѣдное, даже нищенское: кровать, столикъ, стулъ, нѣсколько валявшихся газетъ и книги — вотъ все богатство старика. Но кто взглянулъ бы черезъ маленькое окошечко, сейчасъ бы почувствовалъ, что старикъ богатъ, — богаче, чѣмъ можно себѣ представить: передъ взоромъ растилался синій просторъ океана, — восхитительное зрѣлище: небо и вода, и бѣлые паруса судовъ, качающихся на играющихъ волнахъ. Изъ-за этого близкаго сосѣдства съ моремъ, онъ и избралъ себѣ свое скромное жилище, такъ какъ любилъ онъ это море, эти шумящія волны, этотъ безконечный просторъ. Каждое утро, когда старикъ подымался со своего ложа, первое его движеніе было — взглядомъ привѣтствовать море, и когда онъ вечеромъ ложился, онъ тусклымъ взглядомъ своихъ старческихъ глазъ провожалъ эти убѣгающія волны, какъ бы поручая имъ разнести по міру радостную вѣсть. Ибо этотъ старикъ былъ пророкомъ, который, взобравшись на вершину „святой горы“, видѣлъ оттуда „страну нашихъ дѣтей.“ И потому душа его была такъ глубока, такъ спокойна, такъ величественна, какъ море подъ блескомъ лѣтняго солнца.

И когда приходила весна и море кипѣло и бушевало и дикія волны громоздились другъ на друга, какъ хребты горъ, цѣлуясь съ облаками небесъ, тогда старикъ мечталъ о великой бурѣ народовъ, когда обездоленные и угнетенные, эти пасынки общества, поднимутся съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы разрубить цѣпи своей вѣковой неволи.

* * *

Это было 28 сентября 1907 г. Въ мансардѣ было тихо, тихо, такъ какъ старикъ лежалъ мертвый на своей кровати. Онъ умеръ совсѣмъ неожиданно, безъ боли, безъ мукъ.

Но смотрите, что творится въ странѣ! Съ быстротой молніи распространилась вѣсть о его смерти. Во всемъ Кадиксѣ, во всей Андалузіи, во всей Испаніи только и говорятъ, что о немъ. „Онъ мертвъ“ — раздается повсюду, эти два слова воплощаютъ въ себѣ глубокую скорбь цѣлаго народа; каждый чувствуетъ его смерть какъ свою потерю. Въ рудникахъ, на поляхъ, на заводахъ, въ школахъ и университетахъ извѣстіе дѣйствуетъ какъ кошмаръ. Никому не хочется вѣрить, но въ концѣ концовъ вынуждены признать горькую правду.

Видѣли ли вы когда нибудь такъ много слезъ, такъ много скорби и искренней печали, такъ много любви и нѣжной преданности въ Испаніи? Что бы ни дали наши короли, чтобы пріобрѣсти хоть десятую долю этой популярности! Пройдите всю Испанію, всѣ городки и деревушки, вы встрѣтите тысячи и тысячи людей, которымъ неизвѣстны имена правящаго министерства, но не встрѣтите ни одного, который не зналъ бы имени старика, имени Фермина Сальвочеа. Это имя олицетворяетъ собою цѣлую программу, цѣлый міръ идей, надеждъ и стремленій.

Ферминъ Сальвочеа! Во дворцахъ это имя произносилось съ дрожью на губахъ, но въ хижинахъ бѣдняковъ и страдальцевъ это имя дѣйствовало какъ волшебный ключъ, какъ призывъ къ борьбѣ противъ всего капиталистическаго общества, какъ вѣсть о грядущемъ золотомъ будущемъ. Мало на свѣтѣ такихъ людей, которые пользовались бы такою любовью и симпатіей среди широкихъ массъ цѣлаго народа, какъ Ферминъ Сальвочеа, и еще меньше такихъ, которые бы такъ честно заслужили эту любовь, какъ этотъ великій испанскій революціонеръ. Сальвочеа былъ однимъ изъ величайшихъ и идеальнѣйшихъ характеровъ въ исторіи революціоннаго движенія; онъ былъ великъ своими идеями и великъ своими дѣйствіями; онъ соединялъ въ себѣ революціонную страстность и героическое мужество Бланки съ неисчерпаемой любовью и преданностью Луизы Мишель. Мощная личность этого замѣчательнаго человѣка вызывала уваженіе и почтеніе къ себѣ даже со стороны своихъ заклятыхъ враговъ, и тамъ, гдѣ произносилось имя Фермина Сальвочеа, не было мѣста мелочнымъ и низкимъ чувствамъ.

Біографія великаго испанскаго анархиста производитъ впечатлѣніе фантастическаго романа и напоминаетъ бурный жизненный путь Михаила Бакунина. Сальвочеа принималъ активное участіе въ революціонномъ движеніи Испаніи за послѣднія 40 лѣтъ, и его имя тѣсно связано съ самыми блестящими революціонными событіями этого періода. Кто знакомъ съ исторіей революціоннаго движенія въ Испаніи, тотъ знаетъ, какъ изобилуетъ она великими, героическими характерами, которые жизнью своей заплатили за свою любовь къ свободѣ, за свою преданность революціоннымъ идеаламъ; но въ этой длинной исторической серіи могучихъ борцовъ имя Фермина Сальвочеа самое блестящее, имя, предназначенное для будущаго, которое останется на памяти всѣхъ грядущихъ поколѣній.

* * *

Ферминъ Сальвочеа-И-Альваресъ родился въ Кадиксѣ 1 марта 1842 года. Его отецъ былъ богатый комерсантъ, потомокъ тѣхъ знатныхъ купеческихъ фамилій, которыя играли такую значительную роль въ исторіи стараго торговаго города. Понятно, что Ферминъ получилъ соотвѣтственное воспитаніе. Его отецъ, слѣдуя наслѣдственной традиціи своей фамиліи, намѣревался образовать изъ него ловкаго купца, чтобы впослѣдствіи передать ему свое предпріятіе.

Первую свою молодость Ферминъ Сальвочеа провелъ спокойно и счастливо во всѣхъ отношеніяхъ. Юный Ферминъ отличался своими чрезвычайными способностями и мужественно-рыцарскими качествами своего характера, которыя въ немъ успѣли обнаружиться съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Его мать, замѣчательная женщина, разсказывала ему, ребенку, эти тысячи легендъ и традицій города Кадикса, которыя такъ же причудливы и фантастичны, какъ сказки „Тысячи и одной ночи“ и маленькій Ферминъ часами внималъ, схватывая на лету каждое ея слово. Эти романтическіе разсказы оставили глубокій слѣдъ въ душѣ мальчика и впослѣдствіи во время своей бурной жизни, онъ часто вспоминалъ эти счастливые часы.

Когда Фермину минуло 15 лѣтъ, отецъ его отправилъ въ Англію, чтобы онъ усовершенствовался въ англійскомъ языкѣ и продолжалъ свое коммерческое образованіе.

Это была первая важная перемѣна въ жизни Фермина Сальвочеа. Въ Англіи передъ нимъ открылся совершенно новый міръ. Суровый пуританскій характеръ англійской жизни съ ея условными формами, съ ея прозаическимъ содержаніемъ — все это чрезвычайно поразило испанскаго юношу. Контрастъ былъ слишкомъ великъ: Съ одной стороны, Андалузія съ ея вѣчно синимъ небомъ, Кадиксъ съ его бѣлоснѣжными домами, тонкими пальмами и пламеннымъ народомъ, а съ другой — Лондонъ съ его вѣчными туманами, черными домами, дымомъ отъ фабрикъ и холодными неуютными улицами. Сальвочеа сначала чувствовалъ себя плѣнникомъ въ своей новой средѣ, но его энергическій характеръ скоро преодолѣлъ первое непріятное впечатлѣніе отъ Англіи. Онъ сталъ присматриваться къ людямъ и нашелъ, что этотъ на видъ холодный и сухой англичанинъ обладаетъ замѣчательно развитымъ инстинктомъ индивидуальной независимости и чувствомъ личной самостоятельности въ такой мѣрѣ, какую рѣдко можно встрѣ-

тить у жителей другихъ странъ. Пять лѣтъ, проведенныхъ Ферминомъ въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, были для него періодомъ усиленнаго духовнаго развитія. Каждый свободный мигъ онъ отдавалъ изученію радикальной англійской литературы. Сперва это были произведенія Томаса Пэйна, которыя произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе; потомъ личное знакомство съ Чарльсомъ Брэдло. Пропаганда атеизма въ Англіи въ то время наталкивалась на огромныя препятствія, но Брэдло со своими приверженцами съ величайшей энергіей боролись за свои убѣжденія, настойчиво стараясь разсѣять тѣ средне-вѣковые предразсудки противъ атеизма, которые до сихъ поръ еще въ ходу въ широкихъ кругахъ англійскаго общества.

Молодой Сальвочеа воспринялъ съ воодушевленіемъ новое ученіе и безповоротно отдался атеизму. Для испанца атеизмъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ для представителя какого бы то ни было другого народа. Атеизмъ для него является предварительнымъ условіемъ всякаго освобожденія, первой ступенью свободнаго индивидуальнаго развитія. Испанія—классическая страна католическаго клерикализма, страна инквизиціи, которая почти была разрушена въ конецъ мрачнымъ господствомъ церкви. Вотъ чѣмъ объясняется, почему Сальвочеа во всю свою жизнь былъ радикальнымъ и неутомимымъ проповѣдникомъ атеизма.

Но въ Англіи Сальвочеа познакомился еще съ другой идеей, которой суждено было имѣть громадное вліяніе на его дальнѣйшее развитіе. Когда Ферминъ прибылъ въ Лондонъ, Робертъ Оуэнъ, великій англійскій коммунистъ, еще жилъ. Подъ воздѣйствіемъ его идей находился не только англійскій рабочій классъ, но и демократическіе элементы англійской мелкой буржуазіи. Сальвочеа ревностно изучалъ произведенія Оуэна и другихъ англійскихъ коммунистовъ. Общественныя явленія вдругъ предстали передъ нимъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, въ его мозгу произошла цѣлая революція, и постепенно онъ сталъ понимать все значеніе великаго соціальнаго вопроса. Блестящая критика Оуэна, направленная противъ частной собственности, обнажила передъ нимъ корни всѣхъ общественныхъ золъ и въ то же время выработала въ немъ великій идеалъ соціальнаго и экономическаго равенства, который единственно только и можетъ создать гармонію въ человѣческомъ обществѣ. Сальвочеа сдѣлался коммунистомъ, и оставался имъ до самаго послѣдняго момента своей жизни. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, давая при случаѣ краткій обзоръ своего революціоннаго развитія, онъ упоминаетъ о своемъ „англійскомъ періодѣ" въ слѣдующихъ характерныхъ выраженіяхъ:

> «Иногда книги оставляютъ неизгладимый отпечатокъ на всемъ развитіи человѣка. Извѣстно, что первая книга, которую прочелъ Равашоль, былъ романъ Евгенія Сю: «Вѣчный Жидъ». Искра, зажженная этой книгой, никогда уже не потухала, какъ онъ самъ объяснялъ. То же самое я могу утверждать о себѣ; проживая въ Англіи, я въ первый разъ прочелъ Томаса Пэйна. Его сочиненія сдѣлали меня интернаціоналистомъ, и я до сихъ поръ испытываю ихъ вліяніе. «Міръ — мое отечество, всѣ люди мои братья и творить добро — моя религія» — впечатлѣніе отъ этихъ словъ никогда не стиралось въ моемъ мозгу; въ каждомъ словѣ я искалъ сокровеннаго смысла, оно врѣзывалось въ мозгъ на всѣ времена. Позже я познакомился съ Робертомъ Оуэномъ, который указалъ мнѣ возвышенный идеалъ коммунизма, и съ Брэдло, который ввелъ меня въ воззрѣнія атеизма. Все остальное у меня развивалось само собой».

* * *

Въ 1864 г. Сальвочеа покинулъ Лондонъ и вернулся въ Кадиксъ. Въ то время по всей Андалузіи началось сильное революціонное движеніе. Рафаэль Гиліэнъ и Рамонъ де Кала, оба отважные люди и вполнѣ опредѣлившіеся соціалисты, съ большой энергіей и воодушевленіемъ принялись за организацію республиканскихъ и демократическихъ элементовъ всей провинціи. Республиканское движеніе въ Андалузіи всегда носило соціалистическій характеръ и большинство его піонеровъ и пропагандистовъ были приверженцами соціалистическаго идеала.

Соціалистическая пропаганда въ Испаніи началась послѣ революціи 1840 г. Въ то время Хоакимъ Абреу усиленно и съ успѣхомъ велъ пропаганду за идеи Шарля Фурье въ Андалузіи. Въ радикальной прессѣ онъ развивалъ свои идеи, которыя скоро нашли откликъ въ прессѣ другихъ городовъ. Насколько сильно было это движеніе, можно судить по тому факту, что Абреу удалось въ очень короткое время собрать отъ 4 до 5 милліоновъ пезетъ (пезета — франкъ), чтобы основать фурьеристскую колонію въ окрестностяхъ Хересъ-де-ла Фронтеро. Но правительство воспрепятствовало проведенію этого плана и стало преслѣдовать соціалистическихъ пропагандистовъ. Извѣстнѣйшіе соціалистическіе пропагандисты той эпохи, которые вели агитацію въ Кадиксѣ и другихъ городахъ Андалузіи, были Педро Угарте, Мануэль Саграріо, Фаустинъ Алонсо; потомъ къ нимъ присоединились Хосе Барторело, Педро Богорносъ, и, наконецъ, упомянутые нами Гиліэнъ и Де-Кала.

Въ 1846 году извѣстный испанскій историкъ и соціалистъ Фернандо Гаридо, который въ Кадиксѣ познакомился съ фурьеристскими идеями, основалъ первую соціалистическую газету въ Испаніи „Ла Атраксіонъ" въ Мадридѣ. Эта газета долго не просуществовала, но ей всетаки удалось создать соціалистическій кружокъ въ столицѣ, который позже сталъ издавать новый соціалистическій органъ „Ла Органисасіонъ дель Трабахо". Такіе мужи, какъ отважный Сиксто Камара, который потомъ палъ въ борьбѣ за соціальную республику, Хуанъ Сала, Франциско Очандо, а потомъ пламенный Сервера — вотъ кто были главными лицами въ соціалистическомъ кружкѣ въ Мадридѣ. Сервера былъ основателемъ первой свободной соціалистической школы въ Испаніи, и когда онъ уже имѣлъ болѣе 500 учениковъ въ школѣ, министръ Марильо уничтожилъ это блестящее предпріятіе, сказавъ въ свое оправданіе слѣдующія характерныя слова: „Въ Испаніи намъ не нужно людей, которые способны мыслить, а намъ нуженъ скотъ, который способенъ работать".

Въ Барселонѣ первое соціалистическое движеніе возникло подъ вліяніемъ икарійскаго коммунизма Этьена Кабэ. Въ 1847 году коммунистъ Монтируль основалъ „Фратернидадъ", первую коммунистическую газету въ каталонской столицѣ, въ которой перепечатывалась книга Кабэ: „Путешествіе въ Икарію". Уже въ 1840 г. рабочій Мунцъ организовалъ профессіональный союзъ ткачей въ Барселонѣ съ 2000 членовъ и тѣмъ самымъ положилъ основаніе позднѣйшему профессіональному движенію.*)

Съ 1850 г. началась усиленная пропаганда идей Прудона въ Каталоніи, которая постепенно вытѣснила всѣ остальныя направленія. Рамонъ де-ла Сагра и знаменитый Пи и Маргаль перевели сочиненія французскаго теоретика на испанскій языкъ, и вслѣдъ за этимъ возникло обширное мутуалистское и профессіональное движеніе въ Барселонѣ и другихъ каталонскихъ городахъ. Это движеніе перенеслось даже въ Андалузію, но тамъ оно никогда не достигло такого значенія, какъ въ Каталоніи. Въ 1853 г. испанское правительство попыталось путемъ изданія закона уничтожить это мирное движеніе; но законъ противъ рабочихъ ассоціацій остался мертвой буквой. Въ 1854 году основалась Федерація всѣхъ рабочихъ корпорацій всей Каталоніи съ 90.000 членовъ.**) Въ 1855 г. генералъ Сафатеро попытался остановить силой это движеніе. Закрыли мѣста собраній этихъ корпорацій и арестовали нѣкоторыхъ извѣстныхъ пропагандистовъ. Рабочіе, повидимому, отнеслись къ этому сначала довольно спокойно, но вдругъ 2-го іюля 1855 г. 50000 пролетаріевъ всѣхъ профессій покинули фабрики въ Барселонѣ, Реусѣ, Бадалонѣ, Сансѣ, Корнелѣ и другихъ городахъ и объявили всеобщую забастовку въ защиту своихъ правъ. Никто не ожидалъ такого поворота

*) Magalhaes Lima. O Socialismo na Europa Lisboa, 1892.
**) F. Garrido. Historia del Borbon en España, vol. 1.

дѣлъ, всеобщее возбужденіе было огромное, и губернаторъ Барселоны выпустилъ воззваніе къ рабочимъ, въ которомъ онъ обѣщаетъ удовлетворить всѣ ихъ требованія, если рабочіе сейчасъ же возьмутся за работу. Рабочіе послушались. На первыхъ порахъ на самомъ дѣлѣ много было разговоровъ о соціальныхъ реформахъ, а въ это самое время исподтишка противъ рабочихъ организацій и рабочихъ пускались въ ходъ самыя низкія средства, пока въ 1861 г. не были прокламированы извѣстные исключительные законы противъ рабочаго класса Каталоніи. Съ тѣхъ поръ рабочіе перестали возлагать свои надежды на мирную тактику и на свои такъ называемыя законныя права.

Въ Андалузіи, находившейся подъ управленіемъ палача Нарваэса, реакція еще раньше разрушила всякую вѣру въ мирное развитіе. Мало мѣстъ на свѣтѣ, гдѣ бы проливалось столько крови, какъ въ этой чудесной странѣ: Андалузія всегда была страной заговоровъ и возстаній, такъ какъ она больше всѣхъ другихъ провинцій Испаніи страдала отъ бѣшеннаго разгула реакціи. Тысячи героическихъ мужчинъ и женщинъ оросили своей кровью почву Андалузіи, тысячи ея жителей погибли въ тюрьмахъ и карательныхъ колоніяхъ, но реакція никогда не была въ состояніи заглушить революціонное чувство въ сердцахъ андалузскаго народа.

Возстанія въ Малагѣ, Утрерѣ и въ провинціи Севильѣ въ 1857 г. были кровавымъ образомъ подавлены. Сотни бунтовщиковъ были разстрѣляны или сосланы. Въ одной Севильѣ было казнено 95 изъ нихъ, уже послѣ того, какъ само возстаніе было подавлено.

Въ 1861 г. разгорѣлось пламя возстанія подъ предводительствомъ республиканскаго соціалиста Переса де Аламо. Это возстаніе имѣло самые лучшіе виды на успѣхъ. Оно долго подготовлялось, и не менѣе 30,000 гражданъ присоединились къ повстанцамъ, когда тѣ вступили въ городъ Лоху; но все предпріятіе лопнуло изъ-за недостатка военныхъ талантовъ у вождей. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій повстанцы были побѣждены. Месть реакціоннаго правительства была ужасна: болѣе 200 человѣкъ были разстрѣляны по приказу военныхъ судовъ, большей частью безъ предварительнаго процесса, сотни были сосланы, всякое свободное слово было подавлено и только въ 1864 году, какъ разъ къ тому времени, когда Сальвочеа вернулся изъ Англіи, состояніе дѣлъ въ Андалузіи стало немного улучшаться.

Думаемъ, что этотъ краткій историческій обзоръ не былъ излишенъ, такъ какъ онъ дастъ читателю хотя небольшое представленіе о той обстановкѣ, въ которой Сальвочеа развивался.

* * *

Ферминъ Сальвочеа вернулся изъ Англіи коммунистомъ и атеистомъ. На родинѣ же онъ сталъ революціонеромъ и республиканцемъ, — конечно, республиканцемъ — приверженцемъ коммунистической республики. Со всей страстностью и энтузіазмомъ своего идеальнаго характера онъ ринулся въ конспиративное революціонное движеніе. Онъ принималъ активное участіе въ самыхъ опасныхъ предпріятіяхъ, и его личная храбрость, его преданность, его благородство сдѣлали изъ него постепенно самымъ способнымъ и самымъ вліятельнымъ вождемъ республиканскаго движенія. Сальвочеа былъ богатъ, даже очень богатъ; утверждаютъ, что его отецъ владѣлъ состояніемъ въ три милліона песетъ; но Ферминъ велъ простой и скромный образъ жизни, и его богатство для него было не болѣе, какъ фондомъ для революціонныхъ цѣлей.

Крѣпостные казематы Санъ-Себастіана и Санте-Каталины возлѣ Кадикса служили центральнымъ пунктомъ заключенія для всѣхъ политическихъ преступниковъ всей Испаніи. Всѣ революціонеры, которымъ предстояла ссылка въ карательныя колоніи Фернандо По или Манилы, раньше отсиживались подолгу въ крѣпостяхъ Кадикса, прежде чѣмъ быть отправленными моремъ. Сальвочеа всѣхъ навѣщалъ, для каждаго у него былъ и добрый совѣтъ и щедрый даръ.

Въ 1866 г. Сальвочеа и его друзья были заняты организаціей крупнаго предпріятія. Ожидалось, что будутъ транспортировать въ крѣпость Санъ-Себастіанъ плѣнныхъ артиллеристовъ, участвовавшихъ въ мадридскомъ возстаніи, и которымъ оттуда предстояла дальнѣйшая ссылка въ Манилу. Но, повидимому, правительство что-то подозрѣвало, такъ какъ планъ транспортировки былъ внезапно и тайно измѣненъ.

Въ 1867 королева Изабела опять вручила правительственную власть въ руки ненавистнаго палача Нарваэса, и и ужасающая реакція вновь загуляла по всѣмъ областямъ несчастной страны. Уже въ іюнѣ 1868 г. произошли отдѣльныя возстанія въ Каталоніи и Андалузіи, которыя каждый разъ усмирялись кровью и желѣзомъ. Лично Сальвочеа сыгралъ значительную роль въ военномъ бунтѣ полка Кантабріа. Этотъ бунтъ былъ введеніемъ въ сентябрьскую испанскую революцію 1868 г. Революція вспыхнула 18 сентября въ Кадиксѣ, и своимъ пламенемъ она вскорѣ охватила всю Андалузію. 28 королевская армія потерпѣла пораженіе въ сраженіи съ инсургентами, 29 Мадридская коммуна объявила Бурбонскую династію низвергнутой.

Сальвочеа былъ избранъ въ члены революціонной Коммуны въ Кадиксѣ и во вторые командиры II-го батальона добровольцевъ. Къ нему многіе просились въ батальонъ, но онъ ограничилъ свой выборъ исключительно принципіальными приверженцами республики и коммунизма.

Вѣсть о паденіи бурбонской династіи всей Испаніей была принята съ восторгомъ и открытыми изъявленіями радости, и на нѣкоторое время дѣйствительно казалось, что тысячи надеждъ нашли себѣ внезапное осуществленіе. Но господа временнаго Мадридскаго правительства были не болѣе и не менѣе, какъ либеральные монархисты и противники республиканскаго идеала и, ободренные позорнымъ поведеніемъ буржуазнаго республиканца Кастеляра и его друзей, члены новаго правительства господа Примъ, Сорилья, Сагаста и т. д. открыто объявили себя противъ республики. Сальвочеа и друзья его поняли опасность, они знали, что новое правительство при первомъ же удобномъ случаѣ отомститъ республиканцамъ. Желая подготовиться къ отраженію нападенія, андалузскіе революціонеры созвали въ первыхъ числахъ дек. 1868 большое собраніе въ гор. Алара. Сальвочеа же собралъ самые преданные и самые надежные элементы въ Кадиксѣ и убѣдилъ ихъ ни за что не положить оружія. 5 декабря вдругъ предъ стѣнами Кадикса явился отрядъ артиллеріи и потребовалъ именемъ правительства, чтобы революціонная милиція сдала все свое оружіе въ продолженіе трехъ часовъ. Но не прошло и трехъ часовъ, какъ начался обстрѣлъ города. Нѣсколько революціонеровъ пало мертвыми и ранеными.

Сальвочеа сейчасъ же сталъ во главѣ бунтовщиковъ и сорганизовалъ военную защиту города. Борьба продолжалась три дня; войско дѣлало отчаянныя усилія, чтобы овладѣть городомъ. Сальвочеа дрался, какъ левъ, онъ былъ повсюду, гдѣ опасность была наибольшая, и его отвага заразила повстанцевъ непреодолимымъ мужествомъ.

На четвертый день иностранные посланники города потребовали перемирія, которое было принято обѣими воюющими партіями. Но „либеральное правительство" скоро выставило противъ повстанцевъ цѣлую армію подъ предводительствомъ генерала Кабальера де Родасъ. Сальвочеа удерживалъ свою позицію до 11 декабря; но когда Кабальера де Родасъ придвигался все ближе, не встрѣчая сопротивленія на пути, онъ понялъ, что эта кучка плохо вооруженныхъ революціонеровъ не сможетъ защищаться противъ цѣлой арміи, что дальнѣйшее сопротивленіе означало бы подводить свой отрядъ подъ кровавую бойню, безъ малѣйшихъ надеждъ на успѣхъ. И потому онъ рѣшилъ распустить революціонную милицію и разослать ихъ, но самъ

онъ остался. Спокойно онъ отправился въ военное казино и тамъ ожидалъ генерала де Родаса. Полковникъ Пазасъ, начальникъ третьяго артиллерійскаго полка, явился къ нему и предложилъ ему спасти свою жизнь и покинуть Кадиксъ, такъ какъ, молъ, генералъ навѣрное прикажетъ его разстрѣлять. Сальвочеа отказался. Офицеръ все дальше упрашивалъ, предлагая даже свою личную помощь, но Сальвочеа твердо остался при своемъ рѣшеніи. Онъ зналъ, что правительство считаетъ его своимъ главнымъ врагомъ и если Родасъ его не доставитъ, весь городъ долженъ будетъ отвѣчать: это было бы для него хуже смерти; его благородный и мужественный характеръ не позволялъ ему думать о собственномъ спасеніи; онъ готовъ былъ взять на себя полную отвѣтственность и даже принять смерть за свои поступки. Рыцарское поведеніе Сальвочеа покорило даже его врага; генералъ де Родасъ не хотѣлъ сдѣлаться палачомъ такого человѣка и онъ просто отправилъ его военноплѣннымъ въ крѣпость Санта Каталину.

Но народъ Кадикса умѣлъ дорожить своимъ героемъ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Сальвочеа громаднымъ большинствомъ былъ избранъ представителемъ отъ Кадикса въ кортесы. Временное правительство еще раньше объявило, что оно этого избранія признавать не будетъ, и революціонный парламентъ только одобрилъ это рѣшеніе. Повидимому эти замѣчательные „революціонеры" хотѣли показать, что Сальвочеа не годится въ ихъ компанію, и въ этомъ отношеніи они были правы, такъ какъ настоящее мѣсто великаго бунтаря было не въ парламентѣ, а на баррикадѣ.

* * *

Въ февралѣ 1869 г. новый парламентъ собрался въ первый разъ въ Мадридѣ, и однимъ изъ первыхъ его рѣшеній была амнистія всѣмъ политическимъ плѣнникамъ, такъ какъ народъ энергично настаивалъ на этомъ требованіи. Нѣсколькими днями позже Сальвочеа и многіе другіе покинули казематы Санъ Себастіана и Санта Каталины. Сальвочеа сейчасъ же вновь взялся за дѣло и повелъ мощную агитацію по всей Андалузіи за новое республиканское возстаніе, такъ какъ это былъ единственный способъ защитить завоеванія революціи 68 года.

1 іюня 1869 г. Кортесъ принялъ 214 голосами противъ 56 конституціонно-монархическій образъ правленія для Испаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ сыскать въ Европѣ подходящаго королевскихъ дѣлъ мастера для испанскаго трона. Эмиліо Кастеларъ и другіе буржуазные республиканцы въ парламентѣ только очень блѣдно протестовали, вмѣсто того, чтобы использовать послѣднее и единственно оставшееся средство: возстаніе. Но эти парламентскіе комедіанты ничего не хотѣли знать о такихъ средствахъ и сочли за лучшее измѣнить республикѣ и революціи 68 г. Въ сентябрѣ вспыхнуло федералистское возстаніе въ Каталоніи. Сальвочеа и его друзья въ Андалузіи сейчасъ же рѣшили подкрѣпить каталонскихъ бунтарей, развернувъ знамя возстанія въ своей провинціи. 30 сентября Сальвочеа шествовалъ во главѣ 600 человѣкъ изъ Кадикса въ Медину, чтобы тамъ соединиться съ революціонерами изъ Хереса и Уврики. Революціонеры хотя и знали, что ихъ виды на будущее не очень то блестящіе, но несмотря на это они все-таки рѣшили начать борьбу, во что бы она ни обошлась; они знали, что возстаніе это ихъ послѣднее средство защиты своей свободы и, какъ преданные свободѣ мужи, они рѣшили лучше умереть, нежели сдаться безъ всякой попытки самозащиты.

Сальвочеа стали преслѣдовать правительственные отряды. Недалеко отъ Алкала де Лосъ произошла первая кровавая стычка. Войско въ 100 разъ превосходило количество повстанцевъ, которые къ тому же были плохо вооружены; повстанцы дрались съ героизмомъ и въ теченіе трехъ дней произошло три кровопролитныхъ сраженія. Благородный Рафаэль Гиллэнъ былъ взятъ въ плѣнъ и былъ убитъ солдатами самымъ звѣрскимъ образомъ по приказу полковника Луке. Кристобалъ Богаркесъ, неутомимый борецъ за соціальную свободу и равенство, палъ на полѣ сраженія. На полѣ брани Сальвочеа былъ богатыремъ, и хотя онъ зналъ, что его дѣло проиграно, но мужество его было непоколебимо. Но наконецъ, когда войско захватило важнѣйшіе стратегическіе пункты и послѣ того, какъ повстанцы получили извѣстіе, что въ Малагѣ и Севильѣ не удалось вызвать возстаніе, революціонеры разомкнули свои ряды, чтобы спастись въ одиночку. Пройдя сквозь рядъ опасностей, Сальвочеа достигъ Гибралтара. Оттуда онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ онъ много вращался въ радикальныхъ кругахъ, группировавшихся вокругъ „Reveille" и „Rapelle" и другихъ радикальныхъ газетъ. Изъ Парижа Сальвочеа переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ онъ оставался, пока амнистія 71 года не дала ему возможности вернуться въ Испанію. Въ Кадиксѣ народъ встрѣтилъ его съ неописуемымъ энтузіазмомъ и въ томъ же году его выбрали въ алькальде т. е. въ бюргермейстеры города.

Будучи на своемъ посту, Сальвочеа много сдѣлалъ для украшенія города и превратилъ его въ одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ Испаніи. Онъ также ввелъ нѣсколько полезныхъ реформъ въ политическомъ управленіи. Но не долго онъ исправлялъ свою должность, такъ какъ въ 1873 г. вспыхнула кантональная революція въ Испаніи и Сальвочеа былъ однимъ изъ первыхъ, взявшихся за ружье для завоеванія экономическаго равенства и мѣстной автономіи.

* * *

9 февраля 1873 года испанскій король Амадео отрекся отъ престола, нѣсколькими днями позже была провозглашена испанская республика. Героическая борьба Парижской Коммуны произвела сильнѣйшее впечатлѣніе въ Испаніи; чувствовалось, что готовятся великія событія. И Амадео не нашелъ ничего лучшаго, какъ подать въ отставку. Но народъ уже не довольствовался всеобщей испанской республикой, и поэтому члены правительства были вынуждены объявить 8 іюня 1873 года республику федеративной. Чтобы успокоить недовольныхъ, избрали извѣстнаго прудониста Пи-И-Маргали въ министры президенты; но 3 іюля, когда новая конституція окончательно установилась, федералисты сейчасъ же поняли, что они обойдены. Пи-И-Маргаль, единственный честный и искренній человѣкъ въ новомъ правительствѣ, сейчасъ же отказался отъ своего поста, чтобы не измѣнить своимъ принципамъ. Съ 5 до 13 іюля многіе города подняли возстаніе и объявили себя самостоятельными коммунами.

Мы, понятно, не можемъ здѣсь дать полную картину того сложнаго движенія, которое только вполнѣ закончилось жестокимъ подавленіемъ Коммуны въ Картахенѣ 11 января 1874 г. Этотъ геройскій городъ вынесъ шестимѣсячную осаду испанской арміи и блокаду прусскихъ и англійскихъ военныхъ кораблей, прежде чѣмъ онъ былъ взятъ.

Сальвочеа сейчасъ же примкнулъ къ федералистическому движенію и былъ выбранъ въ президенты Управленія Коммуны Кадикса. Но его положеніе было чрезвычайно затруднительное, такъ какъ различныя направленія боролись въ самомъ движеніи. Въ началѣ августа генералъ Павія съ своей арміей придвинулся къ стѣнамъ Кадикса. Сальвочеа съ своими друзьями защищалъ входъ въ городъ, но англійскія суда въ гавани стали на сторону правительственныхъ войскъ и тѣмъ самымъ отрѣзали всякую дальнѣйшую попытку защиты.

Сальвочеа былъ на надежномъ мѣстѣ, когда солдаты генерала Павія вступили въ городъ. И были бы сущіе пустяки перебраться на лодкѣ въ Гибралтаръ. Но узнавъ, что многіе изъ его друзей арестованы, онъ добровольно отдался врагу, чтобы раздѣлить съ ними одну участь.

Военный судъ въ Севильѣ приговорилъ его къ пожиз-

венной ссылкѣ въ африканскія карательныя колоніи. Его благородный другъ Пабло Лядо самъ предсталъ предъ судомъ, чтобы сопровождать Сальвочеа въ ссылку. Въ Мартѣ 1874 г. оба были переправлены въ Африканскую колонію Ля Гомеры. Сальвочеа переносилъ свою судьбу съ великимъ спокойствіемъ и самообладаніемъ. Его родня поддерживала его деньгами, но онъ дѣлилъ послѣднюю копейку со своими сотоварищами по ссылкѣ и бѣднымъ жителями колоніи, которые почитали его какъ святого. Сальвочеа былъ добрымъ духомъ колоніи, онъ каждому былъ братъ и другъ, онъ служилъ всѣмъ утѣшеніемъ и удерживалъ отъ отчаянія. Въ 1876 г. Сальвочеа былъ переведенъ въ карательную колонію Кеуты, но черезъ короткое время его опять оттуда вернули на островъ Гомеры. За 8 лѣтъ своего пребыванія въ карательныхъ колоніяхъ, Сальвочеа ревностно изучалъ теоретическую и практическую медицину и всѣ силы свои посвящалъ воспитанію жителей Ля Гомеры. Но онъ и самъ въ плѣну продѣлалъ огромное духовное развитіе. Еще будучи въ Испаніи, онъ принималъ горячее участіе въ развитіи Испанскаго рабочаго движенія и былъ однимъ изъ первыхъ членовъ „Интернаціонала“ въ этой странѣ; но только въ плѣну онъ нашелъ необходимый досугъ, чтобы заняться изученіемъ идей и стремленій испанской федераціи „Интернаціональной рабочей ассоціаціи“ и постепенно пришелъ къ убѣжденію, что федеративная республика еще не послѣднее звено въ развитіи къ свободѣ, и въ сочиненіяхъ Бакунина и другихъ свободныхъ мыслителей онъ нашелъ ключъ къ новому міровоззрѣнію, — анархизмъ, который онъ сталъ съ тѣхъ поръ пропагандировать съ великимъ энтузіазмомъ и энергіей, — вплоть до самаго послѣдняго момента своей жизни.

Въ 1875 г. мать Сальвочеа стала хлопотать о помилованіи ея сына. Съ помощью многихъ вліятельныхъ друзей, ей удалось добиться согласія министра Кановаса-дель-Кастильо; но когда Сальвочеа узналъ объ этой ея попыткѣ, онъ написалъ матери страстное письмо, гдѣ онъ запрещаетъ предпринимать какіе бы то ни было шаги въ этомъ направленіи, заявляя, что онъ предпочитаетъ скорѣе умереть въ ссылкѣ, нежели принять милость отъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Въ 1883 г. городское управленіе Кадикса сдѣлало новую попытку въ этомъ направленіи и добилось своего: высшій судъ рѣшилъ его амнистировать. Но они не считались съ желѣзной волею великаго революціонера. Когда губернаторъ карательной колоніи вручилъ ему приказъ объ его освобожденіи, Сальвочеа на его же глазахъ разорвалъ документъ, сказавъ, что для него есть только два пути къ освобожденію: или самовольно собственной силой уйти, или по всеобщей амнистіи всѣхъ политическихъ арестованныхъ. Можно себѣ представить впечатлѣніе отъ этихъ словъ. Сальвочеа отвергъ освобожденіе и остался плѣнникомъ. Но девятью мѣсяцами позже, ему удалось убѣжать изъ Ля Гомеры. На маленькой лодочкѣ онъ достигъ арабскаго парусного судна, съ которымъ онъ прибылъ на Гибралтаръ. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Лиссабонѣ и Оранѣ, онъ поселился въ Танжерѣ въ Марокко, гдѣ онъ прожилъ до 1886 г., когда смерть Альфонса 12-го опять позволила ему вернуться въ Испанію, гдѣ его встрѣтили съ огромнымъ энтузіазмомъ.

* * *

Сальвочеа вернулся въ благопріятное время. Съ 1874 по 1881 годъ, анархическое движеніе въ Испаніи пережило періодъ страшныхъ преслѣдованій. Варварскіе исключительные законы препятствовали всякой открытой пропагандѣ. Сотни лучшихъ товарищей томились по тюрьмамъ, но движеніе все-таки продолжало существовать въ конспиративныхъ организаціяхъ. Издавались тайныя газеты какъ напр. „Эль Орденъ“, „Лясъ Репресаліясъ“, „Ля Революсіонъ популяръ“, „Эль-Мовимьенто“ и т. д. Только въ 1881 г. закончился этотъ мрачный періодъ и въ томъ же году собрался первый публичный конгрессъ испанскихъ анархистовъ. Съ 1881 г. до 1892 г. движеніе дѣлало громадные успѣхи, и Сальвочеа всегда боролся въ первыхъ рядахъ товарищей. Въ 1886 г. т. е. вскорѣ послѣ того, какъ онъ вернулся въ Кадиксъ, онъ основалъ анархическую газету „Эль Соціализмо“ и велъ широкую пропаганду въ Андалузіи. Во всѣхъ деревняхъ сельскіе рабочіе объединились и анархизмъ все прогрессировалъ по всей провинціи. Правительство со страхомъ смотрѣло на гигантскій ростъ движенія. Оно пыталось цѣлой серіей процессовъ извести газету, но этимъ самымъ оно только усилило анархическую пропаганду. За время отъ 1886 г. до 1891 г., пока издавалась газета, Сальвочеа былъ по нѣскольку десятковъ разъ арестованъ и приговоренъ къ разнымъ наказаніямъ, но его энергичныя защитительныя рѣчи на процессахъ производили сильныя впечатлѣнія, и послѣ каждаго процесса движеніе только выигрывало.

Тогда правительство прибѣгло къ другой мѣрѣ. Еще въ началѣ 80-ыхъ годовъ оно распространило слухъ о существованіи въ Андалузіи конспиративнаго общества „Мано-Негро“ (Черная Рука), которое состоитъ изъ убійцъ и грабителей и яко-бы находится подъ вліяніемъ анархическихъ принциповъ. Реакціонная пресса такъ часто повторяла эту ложь, что повсюду въ нее повѣрили, и тысячи людей арестовывались и часто подвергались наказаніямъ за принадлежность къ несуществующему обществу „Мано Негро“. На самомъ же дѣлѣ правительство только стремилось такимъ способомъ уничтожить великій „Союзъ Испанскихъ сельскихъ рабочихъ“.

1 мая 1890 г. Сальвочеа организовалъ крупныя революціонныя демонстраціи по всей Андалузіи, которыя произвели глубокое впечатлѣніе на рабочій классъ всей Испаніи. 1 Мая 1891 г. повторились тѣ же демонстраціи, хотя правительство поспѣшило арестовать за нѣсколько дней до того Сальвочеа и другихъ товарищей. Вскорѣ послѣ 1 Мая городъ внезапно былъ оглушенъ двумя взрывами. При одномъ былъ убитъ рабочій, при другомъ ранены четверо молодыхъ людей. Реакціонная пресса немедленно же, конечно, обвинила анархистовъ. „Эль Соціализмо“ же объявило, что это дѣло рукъ полиціи, и вслѣдъ затѣмъ цѣлая армія шпіоновъ и полицейскихъ ворвались въ редакцію газеты и „открыли“ тамъ двѣ бомбы, которыя они сами, конечно, принесли съ собою. Въ результатѣ арестъ громаднаго числа товарищей; нѣсколько недѣль спустя Сальвочеа постигла та же участь.

Такія же событія имѣли мѣсто въ городѣ Хересъ-дела-Фронтерѣ, который извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ революціонныхъ городовъ въ Андалузіи. Тамъ въ августѣ 1891 г. арестовали 157 анархистовъ и обвинили ихъ въ принадлежности къ „Мано-Негро. Само собою разумѣется, что эти позорныя дѣйствія реакціи вызвали ожесточенную ненависть въ сельскихъ рабочихъ и крестьянахъ. Видя, что нарушаютъ ихъ элементарнѣйшія права, нѣсколько сотъ человѣкъ рѣшили освободить своихъ арестованныхъ въ Хересѣ товарищей силой. Въ ночь на 8 Января 1892 г., 500 крестьянъ и рабочихъ проникли въ городъ Хересъ съ криками: Да здравствуетъ соціальная революція! Да здравствуетъ Анархія! Два помѣщика были убиты; солдаты сначала перетрусили, и такимъ образомъ нападавшимъ удалось провести часть своего плана. Только на разсвѣтѣ они отступили послѣ кровопролитной стычки съ вооруженной силой.

Буржуазія жестоко мстила. 18 февраля 1892 г. анархисты Ламела, Сарсуэла, Бисини и Лебрихано были задушены. Умерли мужественно, привѣтствуя смерть возгласомъ: „Вива ля Анархія!“ Они были наиболѣе счастливые; 17 другихъ товарищей были приговорены къ 10, 12, 15, 20 годамъ и нѣкоторые даже къ пожизненной тюрьмѣ. Между ними былъ и Сальвочеа. Правительство предъявило ему обвиненіе, что онъ организовалъ возстаніе въ Хересѣ,

сиди въ Кадикской тюрьмѣ. Въ Кадиксѣ не нашелся ни одинъ судья, который согласился бы судить по такому обвиненію. И поэтому то Сальвочеа поставили передъ военнымъ судомъ въ Хересѣ, который и осудилъ его на 12 лѣтъ тюрьмы.

На судѣ Сальвочеа держался геройски. Онъ зналъ, что его осудятъ во чтобы то ни стало. Судья обратился къ нему со словами: „Вы обязаны говорить правду на всѣ вопросы, которые я вамъ поставлю". Сальвочеа: „Этотъ процессъ не болѣе какъ подлая комедія, и я уже былъ осужденъ прежде, чѣмъ вы заставили меня явиться передъ вами, и слѣдовательно мнѣ вообще нечего отвѣчать вамъ." Судья: „Законъ устанавляетъ, что обвиняемый, который отказывается отвѣчать на вопросы судьи, тѣмъ самымъ признаетъ себя виновнымъ". Сальвочеа: „Я готовъ нести отвѣтственность за свое молчаніе." Судья: „Но какъ судью вы обязаны меня почитать". Сальвочеа: „Для меня всѣ люди равны, и не признаю высшихъ персонъ и мнѣ не за что васъ почитать." Судья еще поставилъ около дюжины вопросовъ, а Сальвочеа не проронилъ больше ни слова.

Сальвочеа былъ водворенъ въ тюрьму Валіадолидъ, гдѣ онъ долженъ былъ отбывать свое наказаніе. Первое время его совершенно отрѣзали отъ внѣшняго міра, и даже не разрѣшали писать писемъ. Только 7 Ноября 1893 г., когда онъ лежалъ тяжко больной въ тюремной больницѣ, нѣсколькимъ интимнымъ его друзьямъ было позволено посѣтить его. Его положеніе было ужаснѣе, чѣмъ можно себѣ представить. Сейчасъ же въ первое воскресенье по своемъ прибытіи въ тюрьму, начальникъ отъ него потребовалъ, чтобы онъ присутствовалъ на богослуженіи. Сальвочеа отказался, объяснивъ, что онъ атеистъ. „Это все равно", отвѣтилъ ему начальникъ: „или вы пойдете въ церковь, или я васъ запру въ подземный карцеръ". — „Я предпочитаю подземный карцеръ", отвѣтилъ Сальвочеа. И его посадили въ темную, сырую и холодную дыру. Мѣсяцы проходили. Сальвочеа заболѣлъ отъ сырости и онъ чувствовалъ, что его силы убываютъ съ каждымъ днемъ. На спасеніе онъ не могъ надѣяться, такъ какъ Испанія тогда переживала періодъ страшной реакціи. Въ этомъ безвыходномъ положеніи онъ рѣшился на самоубійство, чтобы покончить свои страданія. Тупымъ черепкомъ онъ причинилъ себѣ двѣ глубокія раны въ артеріяхъ шеи и одинъ опасный надрѣзъ въ боку. Тогда онъ вытянулся на полу и потерялъ сознаніе. Но отъ ужаснаго холода въ карцерѣ кровь застыла въ жилахъ, и это было его спасеніемъ.

Когда его нашли въ такомъ полумертвомъ состояніи, директоръ очень испугался. Его перевели въ госпиталь, гдѣ силы его только медленно возстанавливались. Когда онъ выздоровѣлъ, директоръ предложилъ ему мѣсто тюремнаго писаря. Но Сальвочеа объявилъ ему, что онъ даже въ такой формѣ не хочетъ быть слугой государства. 21 Августа 1898 г., его перевели въ тюрьму города Бургоса. Тамъ положеніе его было немного лучшее. Онъ перевелъ астрономическое сочиненіе С. Фламмаріона и исполнилъ нѣсколько другихъ мелкихъ литературныхъ работъ. Наконецъ въ 1899 г., когда плѣнники изъ Монтжюичъ были освобождены подъ вліяніемъ движеній протеста, начавшихся по всей Европѣ, тогда и передъ Сальвочеа открылись двери его тюрьмы. Онъ отправился въ Кадиксъ, гдѣ его опять ждали неописуемые восторги народа. Его духъ все еще былъ тотъ же, но здоровье его пошатнулось, особенно глаза пострадали отъ долгаго сидѣнія по тюрьмамъ.

Сальвочеа былъ дѣятеленъ до самаго послѣдняго момента своей жизни. Онъ пролилъ свою кровь на алтарь свободы, онъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ для своего идеала и сталъ такъ бѣденъ, какъ бѣднѣйшій изъ пролетаріевъ. Онъ писалъ безчисленное множество статей для анархической прессы Испаніи и издалъ также нѣсколько мелкихъ брошюръ. Послѣдняя его большая работа былъ превосходный переводъ книги Кропоткина: „Земледѣліе, промышленность и ремесла", который онъ сдѣлалъ для журнала: „Ревиста Бланка".

Вотъ въ краткихъ словахъ жизнеописаніе Ферминъ Сальвочеа, героя и борца. Его смерть вызвала потоки слезъ, его похороны,—была революціонная демонстрація, въ которой отъ 40000 до 50000 человѣкъ принимало участіе. Изъ всѣхъ городишекъ и деревень собрались они, эти бѣдные и несчастные, чтобы проститься съ мертвымъ. Сотни женщинъ цѣловали въ тѣ холодныя уста, которыя раньше такъ часто звали къ оружію къ борьбѣ за Хлѣбъ и Волю. И когда опустили трупъ незабвеннаго въ темную могилу, съ тысячъ устъ сорвалось: „Да здравствуетъ Анархія!"

Сальвочеа умеръ, но движеніе, которое имѣетъ въ своихъ рядахъ такихъ мужей, непобѣдимо.

Р. Рокеръ.

Революціонное движеніе на Западѣ.

Франція. Надо отдать справедливость Клемансо, онъ сдѣлалъ для революціоннаго дѣла во Франціи больше, чѣмъ всѣ соціалисты, синдикалисты и анархисты вмѣстѣ взятые. Его провокаторскія выходки, преслѣдованія и убійства — въ концѣ-концовъ должны были послужить дѣлу французскаго пролетаріата и разбудить его революціонную энергію. Онъ сумѣлъ на всегда дискредитировать республиканскую приманку, демократическій либерализмъ и отдѣлить пролетаріатъ отъ буржуазіи глубокою пропастью. Не надо еще забывать, что Клемансо — представитель не той буржуазіи, которая совершала революціи 93, 1830 и 48 гг., а болѣе передовой. Эта передовая буржуазія выступила въ борьбу съ рабочимъ классомъ. И если послѣ Фурми, извѣстная часть буржуазіи еще сильно протестовала противъ убійцъ, то уже послѣ Дравейля та же фракція громогласно оправдывала ихъ.

Теперь наступило совсѣмъ другое время. Рабочій народъ все болѣе и болѣе отрывается отъ политики, не интересуется больше дѣломъ выборовъ и начинаетъ выходить изъ рамокъ законности.

Властвующіе радикалы сначала попробовали дѣйствовать мягкостью. Они создали министерство Труда, поставивъ его главою соціалиста Вивіани, назначеніе котораго было смягчать конфликты между хозяевами и рабочими. Но когда эта ловушка не удалась, то стали уже прибѣгать къ „сильнымъ мѣрамъ".

Было бы слишкомъ долго высчитывать всѣ тѣ преступленія, которыми ознаменовалась Республика, начиная съ 1906 г., когда демократическія и соціалистическія объединенныя силы провели въ парламентъ радикальное большинство. Въ 1906 г. Клемансо довольствуется еще мѣрами тюремнаго заключенія, а соціалистъ Бріанъ — министръ юстиціи — тюремными приговорами. Въ 1907 же году начинается уже стрѣльба въ рабочихъ и въ результатѣ за годъ: 9 убитыхъ и 167 раненыхъ.

Въ 1908 г. разстрѣлы рабочихъ повторились въ большомъ размѣрѣ: за убійствами въ Виньѣ слѣдуютъ убійства въ Вильневѣ и Дравейлѣ. Дравейль остается исторической датой въ лѣтописяхъ французскаго пролетаріата. Это уже не было случайной стычкой съ военными властями, а первый опытъ, заранѣе подготовленнаго, вооруженнаго сопротивленія. Опытъ, безъ сомнѣнія, очень слабый, — рабочіе даютъ сопротивленіе призрачными баррикадами и кое-какими негодными револьверами противъ палашей и залповъ кавалеріи, — но все же это явно революціонная мѣра въ сравненіи со стачками съ скрещенными руками, или убаюкивающими рѣчами какихъ-нибудь политикановъ-соціалистовъ.

Забастовка каменотесовъ уже долгіе мѣсяцы продолжалась въ Виньѣ, — мѣстечкѣ, лежащемъ вблизи Парижа. Конечно, Клемансо наводнилъ мѣсто жандармами. Тѣ про-

производили массовые аресты. Чтобы арестовать нѣкоторыхъ стачечниковъ, жандармы однажды пытались вторгнуться въ залъ, гдѣ происходилъ митингъ, и когда рабочіе старались остановить ихъ, они стрѣляли въ окна, убивъ двухъ и ранивъ восемь. Вслѣдствіе этого разстрѣла, синдикатъ каменьщиковъ рѣшаетъ устроить манифестацію протеста, а „Генеральная Конфедерація Труда“ пытается вызвать однодневную всеобщую стачку. Изъ Парижа направляются въ Вильнёвъ 12 000 человѣкъ. Въ Дравейлѣ ихъ останавливаетъ 5-ый кавалерійскій полкъ. Болѣе рѣшительные рабочіе запѣваютъ „Интернаціоналъ“ и встрѣчаютъ войско камнями. Войско отвѣчаетъ сильнымъ огнемъ. Тогда манифестанты строятъ баррикады изъ всего, что попадается, и цѣлыхъ два часа не сдаются взбѣшеннымъ солдатамъ. Истощивши свои запасы и растрѣлявши послѣдніе патроны, рабочіе пустились врассыпную, оставивъ на полѣ сраженія 6 убитыхъ и 300 раненыхъ. На слѣдующій день всѣ важнѣйшіе вожаки „Ген. Конф. Тр.“ были арестованы. Вся буржуазная пресса одобрала рѣшительныя мѣры правительства, еще разъ спасшаго Республику. Соціалистическая пресса, за исключеніемъ la „Guerre Sociale“ Эрвэ, проповѣдовала спокойствіе, сожалѣя о насиліяхъ надъ рабочими, взваливая, какъ и всегда, всю вину на провокаторовъ.

Газета „Humanitè“ именовала „ребяческими выходками“ этотъ мужественный отпоръ каменьщиковъ и сожалѣла о томъ, что пролетаріи *изъ-за недостатка организаціи и дисциплины не съумѣли обуздать свои буйные порывы.*

Раппопортъ, этотъ представитель гедизма съ тѣхъ поръ какъ Гедъ отдыхаетъ въ одной изъ виллъ Алжира отъ парламентской дѣятельности, идетъ еще дальше и заявляетъ, что анархисты, которые сбиваютъ рабочихъ съ законнаго пути, получаютъ то, что заслуживаютъ, подвергаясь разстрѣлу со стороны правительства. Наконецъ амьенскій соціалистическій конгрессъ, намекая на дравейльскія происшествія, осуждалъ „стычки, въ которыхъ рабочіе безумно пытались выступить противъ всѣхъ силъ буржуазнаго правительства“.

Но всѣ эти мудрыя наставленія остаются безплодными. Въ Вимейѣ забастовщики, рабочіе по металлу, разрушаютъ замокъ своего эксплуататора. Въ Марамейѣ рабочіе разрушаютъ камнями заводы и портятъ электрическія машины. Перепуганные хозяева удираютъ отъ враждебно-настроенныхъ рабочихъ. Въ Мерю, стачечники пуговичныхъ заводовъ сознательно производятъ поврежденія на всѣхъ фабрикахъ, отбиваютъ отъ жандармовъ арестованныхъ товарищей. Терроризованные хозяева вынуждены были подписать всѣ требованія рабочихъ. Дома двухъ хозяевъ, не сдержавшихъ своего слова, подверглись разгрому.

Вообще приходится констатировать что всѣ старанія соціалистовъ порицаніями насильственныхъ мѣръ отвлечь гнѣвъ пролетаріи въ избирательскія урны остаются безуспѣшными. Всѣ мѣры радикальнаго правительства направлены противъ синдикалистовъ, сгруппированныхъ въ „Генеральной Конфедераціи Труда“, которая насчитываетъ болѣе 300.000 организованныхъ рабочихъ. Эта рабочая сила, противъ которой выступаетъ вся объединенная буржуазія, подлежитъ большому сомнѣнію. Однако надо признать и нѣкоторыя заслуги „Ген. Конф. Труда“. Она объединяетъ лучшую часть рабочихъ Франціи.

Но изъ этого еще нельзя заключить, какъ это дѣлаетъ перепуганная буржуазія и оптимизмъ анархистовъ-синдикалистовъ, что „Ген. Конф. Тр.“ насъ ведетъ постепенно къ соціальной революціи. Не надо терять изъ виду, что синдикализмъ, какъ чисто профессіональное движеніе, долженъ фатально вращаться въ плоскости реформизма. „Ген. Конф. Тр.“ никогда не имѣетъ опредѣленной линіи дѣйствій, ея положеніе мѣняется съ каждымъ днемъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ даннаго момента. Не слѣдуетъ забывать, что та же самая „Ген. Конф Тр.“ которая въ Дравейлѣ была доведена провоцированіемъ Клемансо до революціоннаго положенія, еще наканунѣ раболѣпствовала въ переднихъ министерскихъ кабинетовъ.

Анархисты-синдикалисты приходятъ въ восторгъ отъ марсельскаго конгресса; для нихъ — это торжество анархизма. На своемъ марсельскомъ конгрессѣ „Ген. Конф. Тр.“ вотировала (681 мандатомъ противъ 421 и при 43 воздержавшихся отъ голосованія) слѣдующую резолюцію: „Принимая во вниманіе, что армія все болѣе и болѣе клонится къ тому, чтобы замѣщать — на заводахъ, поляхъ и мастерскихъ — бастующаго рабочаго въ тѣхъ случаяхъ, когда она не можетъ выполнять своей роли, чтобы разстрѣливать, какъ въ Нарбонѣ, Роонъ-ль-Етапѣ и въ Вильнёвъ-сенъ-Жоржѣ. Принимая во вниманіе, что пользованіе правомъ стачекъ остается лишь насмѣшкой, какъ долго солдаты будутъ согласны замѣнять рабочіе руки и готовы убивать рабочихъ — конгрессъ, стоя на чисто-экономической почвѣ, находитъ особенно важнымъ просвѣщать молодыхъ людей такъ, чтобы они были убѣждены, когда имъ прійдется одѣть солдатскій мундиръ, что они тѣмъ не менѣе члены рабочей семьи, и что въ столкновеніяхъ между капиталомъ и трудомъ ихъ обязанность не употреблять оружія противъ своихъ братьевъ рабочихъ. Принимая во вниманіе, что географическія границы опредѣляются такъ или иначе по волѣ имущихъ классовъ, рабочіе признаютъ лишь границы экономическія, которыя отдѣляютъ два враждебныхъ класса: рабочій классъ отъ капиталистическаго. И что, слѣдовательно, всякая война — лишь покушеніе на рабочій классъ, что она страшное и кровавое средство отклоненія отъ его законныхъ требованій, конгрессъ заявляетъ, что слѣдуетъ, съ точки зрѣнія интернаціональной, наставлять рабочихъ, чтобы въ случаѣ войны между государствами, рабочіе отвѣтили бы на заявленіе войны заявленіемъ всеобщей революціонной забастовки“.

Тулузскій соціалистическій конгрессъ также высказался противъ войны, протестовалъ противъ употребленія войска во время стачекъ и стоялъ за всеобщую и международную забастовку. „Ген. Конф. Тр., правда, заявляетъ, что ставитъ конечной цѣлью уничтоженіе наемнаго труда и отнятіе отъ буржуазіи средствъ производства и обмѣна, чтобы передать ихъ во всеобщее пользованіе. Но развѣ самый блѣдный изъ марксистовъ не стоитъ за анархическій идеалъ къ 2000-му году?

Будемъ же судить „Ген. Конф. Тр.“ по ея дѣйствіямъ, а не по платоническимъ рѣшеніямъ конгрессовъ. Ведетъ ли синдикализмъ къ разрушенію современнаго строя? грозитъ ли онъ существованію государства и рабовладѣтеля?

До сихъ поръ мы видали лишь, что онъ борется за маленькія экономическія выгоды, гдѣ всякая корпорація имѣетъ свои собственные интересы и что онъ вступаетъ въ конфликтъ съ хозяевами, лишь ставя минимальныя требованія объ увеличеніи платы, или о незначительномъ уменьшеніи рабочаго дня. Одни только профессіональныя требованія двигаютъ каждый синдикатъ въ отдѣльности, и еще никогда „Ген. Конф. Тр.“ серьезно не выступала единодушно. И чѣмъ больше составъ ея возрастаетъ, тѣмъ больше тѣ революціонные элементы, которые она содержитъ, утопаетъ въ массѣ реформистовъ, чтобы затѣмъ окончательно дойти до блѣднаго тредъ-юніонизма.

Если этимъ нѣсколькимъ лидерамъ, вышедшимъ изъ анархистовъ и стоящимъ во главѣ менѣе — многочисленныхъ синдикатовъ и удалось своими прокламаціями комунибудь внушить вѣру въ революціонный духъ „Ген. Конф. Тр.“, то синдикаты съ болѣе значительнымъ составомъ доказываютъ обратное и устраняютъ всякую иллюзію на этотъ счетъ. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что, такъ какъ не существуетъ пропорціональнаго правительства, и вотировка на конгрессахъ производится по синдикатамъ, а не по числу человѣкъ, — то рѣшенія конгрессовъ бываютъ лишь выраженіями меньшинства. Это легко доказать съ цифрами въ рукахъ, и статистика это уже показала.

Между 681 делегатомъ, которые вотировали резолюцію марсельскаго конгресса, мнѣнія представляли фиктивные синдикаты, существующіе только на бумагѣ, или такіе, которые насчитывали человѣкъ 20 членовъ. Въ то время, какъ въ 421 синдикатѣ меньшинства есть, напримѣръ, синдикатъ печатнаго дѣла, желѣзнодорожниковъ, газовщиковъ, которые группируютъ громадное число членовъ. Характерно то, что именно въ синдикатахъ „большинства", меньше членовъ и они болѣе революціонны; — синдикаты же „меньшинства", — болѣе многочисленны и — реформистскіе.

Впрочемъ, перемѣны, которыя произошли въ высшей правящей бюрократіи „Ген. Конф. Тр.", на слѣдующій день послѣ марсельскаго конгресса, который привелъ въ восторгъ нашихъ анархистовъ-синдикалистовъ, вполнѣ ясно доказываютъ, какъ мало устойчивъ въ ней революціонный элементъ.

Когда Грифюэльсъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Леви, министръ финансовъ, подали въ отставку по личнымъ разногласіямъ, представители синдикатовъ собрались для того, чтобы ихъ замѣнить. И главнымъ секретаремъ „Ген. Конф. Труда", былъ выбранъ Ніель, который на марсельскомъ конгрессѣ былъ выразителемъ болѣе умѣренныхъ. Онъ проповѣдывалъ спокойствіе и воздержанность, и гремѣлъ противъ антипатріотизма и антимилитаризма. Это — кандидатъ превознесенный газетой Humanité кандидатъ, о которомъ не смѣло даже мечтать тріо Клемансо, — Бріанъ — Вивіани.

Федерація портовъ и доковъ, федерація жизненныхъ припасовъ, федерація морского вѣдомства, на которыя обыкновенно смотрѣли, какъ на авангардъ революціоннаго синдикализма, — вотировали за Ніеля. И надо знать, что ряды ихъ утроились за послѣднее время и кассы ихъ солидно снабжены.

Анархическіе элементы теряются, парализируются въ этой инертной массѣ, единственное стремленіе которой — завоеваніе частичныхъ реформъ, не рѣшаютъ соціальный вопросъ, а укрѣпляютъ современный режимъ. Энтузіазмъ нашихъ анархистовъ къ синдикализму трудно понять. Его можно развѣ только объяснить недостаткомъ собственной организаціи, или тѣмъ обстоятельствомъ, что до сего времени они были внѣ пролетаріата. Вступая въ „Ген. Конф. Тр.", они воображаютъ, что они съумѣютъ привлечь массу къ себѣ въ то время, какъ въ дѣйствительности они ею вовлекаются въ самый безплодный реформизмъ. Смотрѣть на синдикализмъ, какъ на совершеннѣйшую организацію, ведущую къ соціальной революціи — такъ-же наивно, какъ и вѣрить, что соціалисты своими выборщескими бюллетенями разрѣшатъ соціальный вопросъ.

Революціонные порывы, которые время отъ времени встряхиваютъ синдикалистовъ, вызываются лишь правительственными мѣрами.

Почтово-телеграфные служащіе недавно ясно доказали, что рабочія требованія могутъ восторжествовать и безъ организованныхъ синдикатовъ, и не только въ борьбѣ съ патронатомъ, но даже съ самимъ государствомъ.

Стачка почтово-телеграфныхъ служащихъ заслуживаетъ, чтобы мы на ней немного остановились. Мы въ первый разъ присутствовали при бунтѣ чиновниковъ, за которыми государство не признаетъ права стачекъ. Стачка эта возродилась благодаря сплетнямъ, которыя распускало радикальное правительство по адресу рабочихъ.

Банда политикановъ, которая правитъ Франціей, добившись повышенія въ 6000 франковъ фр. въ годъ, (за что вотировали и соціалисты депутаты) послѣ вотированія громаднаго кредита для созданія новыхъ кирасировъ и на разбойничество въ Мароккѣ, — спохватилась наконецъ, что бюджетъ въ дефицитѣ. Чтобы его пополнить, они рѣшили, оторвать кусокъ отъ скудныхъ окладовъ мелкаго чиновничества вообще и почтово-телеграфнаго въ частности. Телеграфисты, какъ протестъ, устроили мирную манифестацію. Лепинъ, начальникъ парижскихъ казаковъ, прибылъ на манифестацію во главѣ центральныхъ бригадъ. Полицейскіе окружили манифестантовъ, втиснули ихъ въ главную телеграфную контору и начали ихъ избивать.

Прибывшій въ то время Симіанъ, товарищъ министра почтоваго вѣдомства произнесъ убѣдительныя рѣчи къ женщинамъ телеграфисткамъ, на которыя онѣ отвѣтили шиканьемъ. Тогда онъ ихъ обозвалъ „коровами", публичными женщинами и т. п.

На слѣдующій день 8 человѣкъ изъ арестованныхъ были приговорены судомъ исправительной полиціи къ тюремному заключенію. Телеграфисты отвѣтили на эти полицейскія грубыя мѣры объявленіемъ забастовки. Они бросили работы, предварительно попортивъ аппараты. Пресса причала караулъ, громко требовала примѣненія самыхъ крайнихъ репрессивныхъ мѣръ противъ бунтовщиковъ. Клемансо объявилъ въ палатѣ депутатовъ, что разсчитаетъ всѣхъ забастовщиковъ.

Но движеніе лишь расширялось по часамъ, вовлекая постепенно различныя категоріи почтово-телеграфнаго персонала. Стачка, перейдя затѣмъ въ провинцію, разстроила всю почтово-телеграфную службу во всей Франціи. Эта стачка, — не будучи всеобщей, парализовала всю промышленную жизнь страны. Биржа понесла громадныя убытки; много банкировъ доведены были до банкротства. Синдикатъ рабочихъ по линіямъ, отъ которыхъ зависитъ функціонированіе телеграфа, присоединился къ движенію. Болѣе чѣмъ на 15-ти линіяхъ, были перерѣзаны телеграфныя проволоки. Правда, секретарь синдиката протестовалъ противъ этого „вандализма" и заявилъ, что онъ отыщетъ виновниковъ.

Скажемъ мимоходомъ, что тѣ изъ стачечниковъ, которые принадлежатъ къ „Ген. Конф. Тр.", не были изъ болѣе революціонныхъ.

Правительство оказало сопротивленіе: умножало разсчеты, угрожало страшными карами и... сдалось. Клемансо далъ слово подписать всѣ требованія, выставленныя служащими, взялъ обратно приказъ о разсчетахъ, и сталъ мягкимъ и уступчивымъ.

Рошфоръ меланхолически констатируетъ, что Клемансо, заставивъ войско исполнять службу, для которой оно не предназначено, сдѣлалъ для пропаганды антимилитаризма больше, чѣмъ самъ Эрве. — Палата, одобрившая крутыя мѣры Клемансо, окончательно была дискредитирована; паролемъ забастовщиковъ было: „Прочь политикановъ! Депутаты-соціалисты, пытавшіеся предложить свои безпристрастныя услуги, были встрѣчены презрительно. Ни на одномъ изъ многочисленныхъ митинговъ, которые были устроены, ни одинъ депутатъ не могъ добиться слова, чтобы проповѣдывать спокойствіе и законность.

* * *

Что сказать о соціалистическомъ конгрессѣ, только что кончившемся въ Сентъ-Этьенѣ, родинѣ Бріана? Уже прошли тѣ времена, когда конгрессы эти возбуждали интересъ рабочихъ. Послѣднія событія, забастовка почтовыхъ служащихъ, отъ которой парламентскіе соціалисты были устранены, — оттолкнули парламентскую соціалистическую партію на задній планъ. Да впрочемъ, они и не собрались въ Сентъ-Этьенѣ для того, чтобы революціей заниматься. И — что ихъ главнымъ образомъ занимало — это выборная кампанія, которая будетъ происходить въ 1910 году. Какъ сохранить мѣста свои, завоеванныя благодаря голосамъ радикаловъ? Вѣдь нечего и думать о томъ, чтобы сохранить свои 50 мѣстъ при помощи однихъ своихъ 50,000 раскладчиковъ, когда для этого требуется около милліона голосовъ. И дѣло было въ томъ, чтобы найти ловкую тактику, которая позволила бы, незамѣтнымъ образомъ, объединиться съ радикальной буржуазіей, т. е. съ убійцами Нарбоны, Виньи, Дравейля и съ — Клемансо.

Гэду, этому завзятому хранителю ортодоксальнаго марксизма, и досталась эта честь — вывести соціалистическую

партію изъ такого критическаго положенія. Партія рѣшила, что послѣ первой баллотировки, соціалистическій кандидатъ, вмѣсто того, чтобы поддержать свою кандидатуру противъ радикальнаго кандидата, будетъ поступать согласно интересамъ той парламентской фракціи, которую онъ представляетъ.

Это открытыя двери ко всѣмъ торгашескимъ продѣлкамъ и различнымъ махинаціямъ съ радикалами, отъ которыхъ и зависитъ успѣхъ соціалистовъ. Не будь тамъ Эрве, то, право, конгрессъ не имѣлъ бы никакой прелести. Соціалистическая партія имѣетъ въ лицѣ Эрве своего enfant terrible и его громогласный антимилитаризмъ, его призывы къ насильственнымъ мѣрамъ, стѣсняютъ партію особенно въ періодъ выборовъ. И Клемансо, безъ сомнѣнія, нарочно пораньше выпустилъ Эрве изъ тюрьмы, чтобы напакостить! Такъ хорошо было безъ него на Тулузскомъ конгрессѣ! Онъ серьезно начинаетъ угрожать соціалистическому единству. Не довольствуясь одними словами, онъ основалъ на Сѣверѣ „Le Rhône La seine" мятежныя федераціи, которыя выпускаютъ воззванія съ призывомъ къ поддержкѣ анархистовъ, точно также, какъ его коллеги „единства", призываютъ къ поддержкѣ радикаловъ.

Заняло-бы слишкомъ много мѣста изложеніе здѣсь этого манифеста мятежныхъ федерацій. Они заявляютъ себя антипарламентаристами, анти-патріотами, придаютъ важное значеніе всеобщей революціонной забастовкѣ, которая является средствомъ для достиженія коллективизма, или коммунизма. Они заявляютъ себя готовыми соединиться съ анархистами. Съ своей стороны, анархисты образовали революціонную федерацію, обнимающую 14 группъ. Курьезно констатировать, что анархисты-синдикалисты чувствуютъ необходимость въ томъ, чтобы образовать организацію внѣ синдикатовъ. Стало быть, они въ концѣ концовъ задумываются надъ тѣмъ, что синдикализмъ вмѣстѣ съ „Ген. Конф. Тр." не составляетъ еще той завѣтной машины, которая доведетъ ихъ къ соціальной революціи.

Вотъ документальное изложеніе принциповъ „Революціонной Федераціи": „Революціонная федерація признаетъ уничтоженіе владычества одного класса надъ другимъ, которое необходимо, и которое является главнымъ средствомъ, ведущимъ къ конечной цѣли. — Устройство общества, свободнаго отъ авторитета. Она противъ всякаго средства, могущаго явно противорѣчить ея конечной цѣли, и слѣдовательно — противъ парламентаризма, губительнаго для революціонныхъ дѣйствій. Она совѣтуетъ товарищамъ рабочимъ и служащимъ — принимать участіе въ синдикальномъ движеніи, и тамъ поддерживать только тѣ формы и манифестаціи прямого воздѣйствія" (стачки бойкотъ, антимилитаризмъ, антипатріотизмъ и повреждenія), которыя носятъ въ себѣ самихъ характеръ революціонный.

Она видитъ во всеобщей экономической стачкѣ, средство дезорганизаціи современнаго общества и эманципаціи пролетаріата, для пользованія уже достигнутымъ результатомъ организаціи производства. Врагъ всякой правительственной силы (арміи, полиціи, жандармеріи и магистратуры). Она провозглашаетъ право на индивидуальные и массовые революціонные акты. Она предлагаетъ всѣмъ своимъ членамъ, сообразно обстоятельствамъ и ихъ темпераменту, бороться всѣми средствами: уличными манифестаціями, военными стачками, насильственными экспропріаціями и возстаніями для коренного измѣненія капиталистическаго самовластнаго общества. Она признаетъ своимъ лозунгомъ, когда-то пущенный лозунгъ Юрской федераціи:

„Рабочій, отбери машины!"
„Отбери землю, крестьянинъ!"

Французскій анархистъ.

Италія. Наконецъ-то, царь можетъ поѣхать въ Италію!

На самомъ дѣлѣ, соціалисты тамъ недавно одержали значительную побѣду.

Благодаря объединенію съ либералами, христіанскими демократами и монархистами — конституціоналистами, они выиграли много мѣстъ въ Палатѣ депутатовъ.

Въ Римѣ, особенно, Риссолати, редакторъ оффиціальнаго органа марксистовъ «Avanti», уничтожаетъ революціонеровъ при содѣйствіи 300 лакеевъ королевскаго дома, и самого даже короля, который въ этой странѣ соціалистъ.

Цѣною этого успѣха, царь сумѣетъ посѣтить Эмануила, лишь-бы только анархисты не помѣшали этому празднику. Укажемъ на кандидатуру Guido Marangoni, противника насильственныхъ дѣйствій и врага анти-реформиста, въ провинціи Феррара.

Синдикализмъ торжествуетъ въ Палатѣ, и мы можемъ спокойно выжидать соціальной революціи!

Въ Неаполѣ, Артура Лабріола, великій теоретикъ итальянскаго синдикализма, велъ горячую выборную кампанію въ пользу политикана Верой'я и соціалиста Сиситти.

Аргентина и Бразилія. Правящіе классы этихъ двухъ республикъ попытались было вызвать войну между аргентинскимъ и бразильскимъ пролетаріатомъ съ тѣмъ, чтобъ парализировать пробивающееся соціальное движеніе, и чтобъ оправдать военные расходы, сильно накопившіеся за послѣдніе годы. Но аргентинскіе и бразильскіе рабочіе отбили у нихъ всякую охоту и ослабили ихъ воинственный пылъ тѣмъ, что дружно заявили, что при первомъ приказѣ о мобилизаціи они рабочіе, отвѣтятъ всеобщей революціонной забастовкой.

Правители аргентинскіе и бразильскіе поспѣшили тогда заключить мирный договоръ.

Мексика. Мексиканскіе революціонеры издаютъ воззваніе ко всему міру эксплуатируемыхъ, съ той цѣлью чтобъ привлечь ихъ вниманіе на тотъ деспотическій режимъ, которому подвергаетъ Мексику нынѣшній ея диктаторъ, Порфиріо-Діазъ.

Такъ какъ правительство повысило налоги, то 29 прошлаго марта крестьяне окрестности Сан-Андре взбунтовались, убили одного сборщика податей и другихъ ранили. Въ Сіерра-Мадре произошла схватка съ жандармами, и нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были убиты крестьянами. Повсемѣстно крестьяне возставали, съ крикомъ: «Долой налоги»! «Долой тиранію». «Да здравствуетъ революція»!

Революціонеры всячески пользуются этимъ боевымъ настроеніемъ, чтобъ сблизиться съ рабочимъ элементомъ. Они повсюду устраиваютъ митинги, на которыхъ призываютъ къ соціальной революціи и коммунизму.

Это движеніе весьма интересное потому, что оно показываетъ то пробужденіе революціоннаго духа, которое теперь охватываетъ южно американскія «республики», находящіяся подъ владычествомъ самыхъ свирѣпыхъ эксплуататоровъ.

Изъ Россіи.

Памяти Антона Сукова.

Я его встрѣтилъ на порогѣ тюрьмы. Мрачныя стѣны приняли насъ въ свои душныя объятія, и эта встрѣча смягчила первую острую боль о потерянной волѣ.

Какъ сейчасъ вижу его блѣдное лицо съ застывшей скорбной складкой на губахъ со жгучимъ, пронизательнымъ взглядомъ.

Въ его глазахъ какъ будто не было любви: доброта и ласка были чужды этому сумрачному лицу.

Внѣшность говорила о буйной натурѣ, о неукротимой энергіи, о непоколебимомъ мужествѣ.

Романтикъ по душѣ, онъ удалялся отъ пошлыхъ радостей земли. Онъ задыхался въ мірѣ позорныхъ будней. Его гордая душа мечтала о бурномъ праздникѣ возставшихъ рабовъ. Ему грезился міръ иной, міръ духовной красоты, полный блеска героическихъ дѣлъ.

Подъ сводомъ тюрьмы выросла и окрѣпла его ненависть, жгучая и больная ненависть, сотканная изъ слезъ и проклятій его души.

Мечты о заревѣ пожаровъ, гдѣ сгорятъ человѣческія слезы и расплавятся рабскія цѣпи, зажгли его воображеніе.

Въ глухія ночи звучалъ его голосъ: „Только ненависть и пожаръ, рожденный ею, уничтожатъ оковы, опѣлившія міръ“, — „не нужно любви… ее нужно вырвать съ кровью сердца“…

Какъ часто на разсвѣтѣ, когда на холодномъ небѣ догорали послѣднія звѣзды, въ уснувшей тюрьмѣ раздавались его нервные шаги, будя тревогу и грустныя сомнѣнья. Въ эти минуты онъ ковалъ сталь своей ненависти и давалъ обѣтъ отреченья. Онъ проклиналъ свои былыя мечты о личномъ блаженствѣ.

Было время и его юношескому воображенію университетъ казался храмомъ науки, откуда широкой волной разливается вольное слово, неся отвѣты на всѣ мучительные вопросы жизни.

Быстро, какъ сонъ, уходитъ наивность прежнихъ вѣрованій. Разрѣшеніе вопросовъ жизни дается только битвой, кровью сердца запечатлѣвается каждый шагъ движенія впередъ.

Въ тюрьмѣ онъ становится анархистомъ. Новое ученіе является для него могучимъ родникомъ, откуда его жаждущее сердце черпаетъ силу и вдохновеніе. Въ анархизмѣ онъ видитъ апофеозъ человѣческаго духа. Въ его грезахъ идеалъ принимаетъ стройныя очертанія. И говоря о новомъ ученіи, въ его глазахъ вспыхиваетъ отблескъ новаго солнца, восходящаго надъ поруганнымъ міромъ.

Быстро мчались дни и ночи. Ужъ въ окна тюремныя повѣяло свѣжестью сада и нѣгой весны. Тихо приплыли весеннія ночи съ ихъ сумракомъ и бѣлымъ дыханіемъ цвѣтовъ. Какъ онъ рвался на волю изъ цѣпкихъ когтей! Но тщетно въ порывѣ безумнаго гнѣва призывалъ онъ волю…

И снова я вижу его въ тюрьмѣ. Острое лезвіе голодовки повисло надъ тюрьмой. Рожденная голодомъ, стоитъ на порогѣ смерть. Тихо спятъ живые мертвецы. Ни шелеста, ни звука. Только изрѣдка подавленный стонъ тревожитъ блѣдную, нѣмую тишину.

Антонъ не спитъ. Блѣдный и больной, въ эти черныя голодныя ночи, онъ въ сердцѣ своемъ собираетъ всю жгучую злобу, весь ядъ своей ненависти. И вдругъ оно переполнится, и раздастся его ожесточенный призывъ. Его голосъ бьетъ молотомъ по утомленнымъ нервамъ, властный и могучій, онъ будитъ уснувшія сердца. Щедрой рукой онъ тратитъ свои послѣднія силы. Онъ сокрушаетъ все, что смѣетъ становиться преградой передъ нимъ.

Вздрагиваетъ тюрьма, въ ужасѣ мечутся палачи…

Я помню эту ночь, когда вечернія звѣзды искрились на потемнѣвшемъ небѣ и блѣдный серпъ луны освѣщалъ его усталое лицо. Мы стояли у окна, а съ берега рѣки звучала пѣсня тихимъ напѣвомъ утѣшенья. Глухо рыдали звуки, замирая въ воздушныхъ струяхъ и разливали грустную истому. Антонъ впервые улыбнулся. Казалось, забытая струна задрожала въ разбитомъ сердцѣ и навѣяла молитвенно-тихую думу. „Какъ хорошо на волѣ!“ прошепталъ онъ и его загорѣвшійся взглядъ молилъ заманчивую даль.

Это была послѣдняя его весна… Я его больше не встрѣчалъ. Недолго онъ томился въ медленномъ и тяжкомъ огнѣ. Блеснувъ, онъ угасъ, какъ гаснетъ звѣздный лучъ. Душа его не умерла, она задушена, убита звѣрскими руками.

* * *

Антонъ былъ такъ замкнутъ въ своихъ переживаніяхъ, онъ былъ такъ одинокъ въ своей жизни, что даже немногіе изъ тѣхъ его друзей, которые ему были близки, не знали его прошлаго. Онъ всегда отмахивался отъ назойливыхъ разспросовъ.

Въ послѣдній разъ онъ былъ арестованъ въ вагонѣ на ковельской дорогѣ. Освобожденный въ виду разстроеннаго здоровья отъ военной службы, Антонъ распространялъ среди солдатъ прокламаціи, призывая ихъ къ военному бунту. Ему грозило до трехъ лѣтъ крѣпости.

Послѣ двухлѣтняго тюремнаго отдыха онъ бѣжитъ изъ тюремной больницы.

Снова принимается за свою дѣятельность и на этотъ разъ отдается весь работѣ среди крестьянъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи Нечаевъ имѣлъ въ его лицѣ самаго ревностнаго поборника. Не признавая ничего, кромѣ стихійныхъ крестьянскихъ бунтовъ, Антонъ переходилъ изъ деревни въ деревню, агитируя крестьянъ и снабжая ихъ „рецептами“ для „краснаго пѣтуха“.

Какъ то разъ онъ пришелъ въ деревню, гдѣ ему передали, что мѣстный урядникъ — держиморда доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ въ своихъ насиліяхъ и вымогательствахъ. Это было достаточно, чтобы отважный и смѣлый Антонъ вышелъ на улицу, зарядилъ револьверъ и, освѣдомившись о томъ, гдѣ живетъ урядникъ, ворваться и убить его. Поднялся хаосъ. Сбѣжались крестьяне. Антонъ прокладывалъ себѣ дорогу съ револьверомъ въ рукахъ. Это было ошибкой, за которую онъ поплатился жизнью. Всѣ эти крестьяне были свои, и многіе даже знали Антона. Но въ горячую минуту никто не сталъ разбирать его лица. И вдругъ одинъ изъ преслѣдовавшихъ крестьянъ палъ отъ пули Антона. Это еще болѣе разожгло страсти и безъ того разгоряченной толпы. Она черная, темная, огромная, кинулась въ догонку, настигла его, и прикончила звѣрски, дубинами.

Когда кровавый туманъ разсѣялся и крестьяне узнали убитаго Антона, многіе разрыдались, приговаривая съ укоромъ: „Зачѣмъ онъ стрѣлялъ въ насъ, въ своихъ?“

Такъ жестокая смерть дикой рукой прервала мятежную жизнь, полную гордыхъ порывовъ къ красотѣ и свободѣ.

Увы! не согрѣть словами, холода вѣчныхъ ночей.

Лева.

Москва. Двадцать перваго марта 1909 г. нашъ товарищъ Константинъ Базыльчукъ покушался на жизнь помощника начальника Бутырской тюрьмы Сердюка.

Покушеніе произошло во время повѣрки. Сердюкъ былъ легко раненъ. Товарищъ Базыльчукъ, принявшій передъ покушеніемъ ядъ, вскорѣ послѣ скончался. Печатаемъ ниже письмо товарища изъ Бутырской тюрьмы, только что полученное нами, въ которомъ изложены подробности этого дѣла.

Бутырская тюрьма.

До сихъ поръ мы не имѣли возможности сообщить вамъ о покушеніи 21 марта. Изъ газетъ мы узнали, что администрація смѣетъ утверждать, что покушавшійся психически ненормаленъ, что у него въ камерѣ были соучастники двое изъ каторжанъ, которые и будто бы были ранены, что, наконецъ, было сдѣлано всего три выстрѣла. — Все это отъ начала до конца — ложь, расчитанная на то, что застѣнокъ съумѣетъ сохранить свою тайну, а если не съумѣетъ, то… такъ или иначе, но правда все же не будетъ возстановлена и не сдѣлается достояніемъ всѣхъ. По письмамъ изъ пятой камеры, гдѣ происходило покушеніе, произошло приблизительно слѣдующее. Все было полной неожиданностью для всей безъ исключенія камеры. Въ пасхальную ночь, какъ обычно, на вечернюю повѣрку пришелъ въ сопровожденіи надзирателей помощникъ начальника Сердюкъ. Одинъ изъ заключенныхъ (Кирилловъ) обратился къ нему съ вопросомъ — почему насъ лишаютъ простынь. — Сердюкъ отвѣтилъ ироническимъ вопросомъ. — А на что тебѣ простыня, есть вѣдь одѣяло“ Ему отвѣтили, что брезенты не бѣлье. Сердюкъ не соблаговоливъ отвѣтомъ, хотѣлъ выйти. Но Базыльчукъ обратился къ нему съ вопросомъ о задержанныхъ его книгахъ. Сердюкъ остановился. Базыльчукъ сдѣлалъ быстро два шага впередъ и замахнулся ножомъ. Между Базыльчукомъ и Сердюкомъ нѣсколько лѣвѣе стояли надзиратели Виноградовъ и Плюзичъ. Нѣсколько другихъ надзирателей стояли у двери. Базыльчукъ ударилъ ножомъ, но

Виноградовъ успѣлъ сильно толкнуть его, а Сердюкъ отскочилъ назадъ. Ножъ слегка лишь скользнулъ по рукаву Сердюка и кажется даже не ранилъ. Базыльчукъ отъ силы взмаха сдѣлалъ полный оборотъ на мѣстѣ и отъ толчка Виноградова шагъ вправо. Сердюкъ выхватилъ шашку и скомандовалъ стрѣлять. Раздался залпъ. Базыльчукъ упалъ головой къ окну. Вся камера какъ по командѣ упала на полъ. Надзиратели выбѣжали, продолжая стрѣлять въ лежащихъ. Они такъ торопились закрыть двери, что заперли въ камерѣ старшаго надзирателя старика Илюшика. Захлопнувъ дверь они продолжали обстрѣливать камеру черезъ окошечко надъ дверью. Пули, давая рикошеты отъ потолка, ранили лежащихъ на полу товарищей. Стрѣльба продолжалась долго, выпущено было свыше 30 зарядовъ. Она прекратилась лишь съ приходомъ начальника Дружинина. Базыльчукъ былъ раненъ въ ноги, при паденіи кинжалъ сломался и отбросивъ рукоятку, зажавъ клинокъ въ рукахъ, онъ лежалъ головой къ окну. Вошли въ камеру полную дыма, съ бѣлымъ поломъ отъ осыпавшейся штукатурки. Скомандовали встать. Всѣ встали, исключая раненыхъ. Дружининъ съ браунингомъ въ рукахъ спросилъ — кто здѣсь тотъ, кто покушался? — Кто то назвалъ Базыльчука. Базыльчукъ лежалъ на полу лицомъ внизъ, неуклюже подогнувъ подъ себя ногу. Надзиратели за ноги выволокли его на корридоръ и начали бить гнусно, какъ только умѣютъ тюремщики. Мы всѣ слышали его крики. Въ камерѣ затѣмъ былъ обыскъ, а всѣхъ вывели на корридоръ. Въ корридорѣ къ Кириллову подходитъ надзиратель. „Ты гдѣ былъ, жаль что тебя мы не видали, тебя надо застрѣлить перваго". — „Еще не поздно, сдѣлайте еще одинъ выстрѣлъ." Надзиратели опьянѣли отъ стрѣльбы и крови... Раненаго унесли, потомъ уволокли куда то Базыльчука.

При обыскѣ въ углу камеры нашли сложенный перочинный ножикъ. Надзиратель его раскрылъ самъ и увѣряетъ, что нашли его въ такомъ видѣ. Камеру прибрали, провѣтрили, сдѣлали снова повѣрку. Базыльчукъ отравился въ 10 часовъ вечера то же дня, успѣвъ дать показанія. Во время обстрѣла ранено кромѣ Базыльчука трое — одинъ тяжело, который теперь умеръ. Двое другихъ ранены въ ноги, по слухамъ одному придется сдѣлать ампутацію. На слѣдующій день, т. е. на первый день Пасхи администрація съ начальникомъ во главѣ правило пиръ. Начальникъ пилъ за здоровье стрѣлявшихъ выдавалъ имъ денежныя награды. Происходитъ судебное слѣдствіе. Администрація не можетъ отрицать факта стрѣльбы по грудѣ лежащихъ, молящихъ о пощадѣ тѣлъ. Это безусловно не была самооборона, а та кровавая баня которой намъ грозили такъ часто. Это такъ очевидно, что и администрація испугалась даже нашего тюремнаго слѣдствія и считаетъ нужнымъ подыскать фиговый листокъ. И вотъ по слухамъ на слѣдствіи и въ газетахъ она утверждаетъ, что у Базыльчука въ камерѣ были соучастники, что когда ударъ Базыльчука не удался, кто то шагнулъ впередъ, что найденный перочин. нож открытымъ, найденъ у Кирилова. Наконецъ Дружининъ грозилъ Кирилову и Сл. отдать подъ судъ за участіе. Это наглость. Но Кириловъ радъ былъ пойти на судъ и тамъ говорить о нашей жизни. Но теперь, кажется и на это нѣтъ надежды.

Въ газетахъ смѣютъ утверждать, что Константинъ Базыльчукъ психически ненормаленъ. И его дѣло плодъ болѣзни, потому напишу, какъ создалось это дѣло.

Вообще мысль о покушеніи была очень популярна въ тюрьмѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Дружининъ и начались тѣлесныя наказанія. Лучше всего за это говорятъ тѣ многочисленныя записки, которыя попали въ руки администраціи въ различныхъ камерахъ въ послѣднее время. Изъ нихъ можно было смутно догадываться о томъ, что готовятся какія-то покушенія. Но записки были анонимные и адресовались на клички, такъ что никого нельзя было привлечь къ отвѣтственности. Именно эти попавшіе въ руки администраціи записки объясняютъ многочисленные обыски послѣдняго времени, при которыхъ по большей части находили и отбирали ножи въ количествѣ, повергавшемъ въ изумленіе самую администрацію. За необычайную популярность мысли о необходимости покушенія слишкомъ ярко говоритъ и тотъ энтузіазмъ, съ которымъ было встрѣчено извѣстіе, что покушеніе состоялось. Всѣ съ удивительнымъ единодушіемъ признали Константина героемъ. Никто не ставилъ ему въ вину его неудачу, никто не упрекаетъ за тѣ разстрѣлы, которые были слѣдствіемъ его покушенія и которыхъ онъ не могъ не предвидѣть. Даже то, что покушался онъ не на Дружинина, а на Сердюка, который у насъ еще не успѣлъ себя ничѣмъ особымъ проявить — даже это не уменьшаетъ ореола дѣла. Наконецъ слѣдствіемъ покушенія былъ цѣлый рядъ строгостей и лишеній для всѣхъ насъ. Мы живемъ теперь буквально подъ наведенными револьверами. Многіе лишены возможности пользоваться прогулкой, лишили права полученія посылокъ и передачъ. Былъ повальный обыскъ по всей тюрьмѣ, забравшій массу вещей. Но всѣ невзгоды масса переноситъ удивительно бодро. Всѣ эти строгости, — въ связи съ тѣмъ, что вся администрація отъ низа до верха, особенно же эти верха — стала вдругъ необычайно корректна — мы разсматриваемъ какъ проявленіе непомѣрной трусливости, и чѣмъ нелѣпѣе строгость тѣмъ болѣе и болѣе бодрыхъ и злыхъ шутокъ вызываютъ она на тему о трусливости. Наконецъ кровавая баня не запугала. Мысль о необходимости покушенія теперь на Дружинина оставалась по прежнему популярной и на третій же день дошли извѣстія, что въ 30-ой камерѣ готовилось покушеніе, но приготовленія были замѣчены и возможность предупреждена. На этотъ разъ выступилъ не одиночка террористъ, берущій на себя всю нравственную отвѣтственность за свое дѣло. На этотъ разъ по слухамъ дѣло было рѣшено всей камерой, и исполнитель былъ выбранъ по жребію. Но выборъ былъ неудаченъ... Такъ ли это было или нѣтъ — не знаю, но характеренъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ встрѣтили вѣсть объ этомъ, тоже неудачномъ, дѣлѣ. Толпа и здѣсь признала героями неудачниковъ — хотя эти неудачи всею тяжестью ложатся на нее, и безъ того измученную... Повторяю — мысль о необходимости покушенія была и остается необычайно популярной. Администрація, имѣющая среди насъ многочисленныхъ шпіоновъ, прекрасно знаетъ это и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть возможность за малѣйшую попытку на покушеніе при самомъ началѣ залить потоками крови. Помощники всѣ безъ исключенія являются не иначе, какъ окруженные толпой надзирателей, человѣкъ 12 съ вынутыми изъ кабуръ револьверами въ рукахъ. Самъ помощникъ держитъ руки обычно за бортомъ мундира или въ карманѣ, а насъ сгоняютъ тѣсно одинъ къ другому въ уголъ за столъ, чтобы мы не могли сразу всѣ кинуться на нихъ. Такими же предосторожностями обставлены появленія въ камеру и низшей администраціи. Измѣнился и тонъ обращенія Дружинина, но грозитъ уже розгами. Надзиратели воздерживаются отъ площадной ругани. Въ особенности это сказалось въ первую недѣлю по покушеніи, но окруживъ себя вооруженной толпой, готовой съ радостью поупражняться въ стрѣльбѣ въ безоружную толпу, почувствовавъ себя въ нѣкоторой безопасности, нѣкоторые изъ администраторовъ повидимому начинаютъ питать робкую мечту, что и на нихъ сдѣлаютъ покушенія. Вѣдь это такъ удобно!! Что могутъ сдѣлать они со своими жалкими самодѣльными ножами! — оцарапать, а это незамѣнимый случай проявить себя „въ энергичномъ подавленіи безпорядковъ". А если не дѣлаютъ покушенія — надо его вызвать. Именно такъ объясняемъ мы себѣ вчерашнее появленіе помощника Мальфеева младшаго, набросившагося на камеру съ бестолковыми нелѣпыми придирками и угрозами.

Базыльчукомъ оставлено на имя товарищей письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что его покушеніе есть неизбѣж-

ный результатъ существующаго режима. Насъ не только ставятъ въ невозможныя матеріальныя условія, — надъ нами просто глумятся, отъ насъ требуютъ, чтобы и въ душѣ мы превратились въ сѣрую арестантскую скотину. Наконецъ тѣлесныя наказанія!!! Борьба всѣхъ — невозможна, приходится выступать одному за всѣхъ. Дальше онъ пишетъ, что долго колебался при выборѣ на кого сдѣлать покушеніе. Онъ особенно настаиваетъ на необходимость террора и среди низшихъ членовъ администраціи — среди непосредственныхъ выполнителей велѣній верховъ. И онъ хотѣлъ взять на себя именно покушеніе на одного изъ такихъ низшихъ членовъ администраціи, надѣясь, что на покушеніе на болѣе крупную величину, какъ Дружининъ, найдутся и помимо него много охотниковъ. Въ концѣ концовъ онъ остановился на Дружининѣ и въ этомъ предположеніи и составлено письмо. Письмо онъ заканчиваетъ надеждой, что его покушеніе будетъ первымъ ударомъ въ цѣломъ рядѣ другихъ, которыми мы отвѣтимъ, если тѣлесныя наказанія не прекратятся... Письмо это не сохранилось — его пришлось уничтожить...

Константинъ Васильчукъ родился въ 1890 г. Онъ былъ простымъ рабочимъ. Онъ не былъ образованъ, но былъ вдумчивымъ и мыслящимъ человѣкомъ. Все что онъ зналъ, онъ пріобрѣлъ почти безъ помощи книгъ — самостоятельной работой и потому его знанія были цѣльны. Въ жизни онъ былъ великолѣпнымъ человѣкомъ, работалъ онъ въ рядахъ анархистовъ-коммунистовъ, принималъ участіе въ нѣсколькихъ террористическихъ актахъ и это участіе рисуетъ его, какъ безумно смѣлаго и цѣльнаго человѣка. Онъ былъ два раза присужденъ къ смертной казни, которая была замѣнена ему вѣчной каторгой. И теперь онъ находился подъ слѣдствіемъ по другимъ дѣламъ, и это заставило его торопиться съ своимъ покушеніемъ.

Волинъ.

Варшава. Процессъ 24 анархистовъ-коммунистовъ въ Варшавѣ*).

Прежде чѣмъ я перейду къ изложенію подробностей процесса, я остановлюсь на нѣкоторыхъ событіяхъ, предшествовавшихъ ему. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1907 г. собралась конференція Анархистовъ-Коммунистовъ Польши и Литвы. Конференція ставила себѣ задачей создать федерацію всѣхъ группъ, которая тѣснѣе связала бы отдѣльныя организаціи, которыя тогда существовали въ Варшавѣ, Лодзи, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Ковнѣ и Вильнѣ. Кромѣ того конференція имѣла провести еще нѣкоторые другіе планы... Къ сожалѣнію это начинаніе было въ зародышѣ загублено страшнѣйшей провокаціей Абрама Гавенды, извѣстнаго подъ именемъ „Абраши". Этотъ негодяй самъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи конференціи и можно съ увѣренностью сказать, что онъ разсчитывалъ черезъ посредство конференціи предать заразъ всѣ группы Польши и Литвы. Конференцію полиція не успѣла накрыть, но какъ только она закончилась, по всѣмъ городамъ начались аресты товарищей. Пострадали Варшава, Лодзь, Гродно и Бѣлостокъ. Всѣ арестованные были переведены въ Варшаву, гдѣ они цѣлыхъ полтора года ожидали процесса. Никакихъ изобличающихъ документовъ не было найдено, предали же ихъ военно-окружному суду по однимъ провокаторскимъ показаніямъ „Абраши". Число привлекавшихся достигло 50, но составители обвинительнаго акта успѣли сфабриковать что-то похожее на обвиненіе только для 24, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ анархическомъ мірѣ. Были впрочемъ и совсѣмъ непричастные ни къ какому анархизму. Слабость отправныхъ пунктовъ обвиненія, конечно, не помѣшала судить ихъ по всей „строгости закона".

Печальная комедія суда продолжалась отъ 17 до 19 сентября 1908 г. Засѣданія происходили въ Цитадели, въ этой проклятой крѣпости, гдѣ каждый камень пропитанъ человѣческой кровью и слезами, гдѣ каждый кирпичъ можетъ вамъ разсказать о жестокихъ казняхъ надъ сотнями и тысячами благороднѣйшихъ борцовъ за свободу, проливших кровь своего сердца за свои идеалы. Вотъ здѣсь, между этихъ сырыхъ и мрачныхъ стѣнъ, которыя были нѣмыми свидѣтелями одного звѣрскаго злодѣянія тайнаго убійства нашихъ 16 товарищей въ 1906 г., здѣсь въ этой крѣпости палачей, разыгралась и нынѣшняя трагикомедія суда.

На одномъ изъ зданій читаемъ мы слова: „Офицерское собраніе". Это мѣсто, гдѣ днемъ и ночью совершается проституція въ самыхъ циничныхъ своихъ формахъ. Тамъ происходятъ балы и увеселительные вечера палачей. И временами это самое мѣсто превращается въ судилище. Тѣ самые офицера, которые часъ тому назадъ проводили время въ пьянствѣ и развратѣ, формируютъ и военный судъ и дѣятельно судятъ и убиваютъ борцовъ за свободу.

Въ четвергъ въ 2 часа дня начался процессъ 24, обвиняемыхъ въ принадлежности къ „Федераціи Анархистовъ-Коммунистовъ Польши и Литвы". Все обвиненіе построено на показаніяхъ провокатора Абраши. 14 мѣсяцевъ тому назадъ онъ явился въ Варшавскую Охрану и разсказалъ о существованіи Организаціи Польши и Литвы. Этимъ начинается обвинительный актъ.

Къ суду провокаторъ не явился. Судъ удовольствовался показаніями профессіональныхъ шпіоновъ варшавской охранки. Главный обвиняемый тов. Августъ Ватерлоосъ. Арестованъ Ватерлоосъ въ концѣ іюня 1907 г. въ предмѣстьи Лодзи. Въ Декабрѣ 1907 г. онъ варшавскимъ военнымъ судомъ былъ приговоренъ къ 15 годамъ каторги за участіе въ экспропріаціи. Будучи уже свыше 9 мѣсяцевъ закованъ въ цѣпяхъ, онъ вторично предсталъ предъ Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ, обвиняемый, какъ вождь анархическаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ.

По прочтеніи обвинительнаго акта предсѣдательствующій генералъ Кодельцинъ приступаетъ къ допросу. Первымъ вызывается тов. Ватерлоосъ, бельгіецъ по паспорту. Предсѣдатель: „Господинъ Ватерлоосъ! Свидѣтель изъ Варшавской Охр. показываетъ, что бельгійская полиція телеграфно увѣдомила Петербургскій Департаментъ Полиціи, что вы Сена-Гой-Гольцманъ". Тов. Ватерлоосъ: „Ватерлоосъ такъ Ватерлоосъ, и не морочьте меня Сена-Гоемъ". Предсѣдатель: „Какого вы исповѣданія? Ватерлоосъ: „Не признаю никакой религіи". Предсѣдатель: „Г. Ватерлоосъ! Признаете ли вы себя виновнымъ? Основали-ли вы Анархическія организаціи въ Россіи?"

Тов. Ватерлоосъ: „Здѣсь мнѣ поставлены два вопроса: Во первыхъ — признаю ли я себя виновнымъ противъ законовъ, которые вы сочинили для меня; во вторыхъ — о моей дѣятельности въ Россіи. На первый вопросъ отвѣчаю: Запрещаю вамъ ставить такіе наивные вопросы. Думаете ли вы, что мнѣ придетъ въ голову спросить васъ, признаете ли вы себя преступникомъ противъ человѣчества, права и культуры? Здѣсь вѣдь не разбираются вопросы объ истинѣ или неистинѣ, о правѣ или неправѣ, ибо *такіе* вопросы не рѣшаются посредствомъ цѣпей и эшафотовъ — я врагъ вашъ, и потому вы меня судите — вотъ и все! И не потому, что я не правъ или чувствую себя виновнымъ, а просто потому, что у васъ сила, грубая власть. — На второй вопросъ отвѣчу слѣдующимъ: „Я въ Россіи пропагандировалъ анархизмъ и всѣми силами работалъ для уничтоженія современнаго строя".

Тов. Ревекка Ярошевская отвѣтила предсѣдателю: „Съ тиранами я не разговариваю!"

Тов. Роза Гольцманъ: „Больше, чѣмъ я сказала жандармскому полковнику Шиткову на допросѣ, я и вамъ не скажу". Всѣ остальные обвиняемые отказались отъ дачи показаній.

Весь второй день былъ занятъ допросомъ свидѣтелей и

---

*) Рукопись о Варшавскомъ процессѣ, одновременно доставленная намъ и въ газету «Arbeiter Freind», въ русскихъ журналахъ до сего времени не была напечатана. Ред.

прочитываніемъ протоколовъ. Нѣсколько адвокатовъ держали длинныя защитительныя рѣчи, потомъ взялъ слово прокуроръ. Его трехчасовая рѣчь была сплетена изъ разныхъ хитроумныхъ софизмовъ. Онъ пытался разъяснить сущность анархизма, и только успѣлъ всѣхъ насмѣшить. Такъ напр. онъ говорилъ: „Анархисты не такіе, какъ П.-П С. или С.-Д. Развѣ ихъ идеи не красивы, не блестящи, не величественны?" И вдругъ онъ впадаетъ въ меланхолическій тонъ и начинаетъ жаловаться на русскій народъ, что онъ еще дикъ, теменъ и невѣжественъ. (А кто виноватъ?) „Онъ не пойметъ идеаловъ анархизма", и т. д. И опять внезапная перемѣна тона и палачъ обнаруживаетъ себя во всю. Онъ вскрикиваетъ и бьетъ кулаками въ столъ: „Я смотрю на анархистовъ, какъ на опаснѣйшихъ враговъ нашего отечества и нашихъ законовъ, и я требую для нихъ строжайшихъ наказаній".

Наиболѣе смѣхотворная сцена разыгралась при допросѣ свидѣтелей. Шпіоны при этомъ показали себя такими идіотами, что даже прокуроръ потерялъ съ ними терпѣніе. Тов. Ватерлоссъ ставитъ вопросъ главному шпіону по анархическимъ дѣламъ Летнину: „Что подразумѣваетъ полиція подъ спеціально анархическимъ дѣломъ и на основаніи чьихъ показаній я обвиняюсь, какъ руководитель „чернознаменцевъ?" Шпіонъ молчитъ. „Г. Предсѣдатель!" продолжаетъ тов. Ватерлоссъ: „Я требую, чтобы свидѣтель объяснилъ мнѣ, что значитъ слово „чернознаменецъ." Свидѣтель: „Не знаю!" Тов. Ватерлоссъ: „Я такимъ образомъ констатирую, что обвинительный актъ, выставляя меня главой чернознаменцевъ, основывается исключительно на показаніяхъ полицейскаго департамента; но спеціальный свидѣтель отъ полицейскаго департамента по анархическимъ дѣламъ абсолютно не знаетъ, что такое Черное-Знамя, онъ даже не понимаетъ значенія этого слова." Предсѣдатель: „Я признаю доводы обвиняемаго правильными." Тов. Ватерлоссъ: „Пускай свидѣтель Летнинъ объяснитъ, представляетъ ли Черное-Знамя особое направленіе и имѣетъ ли оно особую тактику?" Свидѣтель: „Не знаю. Я здѣсь не какъ экспертъ, а какъ свидѣтель. Будь я вызванъ какъ экспертъ, я бы занимался идеями Чернаго-Знамени." Предсѣдатель: „Г. Ватерлоссъ, свидѣтель говоритъ, что онъ не экспертъ." Тов. Ватерлоссъ: „Да, я понимаю. Если экспертъ получитъ шесть рублей вознагражденія, онъ раньше будетъ знакомиться съ вопросомъ; но если арестовываютъ людей, чтобы таскать ихъ на военный судъ и осудить ихъ, тогда не приходится заниматься такими мелочами."

Третій день былъ посвященъ совѣщаніямъ суда. Адвокаты Маковскій и Шишковскій держали блестящія рѣчи объ анархизмѣ, какъ идеалѣ. Послѣднимъ взялъ слово тов. Ватерлоссъ. Въ получасовой рѣчи онъ представилъ цѣли и стремленія анархизма и закончилъ словами: „я объявляю себя анархистомъ террористомъ вплоть до полнаго уничтоженія Бога, Государства и Капитала."

Въ субботу въ 9 часовъ вечера, послѣ долгихъ совѣщаній, предсѣдатель суда, генералъ Кодельконъ, объявилъ приговоръ. „Во имя Бога и Императора объявляю обвиняемыхъ виновными по ст. 102, II. Они анархисты коммунисты, и процессъ показалъ, что они принадлежали къ преступной организаціи, которая ставила себѣ цѣлью посредствомъ экспропріацій, террора и возстаній уничтожить существующій порядокъ въ Россіи и провозгласить анархическія коммуны. Судъ постановилъ слѣдующія наказанія: Бельгійскій подданный Ватерлоссъ теряетъ всѣ права и приговаривается къ 15 годамъ каторги. (По прежнему дѣлу онъ уже приговоренъ къ 12 г. каторги). Иванъ Макота, (Ваня, бѣжавшій съ каторги), Ревекка Ярошевская, Рафаилъ Баранчукъ (Саша) — каждый къ 10 годамъ каторги. (Саша въ февралѣ 1908 г. вмѣстѣ съ отважнымъ тов. Шафаромъ (Сашка) были судимы варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ по обвиненію въ экспропріаціи, гдѣ былъ убитъ буржуй Гедрикъ. Шафаръ по этому дѣлу былъ приговоренъ къ смерти, а Саша къ 10 г. каторги). Гершонъ Турекъ къ 8 г., Альта Брукъ (Женя), Абрамъ Френкель (Джекъ), Калманъ Островскій, Соломонъ Мельникъ къ 6 г. Давидъ Вейтманъ, Мордухъ Монатъ (Яковъ), Мордухъ Бартковскій, Лейбъ Цукерблатъ, Меиръ Крамаржъ, Іеремій Рабиновичъ (Леонидъ), Або Каменецкій, Зисель Катовицъ (ДосъКиндъ — дитя), Роза Гольцманъ, Бейле Поллакъ, Лейбъ Вайнеръ къ 4 г. каждый. Трое было оправдано. Обвиняемый Веньяминъ Буксбаумъ въ судъ по болѣзни не явился; получивъ на свою долю 4 года, онъ вскорѣ скончался въ тюрьмѣ.

Всѣ товарищи уже на пути въ каторгу, за исключеніемъ тов. Ватерлосса, который остался въ X Павильонѣ Цитадели.

Посылаемъ вамъ, товарищи, нашъ братскій привѣтъ. И на каторгѣ мы васъ не позабудемъ, сохранимъ завѣтъ солидарности. Ибо въ вашей побѣдѣ и наша побѣда.

Варшавская Цитадель.

Кіевъ. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ выяснить тѣ принципы и основныя положенія, которымъ стремились слѣдовать работавшіе товарищи въ Кіевѣ, освѣтить внутренній процессъ организаціи Кіевскихъ а.-к., не останавливаясь на изложеніи мѣстной хроники движенія, не перечисляя временныя неуспѣхи и систематическія неудачи, которыя выпадали на нашу долю.

Практика революціонной работы выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Среди нихъ первое мѣсто занялъ вопросъ объ отношеніи къ экспропріаціи. Кіевъ не представлялъ исключенія изъ другихъ южныхъ городовъ. Въ немъ также оперировали группы экспропріаторовъ, употреблявшіе деньги на личныя нужды своихъ членовъ и прикрывавшіеся именемъ анархизма. Даже въ средѣ болѣе или менѣе идейной, изъ которой впослѣдствіи вышли энергичные работники, развился чрезвычайно духъ „компромисса".

Совершавшіе экспропріацію выговаривали на свои личныя нужды извѣстный процентъ съ экспропріируемыхъ денегъ и т. д.

Анархисты Коммунисты Кіева, категорически отвергли всякое содѣйствіе къ улучшенію матеріальнаго положенія товарищей, путемъ денежныхъ экспропріацій на томъ основаніи, что такая экспропріація есть нечто иное какъ переходъ денегъ отъ одного собственника къ другому, и что она не имѣетъ никакого революціоннаго значенія.

Всѣ члены Кіевской группы заранѣе отказались отъ пользованія экспропріированными деньгами на личныя нужды, предназначая ихъ исключительно въ распоряженіе группы для продолженія и расширенія дѣятельности.

Затѣмъ Кіевской Группѣ пришлось остановиться на анализѣ тѣхъ основаній, которыя побуждали отдѣльныя группы рабочихъ, обыкновенно въ моментъ обостренія экономической борьбы обращатся къ ней (къ группѣ) съ просьбой объ изъятіи того или иного представителя или доблестнаго защитника капитала. Разсмотрѣвъ подробно этотъ вопросъ группа пришла къ тому выводу, что такія обращенія за „услугами" (иногда даже ради личной мести) носятъ исключительно утилитарный характеръ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ террористическихъ выступленій слѣдовало увольненіе рабочихъ закрытіе предпріятія и пр. та же самая масса, въ которой отзывчивые товарищи готовы были видѣть друзей анархизма немедленно обращалось въ его враговъ, что наконецъ нѣкоторые акты такого экономическаго террора не являются такими террористическими выступленіями которые наиболѣе разрушающе дѣйствуютъ на современный строй и наиболѣе развиваютъ соціально-революціонное движеніе, на основаніи всего этого группа рѣшила принимать участіе лишь въ такихъ актахъ экономическаго террора, которые не идутъ въ разрѣзъ съ задачами анархическаго движенія и его тактическими пріемами.

По вопросу объ отношеніи къ профессіональному движе-

нію группа приняла способъ воздѣйствія на него извнѣ не входя въ его профессіональные союзы членами, на томъ основаніи что борьба за лучшія условія продажи трудовой силы лежитъ вполнѣ въ сферѣ современнаго буржуазнаго общества, что она не является революціонно-насильственной борьбой рабочаго класса направленной на уничтоженіе власти и капитала. Наконецъ въ вопросѣ о террорѣ Кіевская Группа отказалось отъ классификаціи его на „мотивный" и „безмотивный" считая что всякій актъ классового революціоннаго протеста достаточно мотивируется всѣмъ укладомъ современной буржуазной жизнью.

Поэтому при выполненіе того или иного террористическаго акта направляемаго противъ класса эксплуататоровъ, — представителей власти и капитала, приходится его разсматривать лишь только съ точки зрѣнія *классовой* цѣлесообразности въ *данный моментъ.*

Въ февралѣ состоялся процессъ въ Кіевскомъ военноокружномъ судѣ по дѣлу о Кіевской Группѣ Ан. Ком. Были приговорены: Исаакъ Дубинскій и Наумъ Тишъ къ 15 г. каторги, Германъ Сандомирскій къ 8 г. каторги, Ульяна Кравецъ, Берта Скловская, и Хава Будянская къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы Эдгаръ Хорнъ (онъ же Эйдель Шмельте) къ пяти годамъ и 8 мѣс. каторги, Петръ Лятковскій къ 2 г. тюр. Ксенія Терновецъ была оправдана.

Ульяна Кравецъ, Берта Скловская и Ханна Будянская сейчасъ же послѣ приговора были освобождены, вслѣдствіи зачета придварительнаго заключенія.

Изъ Прибалтійскаго края.

Въ концѣ 1905 г. возникли первыя анархическія группы въ Прибалтійскомъ краѣ. Конечно въ то время, подъ взрывомъ бомбъ и выстрѣловъ съ одной стороны, и подъ страшными правительственными преслѣдованіями съ другой, думать о какой нибудь серьезной пропагандѣ среди рабочихъ было трудно. Анархисты главнымъ образомъ своими террористическими актами поддерживали бастующихъ рабочихъ и т. д. Я не буду останавливаться на подробномъ изложеніи дѣятельности анархическихъ группъ за это время, скажу только, что ими были совершены цѣлый рядъ террористическихъ актовъ и экспропріацій. Кромѣ того, не считая воззваній, выпущенныхъ по разнымъ поводомъ, нашими товарищами удалось выпустить нѣсколько брошюръ на латышскомъ языкѣ.

Правительственная реакція въ 1906 году приняла самые широкіе размѣры. Не проходилъ ни одинъ день безъ разстрѣловъ по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ и «при попыткѣ бѣжать». Особенно послѣдній пріемъ практиковался съ большимъ успѣхомъ. Были даже случаи когда «при попыткѣ бѣжать были повѣшены. Само собой разумѣется, что находясь въ такой обстановкѣ, анархическія группы долго не могли держаться и въ концѣ 1907 г., исключая отдѣльныхъ товарищей, въ Приб. краѣ небыло почти ни одной анархической группы. Товарищи, нежелая отдаться живыми въ руки палачей, чтобы избѣжать лишній визитъ въ славный Рижскій музей*) которыми завѣдовалъ Грегусомъ и Давъ — съ криками «да здравствуетъ Анархія» застрѣливались. Такъ безвременно погибло молодое анархическое движеніе въ Приб. краѣ, неуспѣвъ познакомить широкія рабочія массы съ идеями анархизма.

Прошелъ годъ, другой...

До сего времени нельзя было говорить о какой нибудь серьезной работѣ среди рабочихъ и крестьянъ, но это лишь потому, что у насъ не было латышской анар. литературы. Особенно этотъ недостатокъ ощущался въ деревнѣ, гдѣ лишь небольшая часть крестьянъ владѣетъ русскимъ языкомъ. Теперь этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени устраненъ и хоть сколько нибудь можно удовлетворить огромный спросъ на анархич. литературу**). Что касается старыхъ изданій то они были конфискованы, неуспѣвъ распространиться въ народѣ. Въ «святомъ дѣлѣ» конфискаціи анархической литературы, правительственные чиновники поддерживались с.-деками. Послѣдніе не разъ забирали нашу литературу и предывали пышнымъ «ауто-да фе». Но, какъ впослѣдствіи оказалось, ни правительство и ни соціальдемократы своей цѣли не достигли: за послѣднее время интересъ къ анархизму въ рабочей массѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ряды анархистовъ пополняются.

Если раньше соціальдемократы имѣли такой успѣхъ, хотя и не продолжительный, среди фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что до Лондонскаго конгресса латышскіе с-деки признавали всѣ пріемы насильственной борьбы. Почти всѣ нападенія на солдатскія патрули, полицейскихъ и прочихъ сатраповъ 1905 г., были организованны соціальдемократами. Всѣ стачки возникавшіе какъ на политической, такъ и на экономической почвѣ сопровождались террористическими актами, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали соціальдемократы. Въ концѣ 1905 г. при с-д. организаціяхъ образовались такъ называемыя «Боевыя Организаціи (между прочимъ долженъ отмѣтить, что въ «свободныя» октябрскія дни эти организаціи занимались охранной буржуазной собственности и разстрѣливаніемъ воровъ, выпивавшихъ рабочихъ и т. д. Жизнь правительственныхъ чиновниковъ, филеровъ и пр. сволочи считалась неприкосновенной и священной). Истиная тактика соціальдемократизма была прикрыта этими случайными насильственными пріемами борьбы. Народъ, не имѣя возможность разбираться въ подробностяхъ соціальдемократическихъ «догмъ», слѣпо шелъ по пути указанному с-деками. Только послѣ вооруженнаго возстанія, когда народъ свергнулъ столь ненавистный ему строй и власть перешла въ руки соціальдемократовъ, народъ опомнился. Старыя волостныя правленія были замѣнены «Исполнительными Комитетами», вмѣсто волостного старшины и другихъ членовъ волостного правленія, въ волостныхъ домахъ засѣдали по двадцати а то и больше новыхъ господъ (конечно всѣ соціальдемократы). Народъ же... остался въ прежнемъ состояніи рабства и угнетенія.

Тогда только народъ понялъ, что ему все равно кто облагаетъ его налогами и податями городской ли голова Армистедъ или Озоль, — будетъ ли волостной старшина съ рублемъ при зеленой ленточкѣ на шеѣ или соціальдемократъ въ красномъ галстухѣ. Да, горькій жизненный опытъ открылъ обездоленному люду Приб. края глаза и онъ увидѣлъ, что только разрушеніемъ современнаго строя, современныхъ правительственныхъ учрежденій онъ проложитъ себѣ путь къ свободѣ и счастью.

Рабочіе потеряли всякое довѣріе къ благодѣтелямъ соціальдемократамъ. Не помогаетъ имъ и то, что они въ своемъ органѣ утверждаютъ, что «рабочему не надо смотрѣть ни направо ни налѣво, что отвѣты на наболѣвшіе вопросы свои онъ можетъ найти въ соціальдемократической программѣ (Zihna № 22).

Въ настоящее время въ широкихъ слояхъ рабочаго народа хотя и замѣчается отсутствіе революціоннаго настроенія однако это не значитъ, что бунтовской духъ совершенно въ рабочихъ погасъ

Революціонный духъ рабочаго только не проявляется наружу. Пока совершается революція въ умѣ рабочихъ, рушатся всѣ старые предразсудки, выращенные какъ буржуазіей, такъ и ея защитниками политиканами. Вмѣсто этихъ гнилыхъ предразсудковъ въ умѣ рабочаго нарождается новая здоровая мысль — *вѣра въ свои собственныя силы.*

Почва для анархизма въ Прибалтійскомъ краѣ приготовлена и первыя сѣмена уже брошены. Нужно только чтобы они взошли и дали плоды. А этому можетъ способствовать пропаганда какъ устная такъ и письменная. Просимъ русскихъ товарищей поддерживать насъ русской анархической литературой. Werner.

*) Пытки въ этомъ застѣнкѣ нисколько не уступали пыткамъ въ испанскихъ застѣнкахъ. Здѣсь практиковались чисто испанскіе пріемы (ломаніе костей, сжиганіе тѣла накаленнымъ желѣзомъ, вырываніе ногтей, сдавливаніе половыхъ органовъ и т. д.

**) Нью Іорская лат. группа издаетъ журналъ «Brihwibs». Лондонская группа «Zensonis» издалъ сборникъ переводныхъ статей изъ книги Новомирскаго «Изъ программы синд. анархизма».

Денежный отчетъ.

Отчетъ редакціи: печатаніе номера 680 фр., отправка лит. — 18.35, почтовые и др. расходы — 17.75, долгъ въ Т. — 20, переводъ статей — 34. Всего 770 фр. 10 с.

Отчетъ группы: Р. Т. 53 фр., въ Якутскъ — 25.35, на дорогу тов. изъ Ж. — 121.50, случайные расходы на подд. товар. — 110. Всего — 309 фр. 85 с. — Болѣе подробный отчетъ хранится въ редакціи.

Почтовый ящикъ.

Бывшему Виктору. Почему ничего не шлете? — постарайтесь прислать къ слѣдующему номеру. — В. К-у. Ждемъ подробныхъ извѣстій. — Москвичамъ. Просимъ прислать карточку Константина Базыльчука и біографическія свѣдѣнія о немъ.

Ко всѣмъ товарищамъ. Редакція проситъ присылать теоретическія статьи, матеріалы движенія, хронику борьбы, біографіи, некрологи, прокламаціи и пр.

Письма и деньги просимъ направлять въ: Paris, Redaction du «Libertaire», rue d'Orsel, 15. На внутреннемъ конвертѣ необходимо сдѣлать надпись: «Для Анархиста».